

УНИВЕРСИТЕТ «ТУРАН»

**РГКП ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТОЛОГИИ И
РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ КН МОН РК**

**РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ»**

**«ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЖАҒАНДЫҚ ГЕОСАЯСИ ӨЗГЕРІСТЕР
ЖАҒДАЙЫНДА»**

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ТӘЖІРИБЕЛІК КОНФЕРЕНЦИЯ
МАТЕРИАЛЫ**

Алматы, 2024

УДК 327 (5)

ББК 66.4 (5)

ЦЗ8

Главный редактор:

Төлен Ж.М.

Редакционная коллегия:

Оржанова У.К., Каримова З.К., Мухамбедярова А.Т.

Г «Центральная Азия в контексте глобальных геополитических изменений» Материалы международной научно-практической конференции – Алматы, 8 декабря 2023 г., Университет «Туран». 257 с.

«Орталық Азия жаһандық геосаяси өзгерістер жағдайында» Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясының материалы – Алматы, 8 желтоқсан 2023 ж., «Тұран» университеті. 257 б.

ISBN 978-601-214-633-2

В сборнике представлены доклады участников международной научно-практической конференции, посвященные изучению влияния современных глобальных геополитических изменений в мире на ситуацию в Центральной Азии, связанных с ними угроз и рисков, а также дальнейших перспектив развития региона.

Жинақта әлемдегі заманауи жаһандық геосаяси өзгерістердің Орталық Азиядағы жағдайға әсерін, соған байланысты қауіптер мен тәуекелдерді, сондай-ақ аймақтың одан әрі даму перспективаларын зерттеуге арналған халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияға қатысушылардың баяндамалары ұсынылған.

УДК 327 (5)

ББК 66.4 (5)

ЦЗ8

ISBN 978-601-214-633-2

© Университет «Туран», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Ходжаев А. ИНИЦИАТИВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР «ОДИН ПОЯС ОДИН ПУТЬ» В ИНТЕРПРИТАЦИИ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ.....	5
Камалов А.К. ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В КАЗАХСТАН В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	18
Мамахатов Т.М. РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО.....	23
Gubaidullina Mara Sh., Paizova A. RUSSIAN POLICY IN CENTRAL ASIA EXPERTS' ARGUMENTS IN FAVOR OF SOFT AND ANTI-SOFT POWER IN THE REGION.....	28
Джумаева Г.С. СОСТОЯНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЛУ БАНЯ В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫГОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	37
Ахмедов Д.К., Абдувалиев А.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ЦЕНТРАЛЬНО АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ.....	45
Кыдырбекулы Д.Б. ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ДО СОЮЗА.....	51
Торланбаева К.У. РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ВЕЛИКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ НАРОДОВ.....	57
Мухамбедьярова А.Т. ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	62
Taichikova K. SOME ASPECTS OF INTEGRATION IN CENTRAL ASIA.....	68
Самай А.Д. ЦЕННОСТНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА.....	73
Серикбай Д., Камалов А.К. БЕЗЪЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОГО ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ.....	77
Рахматулина Д.М., Самай А.Д. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	83
Islomkhon Gafarov, Ulugbek Khasanov A NEW FORMAT OF RELATIONS IN THE CENTRAL ASIAN REGION.....	89
Ишмухамедов Ш.А. СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЦУР В КАЗАХСТАНЕ.....	97
Исаев А.У. ҚАЗАҚСТАННЫҢ ГЕОСАЯСИ «ҮЛКЕН ОЙЫНДАҒЫ» ОРНЫ.....	103
Оржанова У.К., Есеркемисова Б.А. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР.....	107
Оржанова У.К., Есеркемисова Б.А. РОЛЬ ОДКБ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ.....	111
Шидерина Г.Н. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА КАЗАХСТАНСКОГО УЧАСТКА ВДОЛЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО	

ПУТИ.....	115
Каримова З.К. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МИГРАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ КИТАЯ В КАЗАХСТАН (XIX-XX ВВ.)	123
Абаева А.Б. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	130
Медеу А. ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА-ПУТИ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	136
Тлеубекова К. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОСТЫ: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ДИНАМИКИ КАЗАХСТАНСКО-БРИТАНСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ И ТОРГОВЛИ.....	143
Бақытқызы А., Төлен Ж.М. “COVID-19 ПАНДЕМИЯСЫ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ МЕМЛЕКЕТТЕРІНІҢ ГЕОСАЯСАТЫ”.....	148
Кабылдаева Т.К., Төлен Ж.М. ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНДЕГІ КӨШБАСШЫЛАР МЕН ЖЕКЕ ТҮЛҒАНЫҢ РӨЛІ.....	153
Nurakhmetov T., Tussayeva A. TURKIC STATES AND REGIONAL COOPERATION: THE ROLE OF THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES (OTS).....	160
Исаева К.Е., Торланбаева К.У. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	166
Жеңіс А., Рахматулина Д.М. РОЛЬ МЯГКОЙ СИЛЫ В XXI ВЕКЕ.....	171
Лычакова Е., Торланбаева К.У. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	177
Әлпейісова М.Ш. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	183
Оразбекова А.Р. КӘСІПТІК ТЕХНИКАЛЫҚ БІЛІМ БЕРУДЕ ТАРИХТЫ ОҚЫТУДЫҢ ИНТЕРАКТИВТІ ТӘСІЛДЕРІ.....	187
Книсарина М.М., Гарбер А.И., Неталина Г.К. ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ФЕНОМЕНА БЛАГОПОЛУЧИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ.....	191
Қосдаулетова С.Қ., ЭТНО-ДІНИ ҚАҚТЫҒЫСТАРДЫҢ ҚОҒАМДА ПАЙДА БОЛУЫ, СЕБЕПТЕРІ ЖӘНЕ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ.....	195
Байлауов Р.Е., Книсарина М.М. ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ДОСТИЖЕНИЯХ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	199
Berkimbaeva S. K., Zhortushinova A. K. FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECTS OF INTENSIFIERS IN MODERN ENGLISH PHRASEOLOGY.....	205

Berkimbaeva S.K. CONTRASTIVE ANALYSIS OF LANGUAGE AND CULTURE IN TRANSLATION OF SOCIO-POLITICAL SPEECHES FROM ENGLISH INTO KAZAKH.....	213
Asratova M., Amrullaeva A, Turdalieva L. THE ROLE OF GLOBALIZATION IN THE FORMATION OF CULTURAL IDENTITY: THE EXAMPLE OF SOUTHERN EUROPE.....	217
Жұмалиева Г.С., Бекешова Г.У. БІЛІМ АЛУШЫЛАРДЫҢ ЗИЯТКЕРЛІК ӘЛЕУЕТІН АРТТЫРУДА ИННОВАЦИЯЛЫҚ БІЛІМ БЕРУ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНУ.....	223
Алитурлиева А., Книсарина М.М. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	229
Байзулина К.С. РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	234
Жұмаш А.Д. РЕАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА «ПОЯС И ПУТЬ» В КАЗАХСТАНЕ.....	237
Юсибова Л., Оржанова У.К. АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	243
Давыденко Н., Оржанова У.К. СУЩНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА.....	249
Оржанова У.К., Есеркемисова Б.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ФОРМЫ ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	253

А.Ходжаев, д.и.н.,
Главный научный сотрудник
Института Востоковедения Абу Райхана аль-Бируни

ИНИЦИАТИВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР «ОДИН ПОЯС ОДИН ПУТЬ» В ИНТЕРПРИТАЦИИ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

Ключевые слова: КНР, Китай, интересы, ученые, инициатива, экономическое развитие, транспортный коридор, наземный, морской, пояс, значение, регионы, программа, энергоресурсы, экспорт, импорт, сырье, товары, рынки.

Статья посвящена анализу мнений китайских ученых о значении, цели и задачи инициативы руководства КНР «Один пояс один путь». По их мнению, является названием долгосрочной и многогранной программы превращения Китая в глобальную великую державу к середине текущего столетия и создания нового миропорядка. Она в значительной степени выполнена на базе материалов на китайском языке.

Появление китайской инициативы «Один пояс один путь» связано с именем действующего председателя КНР Си Цзиньпина (习近平), пришедшего к власти в 2013 г. К этому времени Китай уже добился больших успехов в экономике страны, во внешней политике, укрепилась его позиция в международной жизни, а по производству многих видов товаров превратился в мировую фабрику.

Выступая в университете им. Назарбаева в Казахстане в сентябре 2013 г., Си Цзиньпин впервые высказал «великую мечту Китая о формировании «экономического пояса Великого Шелкового пути» («Сычоу чжилу цзинцзи дай» 丝绸之路经济带). Вскоре он озвучил эту идею в Индонезии. Объясняя суть «китайской мечты», он говорил, что «сближение политики стран, открытие дорог, обеспечение свободного продвижения товаров и денежных средств и сближение народов может обеспечить развитие более тесных экономических связей, еще больше углубит экономическое сотрудничество и расширит для этого пространство» [1, с. 6].

После этих выступлений Си Цзиньпина в КНР активно стали проводиться различные мероприятия, направленные на продвижение идеи «формирования экономического пояса Великого Шелкового пути», были организованы большие и пышные международные конференции, посвященные этой теме

[1, 136–137 сс., 159 с.]. Одна из таких конференций состоялась в городе Урумчи в 2014 г. (с 26 по 27 июня) под названием «Экономический пояс Шелкового пути – новая возможность совместного строительства и использования, обоюдной выгоды и процветания» [1, с. 174]. В сентябре этого же года там же был проведен «IX-й международный форум глав городов Шелкового пути и Форум совместного развития городов

Экономического пояса великого шелкового пути – 2014» с участием делегаций 48 городов из 25 стран.

Инициатива Си Цзиньпина «Один пояс один путь» была озвучена также в речи Министра иностранных дел Китая Ван И и отмечена в политических документах как «План социально-экономического развития на 2015 год», «Доклад о работе правительства» и др. Как государственная программа она была включена в список важных задач, поставленных перед новым правительством КНР [2].

Тем временем, в КНР было уделено серьезное внимание публикациям, направленным для защиты и пропаганды идеи «формирования экономического пояса Шелкового пути». К их числу можно отнести большую красочную книгу – альбом «Синь сычоу чжилу – чунсинь кайши дэ люйчэн» («Новый Шелковый путь – Вновь начатое путешествие») стоимостью 198 юаней, которая была широко распространена в зарубежных странах как сувенирное издание. Её автор Ма Юань отмечает, что «экономический пояс Великого Шелкового пути» открывает новую страницу истории, создает условия для взаимного сотрудничества народов в использовании его преимуществ на равноправной основе» [1, с. 6].

Вскоре после проведения указанных мероприятий Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс один путь» (и-дай и-лу / yì-dài yì-lu / 一帶一路), который, по сути, является продолжением ранее озвученного «экономического пояса Шелкового пути». Однако, новая формулировка целей и задач правительства КНР, выглядит более обобщённой, масштабной и загадочной, что является традиционным для китайской культуры и мудрости. Кстати, Мао Цзэдун, продолжая традицию древнекитайских мудрецов, любил выдвигать свои планы в виде коротких, обобщенных и неоднозначных по смыслу лозунгов. Например, один из них звучал как «Дунфэн ядао Сифэн» («Dongfeng yadao Xifeng» 东风压倒西风), что в дословном переводе означает «Восточный ветер подавит Западный ветер».

С точки зрения семантики, в современном китайском языке дважды используемое счетное слово *и* (yì 一) означает *один, единый*, иероглиф *дай* (dài 帶) – *пояс, ремень, лента, шарф*, иероглиф *лу* (lù 路) – *дорога, путь, проспект*. Однако, ни одно из указанных значений иероглифа *дай* не объясняет смысла инициативы. Если исходить из первоначальной формулировки «китайской мечты» и «Сичоу чжилу цзинцзи дай» (丝绸之路经济带 – «Экономический пояс Шелкового пути»), то становится понятным, что иероглиф «*дай*» есть сокращенное название «китайской мечты», суть которой заключалась как возрождение былого могущества Китая и превращения страны в сверхдержаву. В этом случае слово *дай*, с добавлением спереди счетного слова *и* (yì 一), означает «единое глобальное экономическое пространство». Иероглиф *лу* (lù 路) в древности использовался также в значении *большой, великий, закономерный, большое пространство*. Исходя из указанных значений трех иероглифов

словосочетание «И-дай и-лу» может быть переведено как «формирование единого глобального экономического пространства». То есть суть «китайской мечты» ясно раскрывается – запланировано формирование глобального рынка, где китайские товары, валюта и рабочая сила будут иметь свободное хождение.

Известный китайский ученый Ван Ивэй (王义桅) – активный пропагандист инициативы «Один пояс один путь» считает, что в данном случае иероглиф (yī 一) «один» означает «постоянное умножение благ», (dài 帶) несет смысловую нагрузку «разумное распределение благ по китайской модели», а «путь» (lù 路) – главная тема XXI столетия – стимулирование и помощь всем странам в движении по подходящему для них пути [3, с. 157].

В китайской прессе значение инициативы первого лица КНР объясняется следующим образом:

1) она охватывает территорию, где сосредоточены богатые запасы ресурсов, проживает 63 % населения планеты, а предположительный объем экономики составляет 21 трлн долларов США;

2) ее цели заключаются в поиске путей для формирования новой модели международного сотрудничества, которая с участием Китая может оказать содействие укреплению и улучшению деятельности существующих региональных двусторонних и многосторонних структур;

3) она «нацелена на содействие свободному, упорядоченному движению экономических факторов, эффективному распределению ресурсов и углублению рыночной интеграции, поощрению координации экономической политики стран расположенных вдоль «одного пояса и одного пути», расширению и углублению регионального сотрудничества, формированию совместными усилиями открытой, инклюзивной и сбалансированной архитектуры регионального сотрудничества, когда в рамках такой архитектуры партнерства все получают пользу и возможность устойчивого развития» [3, с. 157].

Ван Ивэй, поясняя причину возникновения инициативы «Один пояс один путь», отмечает следующее:

1) «Китайская реформа является новым достижением человечества» [3, с. 9], «процесс взаимодействия и взаимопроникновения в Китае фактически завершился, а это означает, что пришло время создания базы для формирования нового открытого Мира» [3, с. 19].

2) Назвав свою книгу «Шицзе ши тундэ – «Идай илу» дэ лоцзи» («Открытый мир – суть «Один пояс один путь»), автор пытался раскрыть главный смысл этой инициативы. Китайское слово «лоцзи» обычно переводится как *логика*, но в данном контексте оно несет смысловую нагрузку: *содержание, смысл, сущность*. Как нам представляется, по сути, название труда дает понимание того, что главный смысл инициативы «Один пояс один путь» (Yī dài yī lù 一帶一路) заключается в формировании нового, открытого для Китая, мира. Иначе говоря, эти четыре слова (иероглифа)

скрывают истинный план выстраивания нового миропорядка с Китаем в центре мира.

3) После династии Сун (960–1279) центр мировой экономики переместился с Востока на Запад. Теперь происходит обратный процесс. К 2025 г. мировой центр экономического развития полностью переместится с Запада на Восток. В этом процессе первые 10 лет XXI в. стали для поднебесной самым быстро развивавшимся периодом. Вместе с перемещением экономического центра происходит также перемещение политического. В этом процессе главную тяжесть несет Китай, который намерен обеспечить свободное движение своих товаров, капиталов, рабочей силы [3, с. 9].

Поясняя стратегический аспект «Один пояс один путь» Ван Ивэй отмечает, что инициатива предусматривает активизацию морских и сухопутных коридоров как внутри Китая, так и на международной арене, создание условий для «свободного движения с Востока на Запад и с Запада на Восток» [3, с. 65].

По мнению ученого, цели и задачи инициативы «Один пояс один путь» заключаются в следующем:

1) Формирование единого открытого пространства для продвижения интересов Китая;

2) Формирование экономического пояса Шелкового пути по сухопутным и морским маршрутам;

3) Обеспечение принципа ведения равноправной торговли, получение справедливых доходов, наличие равной ответственности, пользование благами в равной степени;

4) Осуществление взаимного сотрудничества и связей в производстве и использовании энергоресурсов, координация стратегии, формирование новых рынков, регулирование производств и деятельности рынков, ответственность правительств, стандартизация;

5) Обеспечение открытости в 5 аспектах: политике, планировании, торговле, движении финансов и сближении мышления народов;

6) Обеспечение нормального функционирования 6 транспортных коридоров:

- нового евро-азиатского моста от портовых городов провинций восточного побережья Цзянсу и Шаньдун до Казахстана – России – Белоруссии (через города Ляньюнган, Циндао, Жичжао, Сюйчжоу, Чжэньчжоу, Лоян, Сиань, Ланьчжоу, Урумчи, Хоргос, Астана, а также через прикаспийские нефтяные и железорудные районы);

- экономического коридора Китай – Монголия – Россия, проходящего через китайские города Тяньцзинь, Далянь, китайский пограничный пункт Маньчжоули, территорию Монголии, России и доходящего до Балтийского моря;

- экономического коридора Китай – Центральная и Западная Азия, ведущего в Персидский залив через город Урумчи (центр Синьцзян-

Уйгурского автономного района) страны Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран и Турцию;

- экономического коридора Китай – Юго-Восточная Азия ведущего в Сингапур через города Куньмин, Наньнинь, Лаос, Вьетнам, Камбоджа, Таиланд, Малайзия;

- экономического коридора Китай – Пакистан ведущего в южно-пакистанский город Гхаро и порт Карачи через горный пограничный проход Хунджераб (Хунчилапу) и Исламабад;

- морских маршрутов Шелкового пути, ведущих из южно-китайских портов в страны Южной Европы и Африки через Южное море, порт Сингапура, полуостров Индостан, порта Южного Пакистана, Ирана и Персидский залив [3, 13–17 сс.].

Согласно Ван Ивэя, программа, заложенная в инициативу «Один пояс один путь» запланирована к осуществлению в три этапа:

1) 2016 г. - начало полномасштабного действия инициативы и создание необходимой базы;

2) 2024 г. – завершение процесса формирования единого экономического пространства в рамках стран, входящих в зону указанных экономических поясов Шелкового пути и установление стандартов требований к осуществлению взаимных связей;

3) к 2049 г. - окончательное формирование единого экономического пространства во главе с КНР, в рамках которого все участники будут иметь равные права в плане: свободного общения, получения выгоды, использования созданных благоприятных условий, равной ответственности и определения перспектив развития [3, с. 157].

Вместе с этим Ван Ивэй отмечает, что капиталовложения, торговля и сотрудничество останутся главным содержанием инициативы «Один пояс один путь» [3, с. 25]. Он также подчёркивает, что в Китае уже построены в достаточно большом объеме высокоскоростные железные дороги и, теперь, КНР берет на себя ответственность за оказание помощи в строительстве таких путей странам, связанным «экономическим поясом Шелкового пути» и нуждающимся в этом [3, с. 9].

Поясняя значение инициативы «И-дай и-лу» Ван Ивэй пишет, что она в полной мере отражает «традиционную китайскую мудрость» (Чжнго чуаньтун чжихуэй 中国传统智慧) [3, с. 157] и направлена на «осуществление взаимных связей и взаимопонимание, иначе говоря, на взаимодействие китайской мудрости с мировой» [3, с. 7]. Он также отмечает, что инициатива неразрывно связана с идеей возрождения и расцвета «чжунхуа миньцзу» («народа центра цивилизации»), которая является целью на протяжении 200 лет [3, с. 157].

С точки зрения укрепления и расширения экономических связей Китая с зарубежными странами перечисленные наземные транспортные коридоры, безусловно, имеют важное значение, но с позиции политической выгоды и экономической целесообразности они не равнозначны.

Например, морские коридоры выгодны по причине низкой стоимости перевозки контейнеров морем, но при этом доставка грузов занимает намного больше времени. С точки зрения интересов Пекина эти маршруты небезопасны, так как могут быть блокированы в случае ухудшения отношений с США и их союзниками. Правящая элита КНР не исключает вероятности столкновения интересов Америки и Китая в будущем, когда его активное стремление превратить страну в сильнейшую мировую державу, естественно, потребует установления нового мирового порядка.

Как с политической, так и с экономической точки зрения менее выгодным транспортным маршрутом является «коридор Китай – Монголия – Россия». Он более выгоден для России, поскольку основная часть пути от Китая до Европы проходит через территорию РФ, а Пекин должен оплачивать транзит своих импортно-экспортных грузов по ставкам, в большей степени контролируемым Россией. Руководство КНР смотрит на отношения с таким большим соседом как Россия с большой осторожностью, ибо существует опасность столкновения интересов и ухудшения взаимоотношений, что может привести к закрытию транзита, поэтому Китай заинтересован в создании как можно большего числа альтернативных и выгодных коридоров.

С политико-экономической точки зрения наиболее перспективным является еще не открытый железнодорожный коридор от города Кашгара до Персидского залива через Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран. Перевозка товаров по этому маршруту чрезвычайно выгодна тем, что движение грузов по территории КНР будет максимально продолжительным по сравнению с другими коридорами, что даст серьезный доход при транзите чужих грузов и экономию при перевозке китайских. Еще одно неоспоримое преимущество этого пути заключается в том, что он проходит по территориям с теплым климатом.

С точки зрения политических интересов Китая, коридор Кашгар-Персидский залив через Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран, отдален от России, в силу этого Пекин будет менее зависим от Москвы. Иран как в прошлом, так и в настоящем имеет дружественные отношения с Китаем, Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном, которые также заинтересованы в этом маршруте. В условиях усиления финансовой и материальной поддержки Пекина интерес этих республик еще больше усилится. В перспективе вдоль этого коридора можно будет построить высокоскоростные автомобильные и железные дороги, проложить нефтегазовые трубопроводы. В этом случае улучшатся условия использования Пекином природных ресурсов южной части Центральной Азии и откроется прямой и короткий путь в Афганистан.

Однако такой коридор не выгоден России, так как в случае его открытия Москва потеряет значительную часть прибыли от транзита международных грузов по железнодорожному коридору КНР – РФ – Европа и свой монопольный статус в перевозках. Работа этого маршрута приведет к еще

большему усилению позиций Пекина на юге Центральной Азии, что не в интересах России. В условиях современных международных отношений, когда Россия и КНР выступают единым блоком в решении многих вопросов и имеют партнёрские обязательства, Москва не может открыто выступать против Пекина, поэтому наиболее вероятным может быть включение Узбекистана в состав ЕАЭС и ОДКБ, что, в результате, позволит установить контроль РФ над этим коридором. Пекин понимает это желание Москвы, поэтому определяет его открытие одной из важнейших задач программы «Один пояс один путь».

Как было сказано выше, необходимость открытия коридора Кашгар - Персидский залив через Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран объясняется также тем, что Китай является крупным импортёром нефти и газа, чьи потребности увеличиваются с каждым годом. В настоящее время значительная часть потребления энергоресурсов именно этих видов обеспечивается за счет импорта из России по трубопроводам и железной дороге, и морским путем из стран Ближнего Востока. Доступность и безопасность морского сообщения зависит от многих факторов, прежде всего, от китайско-американских отношений. В случае ухудшения таковых с США, Индией и странами Юго-восточной Азии, с которыми у Китая есть нерешенные проблемы, закрытие морских путей или ухудшение их безопасности станет неизбежным, что поставит Пекин в затруднительное положение.

В настоящее время китайско-российские отношения находятся в их наилучшем состоянии, но в истории взаимоотношений стран были и периоды их обострения. Например, анализ многих китайских публикаций по вопросу определения границ между царской Россией и Цинским Китаем показывает, что у китайцев имеются серьезные претензии к российской правящей элите прошлых времен. Общеизвестно, что между государствами нет дружбы, а есть только интересы, которые меняются в зависимости от состояния международной ситуации, степени развития экономики, политики и идеологии стран. Поэтому трудно поверить, что в долгосрочной перспективе правители Китая не исключают возможность охлаждения китайско-российских отношений и влияние их на политико-экономическое состояние КНР. К тому же, между двумя странами существуют территориальный и демографический дисбалансы. РФ является соседней страной с огромной территорией и сравнительно небольшим населением, а в КНР, имеющей гораздо меньшую территорию, где проживает крупнейшее в мире по численности население.

Ухудшение отношений с Россией непременно приведет Китай к потере важного и ближайшего источника импорта углеводородного сырья, что крайне нежелательно для Пекина. Если же правительству удастся заблаговременно открыть коридор Кашгар-Персидский залив через Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран путем модернизации существующих автомобильных дорог, строительства новых

железнодорожных путей и трубопроводов для прокачки газа и нефти, то Китай не будет испытывать дефицита в импорте углеводородов. Поэтому в Китае уделяется большое внимание открытию этого коридора для достижения поставленных целей в рамках программы «Один пояс один путь».

Открытие железнодорожного коридора от Кашгара через Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан до юго-западных иранских портов будет наиболее коротким маршрутом для транспортировки грузов в Африку, страны Ближнего Востока и Западной Европы, и менее зависимым от России. Пекин рассматривает Африканский континент как источник природных богатств, полезных ископаемых и дешевой рабочей силы, как неосвоенный рынок со слаборазвитой инфраструктурой и производством. Пекин рассматривает этот континент как потенциальное место для переселения части своего избыточного населения и рабочей силы, и как перспективную зону для вложения капиталов. Так, Китай активизировал вложения крупных инвестиций в 2000 г. К 2017 г. было напрямую инвестировано не менее 40 млрд. дол. США, а товарооборот составил порядка 170 млрд. В 2018 г. Пекин отправил в Африку 25 тыс. медицинских работников. Указанные цифры увеличиваются каждый год. В Африке Китай строит железные дороги, порты, электростанции, заводы, больницы, школы и дома [4, 84-90 сс.]. Одним словом, на Африканском континенте Китай занимается созданием инфраструктуры и потенциальных рабочих мест для китайцев, намерен перенести сюда значительную часть производств и переселить рабочую силу. Все эти меры осуществляются без вмешательства во внутренние дела и порядки местных народов, чтобы не вызвать недовольства властей и различных группировок. В любой ситуации Китай готов предложить деньги, товары и квалифицированную рабочую силу, чтобы прочно укрепиться в Африке и пользоваться богатствами континента. При этом китайское правительство старается показать себя только с лучшей стороны, чтобы на фоне сложившихся стереотипов отношений Африканских народов с пришедшими ранее на континент государствами Европы, США и России, выглядеть более заботливым и дружелюбным.

Важно отметить, что инициативу «Один пояс один путь» («И-дай и-лу») нельзя понимать буквально исходя из современных значений использованных иероглифов. На самом деле это название комплексной программы политико-экономического и культурного развития Китая, превращения его к середине нынешнего столетия в первую сверхдержаву, формирования открытого для Поднебесной «глобального единого экономического пространства», т. е. мирового рынка сбыта продукции и приобретения сырья с модернизированными наземными транспортными коммуникациями, служащими интересам Поднебесной. В рамках этой инициативы Пекин намерен решать любые проблемы и устранять все препятствия для открытия всех экономических коридоров между Востоком и Западом. Разумеется, реализация этой программы зависит

от многих внутренних и внешних факторов, которые невозможно спрогнозировать. Особенно трудно предсказать чем закончится соперничество Китая с другими мировыми державами, прежде всего с США.

Ситуация в КНР последних годов, связанная с коронавирусной инфекцией (по-китайски Синьсин гуаньчжуан бинду 新型冠状病毒), является непредвиденным обстоятельством не только для Китая, но и всего мира, которое может нанести сильный урон не только экономике страны, но и большой ущерб авторитету государства и имиджу китайцев. К отрицательным для Китая факторам можно отнести реакцию большинства государств, в том числе США, на политику Пекина в отношении исламской культуры и мусульманского населения СУАР, прежде всего к уйгурам.

Однако в одном можно не сомневаться – все практические шаги Пекина, направленные на осуществление указанной «мечты», могут усилить националистический дух китайцев.

В целях реализации «китайской мечты» на XIX съезде Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшемся с 18 по 24 октября 2017 г., были приняты новые задачи развития Китая до середины текущего столетия [5, с. 32]. На съезде были приняты изменения в конституции, позволяющие Си Цзиньпину оставаться на руководящем посту до конца жизни, усилить роль коммунистической партии и ужесточить борьбу против коррупции. Фактически, китайское руководство отошло от установки Дэн Сяопина на сменяемость высшего руководителя страны после двух сроков правления, которая позволяла Китаю успешно осуществлять экономические реформы в течение 30 лет. Это может усилить скрытую оппозицию внутри партии и в регионах, привести к вмешательству партийных органов в вопросы производства, как это происходило в бывшем СССР. Трудно сказать, повлияет ли это на перспективы развития Китая, где уже наблюдаются такие негативные для экономики страны элементы, как утечка валюты, бегство капиталов и вывод производств зарубежных инвесторов из Китая в другие страны.

Основываясь на сказанном выше можно резюмировать, что главный смысл китайской инициативы «Один пояс один путь» заключается в формировании открытого для Китая глобального рынка, где все страны, связанные с экономикой и политикой КНР, будут свободно сотрудничать между собой, в равной степени получать выгоду от использования созданных благоприятных условий, где будет обеспечена свобода продвижения товаров, капиталов, рабочей силы, налажены современные высокоскоростные наземные и морские транспортные коридоры. В рамках этого глобального рынка современный регион Центральной Азии будет иметь важное значение, поэтому Пекин будет и дальше продолжать политику укрепления собственной политико-экономической позиции в регионе, увеличивать здесь капиталовложения, главным образом в создание инфраструктурных проектов, горнодобывающую промышленность и в объекты, связанные с добычей нефти и газа, и их транспортировкой в Китай. При этом китайское

правительство будет уделять большое внимание использованию именно китайской техники и оборудования, рабочей силы и современных средств электронной связи и контроля. Китай также будет продолжать активное кредитование республик региона, с целью получения в будущем прав на длительное использование природных богатств или территорий в обмен на списание задолженностей, не покрываемых заемщиками.

Согласно Ван Ивэю, широкое распространение китайского языка и культуры во всем мире через организацию институтов и центров Конфуция также является составной частью задач китайской инициативы «Один пояс один путь» [3, 208–216 сс.].

Очевидно поэтому, в рамках программы «Один пояс один путь» правительство КНР уделяет большое внимание усилению позиции китайского языка и культуры в регионах Центральной Азии путем создания таких учебных центров, как «Институт Конфуция» или «Центр Конфуция», а также выделения государственных грантов для обучения местной молодежи в китайских высших учебных заведениях в различных городах КНР. В этом плане практическая работа в республиках Центральной Азии была начата задолго до объявления инициативы «Один пояс один путь».

Так, по инициативе китайской стороны, в 2004 г. впервые был открыт Институт Конфуция при Ташкентском государственном институте востоковедения [6, с. 78] (с мая 2020 г. Ташкентский государственный Университет востоковедения). Официальное соглашение об этом было подписано вскоре после пекинской международной конференции (в ноябре 2004 г.), посвященной состоянию и перспективам развития преподавания китайского языка в зарубежных странах. Перед институтом была поставлена задача обучения китайскому языку и культуре местных жителей различных возрастов и профессий через организацию краткосрочных курсов. Это был первый такой учебный центр в Центральной Азии. В Китае данное событие было оценено как «открытие окна в Центральную Азию» в плане распространения китайского языка и культуры [1, с. 177].

В Казахстане функционирует уже 4 Института Конфуция (в Астане, Алматы, Актобе и Караганде) [7], в Узбекистане – 2 (в Ташкенте и Самарканде), в Кыргызстане – 2 (в Бишкеке и Оше), Таджикистане – 2 (в Душанбе и Бустоне (Чкаловске) Согдийской области). Кроме того, в Кыргызстане действуют 9 классов Конфуция и в 8 ВУЗах осуществляется обучение китайскому языку.

В Туркменистане института Конфуция нет, но в нескольких вузах страны ведется обучение китайскому языку и литературе. Например, в Турецком национальном университете имени Махтумкули, Институте мирового языка Азад, Международном энергетическом институте, Международном университете нефти и газа, а также в средней школе № 90 города Ашхабад, средней школе № 14 города Седжин.

Китайское правительство через посольства КНР в этих государствах оказывает всяческую поддержку таким институтам, центрам и классам.

Однако в плане организации обучения языкам и распространению культуры этих государств в Китае - нет паритета.

Согласно сообщениям в интернете, в 126 странах и регионах мира функционируют 475 китайских Институтов Конфуция (ИК) [7].

По свидетельству Ван Ивэя, участника различных научных проектов нескольких аналитических центров КНР, а также читающего лекции в институтах Конфуция в зарубежных странах, к 2016 г. в 138 странах действовали 500 институтов Конфуция и 1000 классов Конфуция в школах. Из них 51 государство относится к числу стран, которые имеют отношение к инициативе «Один пояс, один путь». В этих государствах функционируют 131 институт Конфуция и 119 классов Конфуция, в которых уже прошли обучение 1 580 000 человек [3, с. 208]. Возможно, в ближайшее время их количество будет резко сокращено, так как в США и некоторых европейских странах власти стали закрывать действующие центры и институты.

По словам Ван Ивэя, эти институты, центры и классы организованы для широкого распространения китайского языка и культуры, а для обеспечения их кадрами в 4 вузах Китая осуществляется подготовка преподавателей китайского языка [6, с. 78].

Между тем, обучение молодых людей из республик Центральной Азии современным техническим дисциплинам, электронике и информационным технологиям, ни в институтах или центрах Конфуция в зарубежных странах, ни в самом Китае практически не наблюдается.

Это вызывало закономерный вопрос – почему Пекин тратит огромные средства на создание и функционирование таких институтов и центров, но не организует в них классы по техническим и естественным предметам, не обучает современным электронным технологиям, хотя в этой области страна добилась больших успехов, в свою очередь, получив большое количество собственных специалистов из студентов обучившихся в университетах США и Европы.

Как было озвучено в докладе Главного научного сотрудника Университета Инха в г. Ташкенте Г.С. Джумаевой, представленном на Международной научно-практической конференции, прошедшей в городе Алматы 8 декабря 2023 года под темой «Центральная Азия в контексте глобальных геополитических изменений», недавно правительство Китая начало запускать образовательную систему «Лу Баньские мастерские»¹ в зарубежных странах, включая республики Центральной Азии, направленную на привлечение местной молодежи к китайским технологиям, технике и языку в данной области.

На основе выше изложенных можно заключить:

¹ На китайском языке: Лу Бань цзуофан 鲁班作坊 или Лу Бань гуонфан 鲁班工坊. Лу Бань является именем китайского инженера.

Инициативу «Один пояс один путь» нельзя понимать буквально исходя из значений используемых иероглифов. Это обобщенное название программы политико-экономического развития Китая, направленной на формирование нового мироздания с центром Китая и открытого для него «глобального единого экономического пространства», т.е. мирового рынка с модернизированными наземными и морскими транспортными коммуникациями, служащими в интересах Поднебесной. Иначе говоря, словосочетание «Один пояс один путь» является концентрированным выражением пути и средств (стратегии и тактики) реализации «китайской мечты» по созданию нового миропорядка с Китаем в центре мира.

В рамках этой инициативы Пекин намерен решать все проблемы и снимать все препятствия для открытия всех экономических коридоров между Востоком и Западом. К столетнему юбилею образования КНР решение этих задач должно превратить страну в первое в мире развитое государство. Разумеется, реализация этой «китайской мечты» зависит от многих внутренних и внешних факторов, которые невозможно прогнозировать.

По утверждению китайских ученых, главный смысл китайской инициативы «Один пояс один путь» является в формировании открытого для Поднебесной мирового рынка, где все страны, связанные с экономикой и политикой КНР, будут свободно сотрудничать между собой, в равной степени пользоваться выгодами и благами, и где будет обеспечена свобода продвижения товаров, капитала, рабочей силы, налажены современные высокоскоростные наземные и морские транспортные коридоры. В рамках этого рынка современный регион Центральная Азия будет иметь важное значение для Пекина, поэтому правительство будет и дальше уделять внимание оказанию помощи региону в его развитии. Хотелось бы верить этим утверждениям и в практические действия правителей Китая. Как известно «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», поэтому трудно верится, что эти благие намерения завершатся для республик Центральной Азии без негативных последствий. Несомненно, только одно - результаты «благородных» действий будут служить интересам Китая.

В рамках программы «Один пояс один путь» правительство КНР уделяет большое внимание усилению позиций китайского языка и культуры в регионе путем создания «Институтов Конфуция» и «Центров Конфуция», и выделения государственных грантов для обучения местной молодежи в китайских высших учебных заведениях в различных городах КНР. Между тем обучение студентов из республик Центральной Азии современным техническим дисциплинам, электронике и информационным технологиям, ни в институтах или центрах Конфуция, ни в Китае практически не наблюдается.

Список использованной литературы

1. Ма Юань (составитель). Синь сычоу чжилу – чунсинь кайши дэ люйчэн. (Новый Шелковый путь – маршрут повторного путешествия). Большой фотоальбом с текстом (фармат 24 x 32). Пекин, 2014.
2. Wikipedia. Пояс и путь. <https://ru.wikipedia> – Один пояс один путь.
3. Ван Ивэй. Шицзе ши тундэ – «Идай илу» дэ лоцзи (Открытый Мир – суть «Один пояс один путь»). Пекин, 2016. С. 157.
4. Тоберг Р.И. Китайская «экспансия» как ресурсная составляющая международных конфликтов в Африке // Вестник МГИМО-Университета. 2008, 3(3): 84-90.
5. Чжан Пэн. Современные направления стратегического сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Автореферат диссертации доктора философии (PhD) по политическим наукам. Ташкент, 2020. С.32.
6. Шазаманов Ш.И., Шарапов А.А. Политика китайской народной республики в сфере образования. Ташкент, 2012. С.78.
7. Международное информационное агентство kazinform // https://www.inform.kz/ru/4-instituta-konfuciya-v-kazahstane-obuchayutitayskomu-yazyku_a2724590
8. Khodjaev A. The Ching China Occupation of Zhungaria and Eastern Turkestan // «The Turks». In 6 books, Ankara, 2002. Т. 5. p. 867-881;
9. Khodjaev A. The Struggle against Invaders // «The Turks». Т. 5. p. 882-893 и др.
10. Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (Из истории международных отношений в Центральной Азии). Ташкент, «Фан» 1991 (130 стр.);
11. Ходжаев А. Из истории международных отношений Центральной Азии в XVIII веке. Ташкент, «Фан» 2003. (290 стр.);
12. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2008-3-3-84-90>.

Түйіндеме

Мақала Қытай ғалымдарының ҚХР басшылығының «Бір белдеу – бір жол» бастамасының мәні, мақсаты мен міндеттері туралы пікірлерін талдауға арналған. Олардың пікірінше, бұл Қытайды осы ғасырдың ортасына қарай жаһандық ұлы державаға айналдырып, жаңа әлемдік тәртіп құрудың ұзақ мерзімді және көп қырлы бағдарламасының атауы. Ол негізінен қытай тіліндегі материалдарға негізделген.

Summary

The article is devoted to the analysis of the opinions of Chinese scientists about the meaning, purpose and objectives of the “One Belt One Road” initiative of the PRC leadership. In their opinion, it is the name of a long-term and multifaceted program to transform China into a global great power by the middle of this century and create a new world order. It is largely based on materials in Chinese.

**ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В КАЗАХСТАН В
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Ключевые слова: Казахстан, Китай, миграция, Центральная Азия, историография

Межгосударственная миграция между Китаем и Казахстаном представляет важный аспект внешнеполитических связей Казахстана в новое и новейшее время.² Вопросы этой миграции привлекали внимание ученых с давних пор: отдельные ее аспекты получили достаточное подробное освещение в научной литературе, однако некоторые эпизоды миграционных процессов оставались малоизученными по политическим и идеологическим причинам. В советской историографии обсуждение миграций через казахстанский отрезок советско-китайской границы в основном сводилось к изучению переселения уйгуров и дунган и Кульджинского края в Семиреченскую область Российской империи в конце XIX в. Эти исследования стали востребованными в 1940-1950-е гг., в связи с обострением политической ситуации в соседней с Казахстаном китайской провинции Синьцзян (Восточный Туркестан) и вовлеченностью Советского Союза в события в этом районе. Соответственно советские ученые старались показать «прогрессивное значение» переселения уйгуров и дунган на территорию Советского Союза. Только в 1949-1950 гг. одна за другой были защищены две кандидатские диссертации по переселению уйгуров из Кульджинского края, написанные М. Кабировым и М. Тургуновым [1], из которых первая была вскоре, в 1951 г., опубликована в виде монографии [2]. Несколько позже началось интенсивное изучение переселения дунганского населения в Семиречье [3; 4]. Эти исследования опирались на анализ российских и советских архивных материалов и учитывали результаты своих предшественников – ученых Российской империи. Можно сказать с уверенностью отметить, что советские ученые продолжили российскую традицию изучения переселения уйгуров-таранчей и дунган в Семиречье и их хозяйственной жизни, заложенную в трудах П. Румянцева, Н. Пантусова, И. Селицкого и др. Социальная, хозяйственная и культурная жизнь переселенцев из Китая конца XIX в. оставались актуальными темами в историографии до распада Советского Союза.

Вместе с тем, многие другие эпизоды и периоды в миграционных процессах в советско-китайском пограничье относились к «белым пятнам» в

² Данная статья написана в рамках реализации проекта «Миграционный фактор в казахстано-китайских отношениях», финансируемого КН НВО (ИРН АР19679244).

советской историографии, изучение которых не приветствовалось в связи с ухудшением взаимоотношений между СССР и КНР, начавшимися после смерти И.В. Сталина (1953 г.) и достигшими апогея в 1960-е гг., когда противостояние между бывшими «вечными друзьями» переросло в приграничные военные конфликты на р. Амур на Дальнем Востоке и на оз. Жаланашколь на казахстанском участке межгосударственной границы. В последующем, до перестройки, шла «холодная война» между Советским Союзом и КНР. Идеологическое противостояние «закрывало» для обсуждения многие аспекты советско-китайских взаимоотношений, включая переселения населения приграничных областей в том и другом направлениях. К таким «белым пятнам» относились массовые переселения жителей Семиреченской и Семипалатинской областей в Синьцзян в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.), в годы коллективизации в 1920-1930- гг. и Второй мировой войны.

К таким табуированным темам относилась также массовая миграция жителей приграничных районов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в советский Казахстан в 1950-1960-е годы. Массовое переселение того времени было вызвано репатриационной политикой Советского Союза и советско-китайской договоренностью о возвращении на историческую родину советских граждан, в большом количестве живших в двух китайских провинциях – Синьцзяне и Маньчжурии. Начавшаяся летом 1954 г. репатриация советских граждан, прежде всего этнических русских, татар, украинцев, евреев, проводилась планомерно с участием государственных и партийных органов двух стран. Со временем она переросла в массовое переселение и местных этносов Синьцзяна – уйгуров, казахов, дунган и др., а пиком миграции стал майский инцидент 1962 г., когда произошел массовый исход из Синьцзяна в Казахстан, в результате которого нелегально перешли границу около 100 тыс. человек, преимущественно казахов, уйгуров и дунган. После закрытия государственной границы в 1963 г. переход ее отдельными группами казахской и уйгурской молодежи продолжался вплоть до начала 1970 г., в период «культурной революции» в КНР. Массовая миграция из Китая в Советский Союз была нежелательной темой для обсуждения в советской историографии, что объяснялось нежеланием Советского Союза привлекать внимание мировой общественности к той неоднозначной роли, которую он сыграл в политической жизни Синьцзяна в 1930-1940-е гг.

Изучение миграции из Китая 1950-1960-е годов началось в Казахстане только в период независимости. Начало ему было заложено трудами по диаспорологии Г. Мендикуловой [5], особенно книгой «История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860-1960-е гг.», написанной в соавторстве с Б.Атантаевой в 2008 г. [6]. В ней на основе документальных архивных и статистических материалов впервые в казахстанской историографии была реконструирована история казахстанско-китайских межгосударственных миграций в дореволюционный и советский периоды. Последний раздел этой

работы был посвящен особенностям казахстанско-китайских миграционных процессов в 1950-1960-е годы [6, с. 185-213]. Было показано, что миграционные процессы в эти годы определялись изменениями репатриационной политики в СССР. Однако особенности миграции были рассмотрены только на архивных материалах Восточно-Казахстанской области, а массовое переселение в Алматинскую область через Хоргос не было затронуто.

Интерес ученых к миграции 1950-1960-х гг. усилился в последнее десятилетие. Событий 1960-1970-х гг. вкратце коснулась Е.Садовская в своей монографии по китайской миграции в Казахстан (2014) [7, с. 40-55]. Миграция казахов, уйгуров и др. Местных народов Синьцзяна была отнесена автором к “китайской миграции”, которую следовало на самом деле отличать от “миграции из Китая”, имея в виду что переселения ханьцев из Синьцзяна в поздне-советское время практически не было.

Впервые достаточно подробную картину репатриационной политики СССР в 1960-1960-х гг. дала российская исследовательница Н.Аблажей в книге “Казахский миграционный маятник “Казахстан – Синьцзян”. Эмиграция. Репатриация. Интеграция” (2014) [8]. В ней на основе анализа архивных материалов показана история миграции и реэмиграции казахов из Китая с 1880-х до 1960-х гг. С точки зрения миграционной политики рассмотрен большой временной отрезок, начинающийся с голода в степи 1930-х до закрытия советско-китайской границы в 1963 г., однако в книге не рассматривается массовое бегство 1962 г. Большой вклад в изучение истории миграции из Синьцзяна в Казахстан внесла С.Б. Кожирова, которая дала основную характеристику миграций 1940-1960-х гг. в монографии “Миграция из Китая в Казахстан: история и современность” (2017) [9, с. 35-53]. Обсуждение развития приграничных районов Синьцзяна и демографического аспекта миграций можно найти в трудах К.Сыроежкина [10, с. 258-268] и Ж. Абубакировой [11, с. 64-65].

Миграция истории межгосударственной миграции из Китая в Казахстан, в том числе событий 1950-1960 гг., длительное время оставалась не освященной темой и в западной научной литературе, что было связано недоступностью для западных исследователей архивных материалов как в СССР, так и в КНР. Это, несмотря на то, что основу теории «фронтара», рассматривающей приграничные области империй как особые зоны, подверженные миграционным потокам, впервые заложил американский востоковед Оуэн Латтимор. Пожалуй, первым из западных ученых темы миграции интересующего нас времени коснулся Дж. Мозели в своей книге об Или-Казахской автономной области [12]. Американские и европейские ученые в период «железного занавеса» могли изучать только миграцию казахов из Китая в Турцию, что было успешно проделано в трудах Г. Лайас [13] И.Сванберга [15;16] и Л.Бенсон [16]. Работы последних авторов стали доступны на русский язык благодаря переводу 1997 г. [25]. Относительно недавно тема миграции казахов на Ближний Восток вновь была поднята в

коллективной монографии авторов под редакцией японских ученых Дж. Нода и Р. Оно (2019) [17].

Вопросы миграции из Китая в Казахстан изучаются и в китайской историографии, однако ее основные позиции определяются китаеццентрическими представлениями: китайские авторы убеждены, что миграции были результатом подстрекательства России, а затем СССР и желанием добиться депопуляции приграничных областей Синьцзяна. Теоретические подходы китайской историографии и методы их анализа отразил недавно Мао Шэн в статье о миграции 1950-1960-х гг. [18]

Новый подход к изучению миграции 1950-1970-х гг. из Китая, связанный с изучением устных историй мигрантов, открыла статья У.Кларка и А.Камалова [19], в которой впервые были использованы свидетельства ныне живущих в Казахстане мигрантов. Это новое направление в исторической науке – использование устных рассказов в качестве основного источника информации и анализа впервые в полной мере было применено в научно-исследовательском проекте «Устная история миграции 1950-1970 гг. из Китая в Казахстан», проводившимся группой исследователей на базе Университета «Туран» в 2020-2022 гг.

Устная история позволила взглянуть на исторические события, связанные с причинами, ходом и последствиями миграции 1950-1970-х годов, сквозь призму индивидуальных рассказов самих мигрантов и опыта их переселения. Устная история, получившая развитие впервые в послевоенных США, до недавнего времени не была развита в постсоветских странах, где она рассматривалась как неаутентичный источник информации. Однако уже в последние десятилетия устная история получила признание в России как важная научная область исторической науки и как ценный метод исследования. Преимущество устной истории заключается в том, что она позволяет взглянуть на события с точки зрения простых людей, которые становятся главными акторами исторического процесса. Устная информация предстает в этом случае как полноценный исторический источник, не менее важный, чем другие виды источников. Применение устной истории позволяет также выйти на уровень других теоретических подходов в изучение миграционных процессов, которые еще не применялись учеными в изучении данной миграции: рассмотрение приграничных областей СССР и КНР как особых зон «фронтиров» со своими только им свойственными признаками, а также истории повседневности, связанной с жизненными историями переселенцев.

В то время, как вопросы миграции местных народов из Китая в Казахстан получили достаточно подробное освещение в отечественной и зарубежной научной литературе, до сих пор слабоизученным является миграция ханьского населения в Казахстан в период независимости. Эта тема является в настоящее время предметом научно-исследовательского проекта «Миграционный фактор в казахстано-китайских отношениях»,

финансируемого Министерством высшего образования и науки Республики Казахстан (2023-2025 гг.).

Список использованной литературы

1. Тургунов М.К. Переселение уйгуров-таранчей из Китая в Семиречье и поселяющее их землеустройство. Автореф. дисс...канд.ист.наук. Ленинград, 1950. – 19 с.
2. Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. – Алма-Ата: Наука, 1951. – 154 с.
3. Юсупов И.И. Советские дунгане в период строительства социализма. Фрунзе: Илим, 1977. – 262 с.
4. Юсупов Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе: Киргисиздат, 1961. – 80 с.
5. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2006. – 343 с.
6. Мендикулова Г.М., Атантаева Б.Ж. История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860-1960-е гг. – Алматы: изд-во “Са-га”, 2008. – 232 с.
7. Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. Алматы: Раритет, 2014. – 444 с.
8. Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. – Караганды: без изд., 2014. – 254 с.
9. Кожирова С.Б. Миграция из Китая в Казахстан: история и современность. – Алматы: Мир, 2017. – 304 с.
10. Сыроежкин К.Л. Нужно ли бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. – 432 с.
11. Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана (этнорегиональный аспект). Усть-Каменогорск, 2010. – 190 с.
12. Moseley J. A Sino-Soviet Cultural Frontier. The Ili Kazakh Autonomous Chou. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1966. – 163 p.
13. Lias G. Kazak Exodus. – London: Evans Brother Limited, 1956. – 230 p.
14. Svanberg I. Russians in China // Multiethnic Studies in Uppsala. Essays presented in Honor of Sven Gustavson. June 1, 1988. Center for Multiethnic Research. – Uppsala: Uppsala University, 1988. – P. 57-111.
15. Svanberg I. Kasak Refugees in Turkey. A Study of cultural persistence and Social change. – Uppsala, 1899. – 211 p.
16. Benson L., Svanberg S. The Russians in Xinjiang: from immigrants to national minority // Central Asian Survey. – 1989. – №8 (2). – P. 97-129.
17. Noda J., Ono R. (ed.). Emigrants/Muhacir from Xinjiang to Middle East during 1940-1960s. MEIS-NIHU series #1. Fuchu, Tokyo, 2019. – 155 p.

18. Sheng Mao. More Than a Famine: Mass Exodus of 1962 in Northwest Xinjiang // The China Review. – 2018. – Vol.18, No.2. – P.155-183.

19. Clark W., Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers // Central Asian Survey. – 2004. – №23(2). – P. 167-182.

УДК 339.9

Мамахатов Т.М., к.э.н.
Ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора изучения
стратегических проблем СВА и ШОС
Центра «Россия, Китай, мир»
Институт Китая и современной Азии РАН.

РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО

Ключевые слова: Китай, Россия, ШОС, экономическое сотрудничество, экономика, Центральная Азия, трубопроводы, энергетика.

Центральная Азия (ЦА) — это та территория, где традиционно пересекаются интересы ведущих держав мира. Данный регион играет ключевую роль в развитии международной транспортной и торговой инфраструктуры на Евразийском континенте, а также обладает огромными запасами природных ресурсов, что заставляет внешних игроков, таких как Россия и Китай, проявлять к нему особое внимание. Давняя история взаимодействия России со странами Центральной Азии и современная экономическая политика, проводимая Китаем в регионе, имеют сложную структуру переплетения друг с другом, делая вопрос российско-китайских отношений первостепенным на фоне динамично изменяющихся политических реалий.

Сегодня Китай расширяет свое влияние в регионе, действуя через национальные структуры, налаживая связи с местной политической элитой, приспосабливаясь к обстановке внутри страны-партнера, принимая на вооружение местные традиции, нормы и практики. Такой курс представляет собой удачный пример сочетания «мягкой силы», инвестиций и кредитов, и одновременно с этим служит механизмом воздействия на страны региона при решении спорных вопросов в пользу Китая. Здесь также важно отметить, что Центральная Азия играет для Поднебесной ключевую роль в реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), выступая важнейшим отрезком маршрута прохождения китайских товаров и технологий на Запад.

При этом не стоит забывать, что исторически данный регион всегда был в сфере интересов России. Для России Центральная Азия – зона исторически обусловленных интересов, важный партнер по привилегированному

сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, а также в деле обеспечения общей безопасности государств Евразии с южного направления. Учитывая явное экономическое и технологическое превосходство Китая, может возникнуть вопрос о некоей конкуренции в Центральной Азии между Москвой и Пекином. Китай, в обмен на инвестиции, технологии и помощь в реализации инновационных проектов получает от стран региона природные и энергетические ресурсы, столь необходимые ему ввиду возрастающих ресурсных запросов на фоне бурного экономического развития страны, а также доступ на рынки этих стран с динамично растущим уровнем потребления. Сегодня в числе основных направлений сотрудничества Китая и стран Центральной Азии находятся энергетика, экономика, региональная безопасность и гуманитарное сотрудничество.

Энергетика

КНР традиционно выступает крупным импортером энергоресурсов. В условиях интенсивного экономического развития эта страна испытывает нарастающий дефицит собственных энергоресурсов, что подталкивает ее к активному участию в мировой энергетической торговле, активизируясь на Ближнем Востоке, в Африке, Юго-Восточной Азии, а также к развитию традиционных энергетических связей с Россией и странами Центральной Азии.

Географическая близость стран Центральной Азии и Китая благоприятствует транспортировке энергоресурсов как по трубопроводам, так и наземным транспортом. Это экономит время и снижает транспортные затраты. Таким образом, коммерческая выгода для всех сторон представляется очевидной.

Казахстан — один из важнейших и давних энергетических партнеров Китая. Энергетическое сотрудничество двух стран охватывает множество сфер: от добычи и разработки месторождений углеводородов до строительства инфраструктуры, а также от атомной энергетики до внедрения новейших технологий возобновляемой энергии. Сегодня на долю КНР приходится 16% всей добычи нефти в Казахстане.

Еще в 1997 г. в Казахстан пришла Китайская национальная нефтяная компания (*CNPC*), которая приобрела контрольный пакет акций АО «Актюбинскнефть». Сегодня эта компания является одним из крупнейших налогоплательщиков в бюджет, что выгодно отличает ее от многих западных нефтяных фирм присутствующих на рынке Казахстана. В 2004 г. Китайская национальная ядерная корпорация (*CNNC*) подписала с НК «Казатомпром» контракт по добыче урана на срок до 2020 г. Данный контракт сопровождался договором о стратегической кооперации между Китаем и Казахстаном в области атомной энергетики. Так, в сентябре 2023 г. на полях 67-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ был подписан Меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества между Национальным ядерным центром Республики Казахстан и Китайским институтом атомной

энергии. Поставки казахстанского урана в Китай осуществляются с 2019 г. Сегодня до 70% всего импортного урана в Китае приходится на Казахстан. Также между КНР и Казахстаном были достигнуты соглашения о совместном производстве ядерного топлива.

Потенциал развития двустороннего энергетического сотрудничества между Китаем и Казахстаном еще не раскрыт полностью и будет только расти за счет поставок энергоресурсов, позволяя значительно расширить роль Казахстана на энергетическом рынке Китая.

Разумеется, внимание Китая в регионе приковано не только к Казахстану. Расширяется сотрудничество и с другими странами ЦА, причем не только в области добычи углеводородов, но и в вопросе внедрения и использования альтернативных источников энергии, таких как гидроэнергетика и энергия солнца.

Вместе с тем активность Китая в Центральной Азии в энергетическом секторе не означает потерю важной роли России в данном регионе. Например, 7 октября 2023 г. на встрече президентов России, Узбекистана и Казахстана был дан старт поставок российского газа в Центральную Азию. В итоге Узбекистан получает дополнительный источник энергоснабжения, позволяющий гарантировать бесперебойную подачу тепла и электричества в домохозяйства и социально значимые объекты, а Казахстан решает проблему газификации своих северных и восточных регионов. Таким образом, Россия обеспечивает в регионе энергетическую безопасность, компенсируя центральноазиатским странам потерю собственного газа, уходящего на экспорт в Китай. Дело в том, что Узбекистан, связанный договорными обязательствами по обеспечению необходимых объемов поставок газа в Китай, столкнулся с падением объемов добычи природного газа на своих месторождениях. Стоит напомнить, что прошлой зимой население Узбекистана испытывало колоссальную нехватку топлива и находился на грани гуманитарной катастрофы, замерзая целыми поселками и городскими районами.

Представляется, что сотрудничество в энергетической сфере между Россией и странами Центральной Азии будет продолжаться в долгосрочной перспективе, несмотря на усиление роли Китая. Казахстан уже готов обеспечить транзит от 1,5 млрд до 10 млрд куб. м российского газа в Узбекистан ежегодно. Объем поставок могут увеличить в зависимости от готовности узбекской энергетической инфраструктуры и решения России.

На узбекистанском рынке давно и эффективно работают многие российские крупные энергетические компании. Лукойл осваивает месторождения Кандым и Гиссар, а также построил в Бухарской области газоперерабатывающий комплекс. Татнефть и Зарубежнефть занимаются нефтехимической переработкой, поставками топлива, технологической модернизацией и повышением производительности нефтяных промыслов.

Проблемы региональной безопасности

В Центральной Азии существует проблема этнического и религиозного экстремизма, что подвергает серьезному риску не только страны региона, но и его соседей. Различные экстремистские и террористические силы в Центральной Азии создают угрозу дестабилизации и на глобальном уровне.

Кроме всего, наличествуют несогласия между странами ЦА, связанные с приграничными и межэтническими конфликтами (например, на кыргызско-таджикской границе).

Угрозы безопасности для стран Центральной Азии исходят от международных террористических организаций и кризиса в соседнем Афганистане. С террористической угрозой неразрывно связана и наркотическая проблема. Гарантом безопасности в регионе служит российское военное базирование в Таджикистане и Киргизии. Безальтернативное значение сохраняет антитеррористическое и антинаркотическое сотрудничество в ОДКБ, СНГ и ШОС. Правительство Российской Федерации выделило Таджикистану более 3,5 млн долл. США на борьбу с наркоугрозой в 2019-2021 гг. В рамках совместного проекта России и Управления ООН по наркотикам и преступности для стран ЦА, Афганистана и Пакистана ведется подготовка «антинаркотических» кадров [2].

Взаимодействие Китая со странами региона в области безопасности перекликается с положениями, зафиксированными в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и в инициативе «Пояса и пути». В то же время с этими странами у Китая есть двустороннее сотрудничество в области безопасности. Китай для них – крупный поставщик вооружений, готовит их кадры [3].

Для Китая жизненно необходимо получить поддержку в обеспечении безопасности в регионе Центральной Азии, ведь три государства граничат с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, где в прошлом десятилетии происходили стычки между мусульманами и китайскими властями. При этом ЦА является воротами и началом проекта “Один пояс Один путь”. Захват власти в Афганистане движением «Талибан» (запрещено в РФ) еще больше усилил опасения в Пекине, что исламский экстремизм проникнет в Синьцзян. Остается открытым вопрос насколько далеко будут готовы пойти партнеры Китая по пути взаимодействия с армейскими подразделениями и силами безопасности КНР, ведь традиционным гарантом безопасности в регионе всегда была Россия.

В заключении следует отметить, что сотрудничество России и Китая в Центральной Азии не имеет характера конкурентной борьбы, но представляется партнерским взаимодействием с согласованным распределением ролей в регионе. Если КНР берет на себя роль экономического локомотива, то Москва выступает гарантом безопасности в регионе. Политическая и военная роль России никак не ставится под сомнение Китаем. В то же время фактор экономического могущества Китая признается Москвой.

Список использованной литературы

1. Аникин В. И. О роли и возможностях России, ЕАЭС, Китая в реализации проекта «Большого евразийского партнерства» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-vozmozhnostyah-rossii-eaes-kitaya-v-realizatsii-proekta-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva> (дата обращения: 29.07.2022).
2. Россия и Центральная Азия. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticseskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 10.10.2023).
3. Китай становится вторым гарантом безопасности Центральной Азии URL: https://www.ng.ru/world/2023-05-18/1_8727_china.html (дата обращения: 10.10.2023).
4. Россия – Китай: отношения на рубеже 20-летия «Большого договора» / отв. ред. А.С. Давыдов, С.В. Уянаев; Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2022. 208 с.
5. Рубан Л.С., Гриб Н.С. [Энергетические стратегии Китая и их реализация](#), М.: [Бурение и нефть](#). 2020. № 4. С. 4-9.
6. Ли Син, Ван Чэнсин, Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии. Сравнительная политика 2 (12) / 2013. С.10-20 (на рус.).
7. Neftegaz.ru. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/539234-po-gazoprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/> (дата обращения: 10.04.2021)
8. World Energy Outlook IEA, 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019> (дата обращения: 10.03.2021). (на англ.)

Түйіндеме

Орталық Азия өңірі энергия ресурстарының орталығы, өркениеттер тоғысқан жері ретінде де, әлемнің жетекші елдерінің серіктесі ретінде де әлемде маңызды рөл атқарады. Біріншіден, бұл, әрине, Ресей мен Қытайға қатысты. Бұл мақалада Ресей мен Қытайдың Орталық Азия елдерімен экономикалық және энергетикалық ынтымақтастық саласындағы қарым-қатынасының динамикасын талдауға тырысады. Өткен жылдың ішінде аймақтағы саяси және экономикалық күштердің тепе-теңдігінде айтарлықтай өзгерістер болды. Ынтымақтастықтың бастапқы шарттары мен Ресей мен Қытайдың аймақтағы рөлдері өзгерді, осылайша бір елдің маңыздылығын арттырып, екіншісін азырақ жетекші рөлдерге ысырды.

Summary

The Central Asian region plays an important role in the world, both as a center of energy resources, a crossroads of civilizations, and a partner of the leading countries of the world. First of all, of course, this applies to Russia and China. This article attempts to analyze the dynamics of relations between Russia and China with the countries of Central Asia in the field of economic and energy cooperation. Over the past year, there have been significant changes in the alignment of both political and economic forces in the region. The initial conditions of cooperation and the role of Russia and China in the region have undergone changes, thus increasing the importance of one country and pushing the other to less leading roles.

УДК 327

Gubaidullina Mara Sh., Dr. habil., Professor
Paizova Aidana, PhD Student
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty

RUSSIAN POLICY IN CENTRAL ASIA EXPERTS' ARGUMENTS IN FAVOR OF SOFT AND ANTI-SOFT POWER IN THE REGION

Key words: foreign policy, Russia, Central Asia, Kazakhstan, soft/anti-soft power, cultural, humanitarian cooperation, Public Diplomacy

Introduction

The current state of cooperation between Russia and the countries of Central Asia is based on the analysis of many areas, which, along with political, trade, economic, military, information, necessarily include humanitarian, cultural, educational and other spheres. In foreign policy, the latter areas are traditionally attributed to the so-called "soft power". The key criterion for determining the degree of influence of "soft power" is "attractiveness", that is, how much a subject can win over an object in order to exert a certain influence on it. Russia has a set of "soft power" tools that, to one degree or another, allow to influence objects, including the countries of the Central Asian region, specifically Kazakhstan. Using the example of Kazakhstan, one can trace Russia's aspirations to become the most attractive partner for the Republic of Kazakhstan.

Cultural diplomacy here acts as a way to implement Russia's foreign policy, and the subject is the instruments of Russia's cultural diplomacy in the Central Asian countries. The study is based on a discursive-comparative approach, which allows not only to identify features of the Russia's "soft power" in relation to CA countries, but also to compare their effectiveness. Russia's activities are analyzed through the prism of the "soft power" tools used in the region, including

investments in educational, scientific and cultural programs, as well as humanitarian actions.

The following thesis is proposed as a hypothesis: the policy of "soft power" with the conduct of a special military operation against Ukraine and confrontation with the Western world is losing its importance in the Russian foreign policy course. Nevertheless, in certain sectors of bilateral relations, Russia's "soft power" continues to dominate. The proof is the growth of political and scientific interest, including the activity of the media and research on this issue, especially abroad.

Public diplomacy may be defined, simply, as the conduct of international relations by governments through public communications media and through dealings with a wide range of nongovernmental entities (political parties, corporations, trade associations, labor unions, educational institutions, religious organizations, ethnic groups, and so on including influential individuals) for the purpose of influencing the politics and actions of other governments.

This paper is not aimed to analyse where the truth is hidden, nor it pursues to theoretically explain the reason for the discrepancy, but rather tries to demonstrate the opposite academic views and to show up their strength and limits.

This article does not pursue the goal of a theoretical explanation of the reasons for the contradictions in Russia's foreign policy, but rather to demonstrate the difference in official approaches, and above all, opposing academic views. The topic is stated as a statement of the problem of "soft power" in modern international relations using the example of Russian policy in Kazakhstan and Central Asia.

Cultural and humanitarian cooperation: the official Kazakhstan–Russia course

Cultural and humanitarian cooperation is an important part of the bilateral relations between Kazakhstan and the Russian Federation, it is developing in all directions. The Concept of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020-2030 highlights the country's priorities in the field of regional and multilateral diplomacy and presupposes the further development of allied relations with the Russian Federation [1]. According to K.-Zh. Tokayev, "friendship between the peoples of Kazakhstan and Russia has a much longer history and goes back centuries" [2]. A number of different factors contribute to the development of Kazakh-Russian relations. First of all, the longest land border in the world, connecting both countries. The border opens up convenient mutually beneficial transit opportunities for Kazakhstan and for the whole of Eurasia. Kazakhstan considers cooperation with Russia both directly and through various integration associations, which is considered one of the most important priorities of Kazakhstan's foreign policy.

The traditional and effective format of interregional cooperation is "a unique and very effective format that helps strengthen horizontal ties between regions and entrepreneurs of the two countries" [2]. During the 30-year period of the formation and development of the CIS, intercultural dialogue has certainly confirmed its important role in spreading common cultural and humanistic values in the

Commonwealth. It is necessary to take into account the mixed population of the border areas of neighboring states, the ongoing migration process. This is not only a typical format of bilateral entrepreneurial and business ties. This is a format for mutual support of ethno-cultural ties, since the ethnic composition of the population is similar, especially in border areas. Direct contacts between citizens of the two countries are necessary, as well as tourism and education. It is no coincidence that Kazakhstan became the first CIS state to conclude an Agreement on Friendship, Cooperation and Mutual Assistance with Russia in May 1992, which was extended in June 2012 with amendments taking into account new realities. November 11, 2013 An Agreement on Good-neighborliness and Alliance in the XXI century was concluded. The interstate agreement concluded in 2013 is very symbolic, as it emphasizes the aspiration of Kazakh-Russian relations to the future. It is in this vein that we assess the cooperation between our countries — it is good-neighborliness and alliance, having a rich past and a bright future" [2; 3]. So, the development of bilateral cultural and humanitarian cooperation between Kazakhstan and Russia, between the Central Asian countries and Russia at the official level has a positive trend.

The initiative to create an international organization for the Russian language

In 2023, the President of Kazakhstan K. Tokayev proposed the idea of creating an international organization for the Russian language. In his opinion, "the common cultural and humanitarian space has been and remains an important unifying factor of the CIS. At the same time, one of the components of the success of our mutually beneficial cooperation in this dimension is the established balance of harmonious development of the languages of the peoples in the CIS countries and the Russian language as well" [2].

The idea was not spontaneous, it is based on the existing world experience. Indeed, such international structures have been created for the development of French, German, Spanish and many other languages. "The idea of establishing an international organization for the Russian language, in his opinion, is not aimed at creating an alternative to the state language policy of the CIS countries, including Kazakhstan. It is symbolic that 2023 was declared the Year of the Russian Language in the CIS, and St. Petersburg, as the cultural capital of the commonwealth, made a significant contribution to strengthening cultural ties between the CIS countries.

Considering that Russian is one of the official languages of the United Nations and has the status of an international language, it acts as a serious consolidating factor in maintaining friendly relations between states, also an effective tool for the development of regional cooperation and trust. It is important that the organization has legal personality and will be open for accession by other countries outside the CIS. It should be recalled that the basic documents of the Commonwealth of Independent States indicate the formation of a common cultural, humanitarian space and cooperation: 1) The Alma-Ata Declaration, 1991; 2) Agreement on the Establishment of the CIS, 1991; 3) Declaration on

Humanitarian Cooperation of the CIS Member States, 2005; 4) Agreement on the Establishment of the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States, 2005; 5) Agreement on Humanitarian Cooperation of the CIS member States, 2005; 6) Agreement on the Council on Humanitarian cooperation of the CIS member States, 2006

Russia's "Soft Power"

The concept of "soft power" has long been a kind of trend in the field of international relations studies. Whereas Nye explained "soft power" as "getting others to want the outcomes one wants, it co-opts people rather than coerces them" [4]. However, according to a number of existing academic views, Russian power elites, scholars have had always their own understanding of the soft power term [4, 5, 6, 7, 8]. Studying the non-military aspects of international politics, we use the concept of "soft power" in relation to the sphere of cultural attractiveness, revealing the positions of Kazakhstan or Russia in the international community, determining their increasing influence and authority in international institutions.

Russia recently has adopted a new foreign policy concept published in March 2023, which specifically emphasized Russia's humanitarian cooperation with the world as a whole and its regions, particularly those where it has traditionally exerted an influence [9]. The new Foreign Policy Concept underscores the significance of the Russian language, culture and history as the foundational characteristics of Russia as a state-civilization with a thousand-year history. These features are attributed not only to the Russian people, but also to other communities that collectively form a cultural-civilizational community known as the "Russian world" ("Русский мир"). This clearly shows how much public policy needs the very concept of soft power in order to retain spheres of influence on the one hand, and to increase influence on the other. It seems important to begin with the interpretation of soft power concept, which was demonstrated by Putin for the Valdai Club "Russia in a Changing World," as a leading opinion among Russian political elites: in his understanding, soft power includes all tools and mechanisms to influence the foreign policy of another country without the use of military force.

The President Putin also calls Russian institutions as soft power influence - the Federal Agency for CIS Affairs, Compatriots Living Abroad, International Humanitarian Cooperation, "the Russkiy Mir Foundation and leading universities which recruit talented students from abroad [10]. Putin considers the actions of foreign "pseudo-NGOs" aimed at undermining the internal situation and overthrowing the ruling power as examples of the manifestation of such power, e.g. the case in the Arab Springs, color revolutions. In overall, the practical approach to soft power evolved a massive expansion seen in media directed at foreign markets such as the television broadcaster RT and the radio station Voice of Russia (now merged with RIA Novosti to form Sputnik). Sputnik has developed into a state-funded network of media platforms, producing radio, social media, and news agency content in local languages in 34 countries. The main goal of Russian foreign media was originally to provide the international dissemination of the

Russian worldview as an alternative to the Western perspective offered by the likes of CNN and the BBC.

Accordingly, by the perspectives of western academic society, even recognizing the fact that it is very difficult to understand what information can be interpreted as hidden propaganda, manipulation, still soft power should not totally discredit an opponent, and offer own version as the only true one. Thus, they refer more to the manifestation of “anti-soft power”, a force that cannot be attributed to soft power. These both views will be discussed on the following paragraphs.

“Soft Power After Ukraine”: Joseph Nye

In his article in May 3, 2022 Nye with great conviction that the events in Ukraine are an ideal example of how a country that used a “stick” instead of “carrot or honey” is now recovering the consequences of its lost former reputation. Now Russia is reaping the consequences of the imposed economic sanctions by western states, and as the current situation shows, the essence of soft power theory is fully justified in such circumstances: hard power only undermines the country's soft power and the state loses by many indicators, therefore such a short path does not justify its means [4]. The scientist has remained unperturbed in his beliefs since 2004, calling the soft power of the Russian Federation as “... tasteless candy wrapped in an attractive cover” [11]. In addition, Nye considers the biggest drawback of such “soft strategy” to be the lack of involvement of public democracy, where media is fully controlled by state apparatus and there is severe shortage of some attractiveness to other states. In general, the concept was inspired by the then-ingrained attitudes of the late 90s and early 2000s, when the works of Fukuyama “The End of History” and Bzezinski “The Grand Chessboard” were published. These noticeable publications confirmed to society that one of the factors of US dominance on the world is its superiority over cultural values, so that other nations seek to adopt them, thus giving the country leadership. However, according to Hudson [5], Huseynov [13], Lebedeva [14] scientist mostly misses the most important root, that causes country's attractiveness - this is the very existence of material, military preconditions for the formation of the soft power. Therefore, the relationship between hard power and soft is very shaky and uncertain, the former affects the latter, and vice versa, which makes it very difficult to assert that soft power is independent of hard power.

In simple words, it is considerably hard to say that soft power resources do not come from the state. Lebedeva reiterates this point stating that, “fundamental difference of Nye’s “soft power” concept is in attractiveness instead of pressure and manipulation, in voluntary and informed choice as opposed to coercion. However, this is a certain convention and an attempt to “semantic hide and seek” - undoubtedly, in “soft power” propaganda can also take place”.

Thus, Western scientists such as Stuart Hall Castells [12], Neumann [15], Fairclough [16], place special emphasis on the cultural offer to society, and pay special attention to narratives that should be accepted or not by society. And only

from the level acceptance of the narrative by audience, finally, we can talk about the success or failure of the country's soft power.

Summarizing their points of view, it can be concluded that comparing the projection of Russia's soft power with a powerful propaganda apparatus imposing its will on society, scientists do not see in Russian soft power either success or the very essence of soft power. It is precisely this practical application of soft power that has acquired the name "anti-soft power" in Western literature. Such methods are more aimed at the Internet audience and media dominated by the growing ranks of Russian Internet trolls who attack critical articles about Putin or Russian politics in European and American online media, spread fake news and distort the presentation of events in Russian export-funded media (RT and Sputnik). This can be traced, for example, in the belligerent speeches of the Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation Gerasimov, who urges his audience to "learn victory from the victors" and beat the enemy with his own weapon.

Thus, many mass media are deliberately aimed at "revealing" the weaknesses of Western societies, thereby undermining their credibility, while soft power, although includes elements of "hidden propaganda", however, should never undermine the authority of an opponent and completely discredit him in the eyes of society, to some extent demonizing him. For example, the words of the head of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights, Fadeev, are widely spread among Russian society that "New fashionable Western values have been brought to the point of absurdity, they are simply destructive. They are unlikely to be accepted in other parts of the world, but they will do a lot of harm" [17].

But perhaps, the biggest flaw in the judgment of Western scientists is that they take into account their own experience in projecting soft power, and regret to see the "the whole picture". In particular, they do not take into account those countries in which there is and will be Russian cultural influence, do not take into account the public opinion of Russia citizens themselves, and also neglect the religious, historical, cultural specifics of the post-Soviet region.

Experts' opinion on Russian soft power application in Central Asia

Russian research experts from MGIMO research institutes and centers note the activity of Western "soft power" centers in Central Asian countries, mainly in Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan. At the same time, the Russian concept of "humanitarian cooperation", fixed in the Concept of Russia's Foreign Policy, fundamentally differs from "soft power" and is as loyal as possible to the sovereignty of the Central Asian countries. For example, Russian and Uzbek experts note both the strengths and vulnerability of "soft power". They pay attention to the potential of Russian humanitarian policy. Thus, the discussion on the topic "International humanitarian cooperation between Uzbekistan and Russia" caused the problem of education and the question concerning Russian universities alumni's activities working in Uzbekistan (IIS MGIMO: Safranchuk I.A., Knyazev A., etc.). Tens of thousands of Uzbek citizens study at Russian universities, but

their influence in the information sphere and in government agencies, in research and government programs is less noticeable than among graduates of universities in Western countries. One of the participants in the discussion compared these associations with the "fifth column", which caused heated debate, then opinions were divided into opposite ones. The experts concluded that "their [Western] soft power" and "our humanitarian cooperation" [CIS] are different in understanding and action [18].

Boram Shin from Jeonbuk National University, South Korea writes about the origins of cultural diplomacy on "Central Asian Writers on a Mission: Soviet Cultural Diplomacy in WWII Years." Central Asia's interactions with regions outside the Soviet borders during the Cold War have been largely ignored, despite evidence of the vital role it played in Soviet engagement with decolonising nations in Asia, as a model for a developed, decolonized, socialist nation. Central Asia was essential to Soviet cultural diplomacy, as Moscow sought to establish an anti-imperialist alliance with decolonizing countries in Asia and Africa. The paper explores the implications of encounters of Central Asians in Asia on the Soviet interpretation of post-WWII Asia and the role of Central Asia in promoting anti-imperialist solidarity domestically and internationally [19].

According to Huseynov [13], Omelicheva [6], Patrick Kornegay [20] Russian "anti-soft power" enjoys success in Middle East, Central Asia and even in African continent, where her declared political values – multilateralism, anti-imperialism, and non-interference – are particularly well received by policymakers among these states, despite failing to be upheld in Russia's own neighbourhood. It relates mainly to the country's anti-Western stance in the past and current.

Also, the illiberal paradigm of democracy is pulling and attracting smaller states to the Moscow's side. For example, according to Hiro "the Central Asian states, finding the American liberal democracy a price too high, followed the Russian model ... in which states, through the vote of their people, can choose the social system they feel best for them. Unlike liberal democracies, with institutions committed to upholding liberties through a system of checks and balances, the Russian model is conceived of a strong elected executive who coordinates institutions of national power."

Meanwhile, Laruelle [21] provides her own vision on this situation. Russian soft power impact in high governmental level, she writes, is expressed in copycats of legislatives. For instance, Russia's normative agenda by itself has also influenced Kazakhstan's and Kyrgyzstan's parliamentary discussions on their own versions of Russia's anti-gay and anti-NGO laws. Two governments submitted these anti-gay bills, however Kazakhstan's did not pass, Kyrgyzstan's did. This charm isn't restricted with CA states, yet in addition is being popular in different states of the world, where democracy is primary concern to social equity, economic security and social stability. Thusly, Russia reflects the language of democracy utilized in the West, and meanwhile refracts its utilization for her own interests. This represents as a systemic change the narrative on own favor, so receiving the language of the standard, she encodes it with definite meaning [7].

Undoubtedly, the Russian language is an important factor in matters of soft power, this is confirmed by all foreign and domestic experts. The language helps people to directly access information from Russia, helps them feel part of a common cultural space.

Conclusion

To sum up, it can be concluded that this strategy of anti-westernism enjoys with quite popularity in the region and serves a kind of legitimizing justifications for the leaders of authoritarian states, who constantly striving for consolidation of their power. We have reviewed the expert opinions of the most important scientists on soft power issues, criticizing in various degrees the manifestation of Russian soft power in the form of propaganda, manipulation, and other harsh forms that contradict the basic principles of the concept developed by Joseph Nye. The perspectives of western scientists are more inclined to manifestations of the anti-soft power by Russian Federation, which is inherently ineffective and therefore cannot be called soft.

By contrasting other opposing opinions, we also found that the opposite camp has its own point of view on this matter too, considering that propaganda has always been and is in soft power, as well as manifests itself to varying degrees.

Regarding the application of this term in Central Asian countries (especially in the case of Kazakhstan), it was revealed that these countries are most vulnerable to the adoption of Russian soft power in all areas of life: in public, state, political, cultural, etc., and therefore Russia's "anti-soft power" is mostly effective here.

References

- 1 Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. Утверждена 6 марта 2020 г., № 280 // Akorda.kz: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
- 2 Интервью Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева российской газете «Известия»: "Отношения между Казахстаном и Россией имеют богатое прошлое и блестящее будущее". Полный текст - el.kz. 08 ноября 2023 // https://el.kz/ru/intervyu-tokaeva-rossiyskoy-gazete-izvestiya-polnyy-tekst_96093/?ysclid=lsrzgmkjsk537420658
- 3 Токаев К.-Ж. К. Внешнеполитические приоритеты Республики Казахстан. – М.: Восток-Запад, 2011. – 448 с.
- 4 Joseph S. N. Jr. Soft Power // Foreign Policy. - 1990. - Pp. 153–171
- 5 Hudson, Victoria. The impact of Russian soft power in Kazakhstan: creating an enabling environment for cooperation between Nur-Sultan and Moscow // Journal of Political Power. 2022. №15:3, 469-494. To link to this article: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2022.2127280>
- 6 Omelicheva M. Y. Russian Foreign policy in central Asia // Routledge Handbook of Russian Foreign Policy. 2018. 29 p.
- 7 Mironova V. Education: Russia's soft power in Africa // Conflict field notes. 2023.

8 Kornegay P. Russian Soft Power Influence in Africa // The international affairs review. 2023.

9 Decree of the President of the Russian Federation. The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)

10 Putin V. Russia and the Changing World // Moskovskiye Novosti (The Moscow News). 2012-02-27 (<https://russiaeu.ru/en/news/article-prime-minister-vladimir-putin-moskovskiye-novosti>)

11 Joseph N. Soft Power After Ukraine [Electronic resource], 2022. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/vladimir_putin_on_foreign_policy_russia_and_the_changing_world/

12 Castells, M., 2009. Communication power. Oxford: Oxford University Press.

13 Huseynov V. The nexus of neoclassical realism and soft power. The case of the West – Russia geopolitical rivalries in the “common neighbourhood” // 2018.

14 Lebedeva M. «Soft power»: Concept and Approaches // Bulletin of MGIMO University. 2017. - V. 3. N54. - 12 p.

15 Neuman W. R. The future of the mass audience // Cambridge. 1991. № Cambridge University Press.

16 Fairclough, N., 2001. Language and power. Harlow: Pearson Education Limited.

17 Fadeev: the values of the West will not be accepted in other parts of the world, but they will do a lot of harm // TASS. 2022

18 Экспертный семинар «Международное гуманитарное сотрудничество Узбекистана и Россия», Центр евроазиатских исследований ИМИ, 19 января 2024 г. // Официальный сайт МГИМО МИД России. <https://mgimo.ru/about/news/departments/sem-uzb-rus/>

19 Boram Shin, Jeonbuk National University, South Korea. "Central Asian Writers on a Mission: Soviet Cultural Diplomacy in WWII Years". Cambridge Central Asia Forum. 16 February 2024: <https://centralasia.group.cam.ac.uk/>

20 Kornegay, Patrick. Russian Soft Power Influence in Africa // The international affairs review. 6 Sept, 2023 (<https://www.iar-gwu.org/blog/iar-web/russian-soft-power>)

21 Laruelle, Marlen. “The ‘Russian World’: Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination,” Center on Global Interests, May 2015 (https://www.academia.edu/32326084/Assessing_Russias_Normative_Agenda_in_Central_Asia_Bishkek_Project_March_2017)

Түйіндеме

Мақалада жетекші академиялық топтардың Ресейдің жұмсақ күшті қолдануы туралы көзқарастары талданады. Осы көзқарастарды қарама-қарсы

лагерьлерге бөле отырып, Орталық Азия мемлекеттеріне қатысты олардың артықшылықтары мен кемшіліктерін көрсетуге тырысады. Қазақстан мен Ресей арасындағы мәдени-гуманитарлық саладағы қатынастар ерекше атап өтілді.

Резюме

В статье анализируются взгляды ведущих академических кругов на использование Россией мягкой силы. Разделяя данные взгляды на противоположные лагеря, делается попытка продемонстрировать их преимущества и недостаток применительно к государствам Центральной Азии. Также выделены отношения в культурно-гуманитарной сфере между Казахстаном и Россией.

УДК 378

Джумаева Гулнор Саттаровна
Главный научный сотрудник
Университета Инха в Ташкенте, к.п. н., доц.

СОСТОЯНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЛУ БАНЯ В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫГОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: мастерские Лу Бань, профессиональное образование, эффективность китайской системы профобразования, преимущества, вызовы.

Введение

В современном мире образование становится ключевым фактором для развития общества и его конкурентоспособности на глобальной арене. В контексте стремительных изменений и вызовов, стоящих перед образовательными системами, изучение и адаптация передовых методик и подходов к образованию становятся неотъемлемой составляющей стратегии развития стран.

В данной статье фокус направлен на рассмотрение перспектив внедрения образовательной системы, олицетворяемой наследием Лу Баня, выдающегося китайского учителя, инженера и философа. Развитие его методов и принципов обучения может представлять значительный интерес для стран Центральной Азии в контексте их стремления к модернизации образования и социокультурного развития.

Анализ геополитических выгод и рисков, связанных с внедрением подобной системы, призван способствовать глубокому пониманию того, какие выгоды и препятствия могут возникнуть в процессе адаптации и внедрения образовательных инноваций, основанных на принципах Лу Баня, в контексте уникальных социокультурных и геополитических условий Центральной Азии.

Взгляд на данную проблематику через призму современных вызовов и потенциала инноваций поможет выявить ключевые аспекты успешного внедрения образовательных практик Лу Баня и их значимость для развития региона в будущем.

Продвижение инициативы МЛБ

Сегодня «Мастерская Лу Баня» является известным брендом, специализирующимся в области культурного обмена и профессионального образования в Китае. Как сообщают СМИ, на данный момент более 20 таких центров уже функционируют в 19 странах и регионах, включая государства Центральной Азии. Первая «Мастерская Лу Баня» открылась шесть лет назад в Таиланде в результате сотрудничества между колледжем профессионального образования «Тяньцзинь — Бохай» и Аюттхайским техническим колледжем, который специализировался на автоматике и робототехнике, а впоследствии занялся еще и технологией высокоскоростных железных дорог. Деятельность в этой области связана с флагманским проектом ИПП в Таиланде — высокоскоростной железной дорогой стоимостью 7 миллиардов долларов. Как сообщают китайские государственные СМИ, обучение в «Мастерской» прошли 1125 человек [1].

В англоязычных источниках, таких как публикации правительства Китая и китайские СМИ, Luban Workshop представляется как благотворительная стратегия, направленная на содействие инфраструктурному развитию африканских стран и укрепление дипломатических связей между Китаем и Африкой (Министерство образования, 31 мая 2019; China Daily, 12 августа 2021). В публикациях, описывающих успехи Любанских семинаров с момента их начала, основное внимание уделяется личным достижениям и будущим перспективам отдельных участников семинаров и их влиянию на развитие их стран (Министерство торговли, 2 июля). Кроме того, китайские официальные лица, организации и посольства активно используют социальные сети для информирования мирового сообщества о семинарах в Любане, чаще всего подчеркивая их роль в повышении занятости среди молодежи (У Пэн, 5 июня; Посольство Китая в Уганде, 11 декабря 2020; Huawei в Кении, 14 декабря 2020). В одном из сообщений, поздравляющих с началом семинара в Любане в Эфиопии, генеральный директор Министерства иностранных дел У Пэн заявил, что Китай "продолжит развивать профессиональное образование и способствовать занятости молодежи в Африке" (У Пэн, 28 апреля).

Такие ученые, как Ван Бяо и Мартынова Н.В. рассматривают китайский бренд «Мастерская имени мастера Лю Бань» как новую меру содействия интернационализации профессионального образования. Они отмечают, что "Любанская мастерская" - это инновационный опыт объединяющий академическое образование и профессионально-техническое обучение. Мастерские занимаются несколькими направлениями деятельности. Во-первых, они предоставляют академическое образование для высококлассного технического персонала. Во-вторых, осуществляют профессиональную

подготовку для местной экономики и общества. Таким образом, эти в основном положительные представления о семинарах в Любане в традиционных и социальных медиа указывают на наличие элементов публичной дипломатии в рамках этой инициативы.

Китайские ученые утверждают, что в работе мастерских Лу Баня используются пять принципов, первый из которых - принцип равного сотрудничества: партнеры с китайским профессиональным образованием и техническим оборудованием сотрудничают, чтобы обсудить методы сотрудничества и реализацию проектов.

Второй – адаптация к местным условиям: мастерские учитывают политические, экономические и социальные особенности разных стран при разработке программ.

Третий принцип подчеркивает приоритет качества в выборе курсов и ресурсов для преподавания, обеспечивая высокий уровень интернационализации технических навыков.

Четвертый принцип связан с формированием профессиональных навыков через выбор высококачественного технического оборудования и сотрудничество с местными колледжами.

Пятый принцип – интеграция промышленности и образования: мастерские используют преимущества профессиональной индустрии, объединяя проекты с высокими стандартами [2].

Насколько соблюдаются эти принципы, покажет время и опыт. Но определенное представление о выгодах, последствиях и перспективах МЛБ уже высказываются мнения, поскольку Международный опыт сотрудничества «Lu Ban Workshop» с партнерами насчитывает проекты с такими странами, как Тайланд, Индия, Индонезия, Пакистан, Комбоджа, Африка, Россия и некоторые страны ЦА.

МЛБ в странах ЦА

Первое учреждение в Центральноазиатском регионе было открыто в августе текущего года в Техническом университете Таджикистана. Разработка и перевод учебных материалов по инженерным измерениям и применению городской тепловой энергии завершены, и запуск планируется в конце текущего года. Центр в Таджикском технологическом институте, который, как ожидается, должен принять первых студентов в ближайшие месяцы, создан в сотрудничестве с Тяньцзиньским колледжем управления городским строительством и профессионального технического обучения. Как пишет газета Tianjin Daily, эта организация предоставила для него оборудование и ресурсы стоимостью 1,2 миллиона долларов [3]. Таджикская «Мастерская Лу Баня» будет специализироваться на землеустройстве и транспортировке газа, сообщил на условиях анонимности (так как он не получил у Министерства просвещения Таджикистана разрешения на общение с прессой) ученый, знакомый с этой программой.

Для реализации важного соглашения между лидерами Китая и Казахстана о строительстве центров "мастерская Лу Баня" в Казахстане,

стимулирования обмена и сотрудничества в сфере профессионального образования, а также для развития необходимых профессиональных и технических навыков, важных для экономического и социального развития Казахстана, начат проект семинара под названием "казахстанская мастерская Лу Бань".

Как сообщают китайские государственные СМИ, центр, организуемый в Узбекистане при Ташкентском государственном университете транспорта, будет специализироваться на логистике и информационных технологиях.

В начале текущего года СМИ анонсировали также, что в Туркменистане откроется первый семинар китайского Лу Бана [4]. Профессиональный центр будет готовить высококвалифицированных специалистов по специальностям, со степенями бакалавра и магистра. Кроме того, в Lu Ban Workshop будут проводиться семинары по повышению квалификации, посвященные передовым технологиям для нефтегазового сектора.

Экспертные подходы к вопросу об эффективности китайской системы профессионального образования «Lu Ban Workshop»

По мнению исследователя Центр внутренней и региональной безопасности (IReS) IPCS Мэй Опалински, Пекин активно продвигает Любанские семинары с целью укрепления риторики BRI о "взаимовыгодном сотрудничестве". Их создание было реакцией на критику, связанную с увеличением числа китайских рабочих, что ведет к утрате рабочих мест для местных жителей, и формированием крупных китайских общин за рубежом. Особенно это заметно в Африке, где президент Си заявил о запланированных 10 новых центрах. Несмотря на это, с 2016 года было создано только восемь центров для 118 текущих проектов BRI, и Китай по-прежнему игнорирует неотложные потребности в местных рабочих в контексте краткосрочных перспектив занятости. Отчет Института политики Азиатского общества объясняет, что мало усилий было приложено для интеграции этих образовательных программ с проектами после завершения строительства и для привлечения местных жителей, подготовленных таким образом, в качестве технически подготовленных работников. Фактически, Любанские семинары готовят почву для китайских компаний, которые планируют использовать местную рабочую силу как дополнительную поддержку для расширения своих коммерческих операций после завершения строительства [4], - считает эксперт.

Кроме того, представители китайских компаний часто ссылались на языковые трудности, различия в рабочей этике и прочее, как на причины, по которым они предпочитают не нанимать местных жителей. В результате местные жители продолжают иметь ограниченные возможности трудоустройства и преимущественно находят работу в низкоквалифицированных должностях, таких как водители или обслуживающий персонал.

Такого же мнения придерживается и Генри Тугендхат. Так, в своей статье "Проблемы с подключением: исследование ограничений передачи

знаний в африканских учебных центрах Huawei” он пишет: “... некоторые факты свидетельствуют о том, что финансируемые Китаем проекты в странах Африки не создают достаточных возможностей для развития рабочей силы. Африканские работники в основном нанимаются в качестве низкоквалифицированных разнорабочих, в то время как руководящие должности в непропорционально большой степени занимают граждане Китая” [5].

Эксперты Конон Маккатчен, Саванна Биллман, Джонсен Ромеро, Мерл Картшер в своих публикациях утверждают, что: “Вписываясь в широкую геополитическую повестку дня инициативы “Пояс и путь” (ОПОП), китайские программы ПТО в Африке направлены на развитие “бесприоритетного” сотрудничества, которое позволяет согласовать интересы китайского бизнеса с соответствующими условиями и целями развития отдельных африканских стран” [6].

Создание местных учебных центров, как полагают эксперты, больше связано с политикой “мягкой силы” Китая, чем с реальными изменениями в подборе персонала китайскими компаниями. Три из восьми организованных семинаров находятся в странах, не являющихся партнерами BRI (Индия, Португалия и Великобритания). В этих странах центры в основном используются для демонстрации китайских инноваций и технических возможностей за пределами страны [7].

Активное продвижение КНР системы образования Лу Баня как инструмента мягкой силы позволяет ей укрепить свое влияние в различных областях.

Так, путем распространения своей образовательной системы Китай может привлекать внимание и создавать положительное впечатление о своей культуре и ценностях. Это способствует укреплению образа страны в глазах мирового сообщества и может способствовать повышению интереса к китайской культуре и традициям; развивая экономические отношения, образовательные программы Лу Баня становятся платформой для обмена знаниями и опытом между Китаем и другими странами. Это может способствовать развитию экономических связей, созданию партнерств и привлечению иностранных инвестиций; через образовательные программы, представленные в формате системы Лу Баня, Китай может укреплять свои дипломатические отношения с другими странами, особенно с развивающимися. Предоставление образовательных возможностей и помощь в развитии образования может сделать Китай более привлекательным партнером для этих стран, что укрепит их взаимоотношения.

Распространение системы образования Лу Баня представляет собой стратегический подход Китая к укреплению своего влияния в мировом масштабе. Это не только способ развития образования, но и инструмент достижения геополитических целей через мягкую силу. Поскольку мягкая сила означает использование дипломатии, культурных обменов, экономических отношений и других инструментов для достижения целей во

внешней политике без применения прямого военного или экономического давления, то инициативы подобного рода помогают укреплять отношения с другими странами, устанавливая контакты и повышая имидж Китая как страны-партнера в различных областях, включая инфраструктуру и строительство.

Более того, Семинары Лю Бань, как утверждается [8], идут по образцу китайских институтов Конфуция (ИК). Обе системы, "Мастерские Лу Бань" и Институты Конфуция, обладая уникальными чертами в своей организационной структуре, имеют несколько общих сходств.

Обе системы часто организованы вокруг централизованного управления. Например, Институты Конфуция подконтрольны Государственному совету Китая (и в некоторых случаях местным университетам), в то время как "Мастерские Лу Бань" могут быть под надзором центрального учебного учреждения или государственного агентства; нацелены на продвижение культурного наследия Китая и языка. Институты Конфуция сосредотачиваются на изучении китайского языка и культуры, в то время как "Мастерские Лу Бань" обучают традиционным китайским ремеслам, искусствам и ремесленным навыкам; стремятся к международному влиянию и распространению китайской культуры. Институты Конфуция активно работают за пределами Китая, распространяя знания о китайском языке и культуре. "Мастерские Лу Бань" также могут проводить обучающие программы для иностранных студентов или организовывать выставки для продвижения китайских ремесел; получают значительную поддержку от государства в виде финансирования и поддержки программ. Государство активно поддерживает эти инициативы в целях продвижения культурного наследия Китая.

Несмотря на то, что обе системы имеют разные цели и фокусы, они обладают схожей организационной структурой, которая в значительной степени опирается на государственную поддержку и нацелена на распространение культурных ценностей Китая.

Есть еще одно обстоятельство, которое нельзя упускать из виду, ибо внедрение Мастерских напрямую связано с ним. В условиях глобальной цифровой трансформации усиливается влияние китайских технологий и зависимость от них. Глобальная цифровая трансформация вносит существенные изменения в технологический ландшафт, а китайские технологии играют ключевую роль в этом процессе.

Влияние китайских технологий усиливается по нескольким причинам.

Пожалуй, технологический прогресс является одной из главных из них. Китай активно инвестирует в инновации и разработки в области искусственного интеллекта (ИИ), кибербезопасности, облачных технологий, цифровых платформ, беспилотных систем и других ключевых областях. Китайские компании, такие как Alibaba, Tencent, Huawei, и Xiaomi, разрабатывают и предлагают инновационные решения, которые становятся конкурентоспособными на мировом рынке.

Вторая причина кроется в глобальном присутствии китайских технологических компаний, которые активно расширяют свое влияние за пределами страны, предлагая свои продукты и услуги по всему миру. Это создает зависимость от их технологий в различных отраслях, от мобильных приложений до облачных сервисов [9].

Привлекательны также более доступные цены и конкурентоспособные продукты. Китайские технологии часто предлагаются по более низким ценам, что делает их привлекательными для многих компаний и потребителей по всему миру. Это способствует увеличению использования китайских продуктов и технологий.

Также Китай активно разрабатывает свои собственные стандарты в области цифровых технологий, что может привести к тому, что другие страны будут зависеть от этих стандартов, чтобы совместимость с китайскими продуктами и инфраструктурой.

Однако усиление влияния китайских технологий также вызывает определенные вопросы и опасения, включая: кибербезопасность и конфиденциальность данных (использование китайских технологий может вызывать опасения по поводу безопасности и конфиденциальности данных из-за строгих правительственных контрольных мер и законов о доступе к данным в Китае); геополитические риски (усиление зависимости от китайских технологий может привести к геополитическим рискам и ограничениям в результате напряженных отношений между различными странами); диверсификация и риск уязвимости (чрезмерная зависимость от одного источника технологий может увеличить риск уязвимости и недостаточной диверсификации, что может негативно сказаться на стабильности и инновационном развитии).

Глобальная цифровая трансформация представляет собой сложный баланс между использованием передовых технологий и управлением соответствующими рисками, включая зависимость от определенных стран или компаний.

Представляется, что система Лу бань Китай нацелена так же и на захват умов и сердец молодежи для их более глубокой лояльности к Китаю, о чем свидетельствуют проведение евразийского конкурса молодых специалистов по ИКТ Huawei Honor Cup, запуск новой программы Genius Boys и др. [10].

Таким образом, хотя экспорт Китаем образовательной системы МЛБ все еще находится на ранних этапах, заметны определенные тенденции того, что, в целом, Китай становится важным участником на международной инженерно-научной арене и, по всей видимости, стремится к тому же и в области технических навыков.

Последствия распространения МЛБ в ЦА

Система образования "Мастерские Лю Бань" (или "Лю Баньские мастерские") - это китайская программа образования, стремящаяся развивать навыки работы руками, инженерные знания и технические навыки у

учащихся, часто рассматривается как часть стратегии Китая по развитию человеческих ресурсов и технологического прогресса.

Для стран Центральной Азии (ЦА) внедрение подобной системы образования может иметь несколько потенциальных политических последствий.

1. Внедрение подобных образовательных программ может способствовать развитию технических навыков и инженерной экспертизы в странах ЦА. Это может помочь им стать более конкурентоспособными в мировой экономике и укрепить свои технологические возможности.

2. Реализация подобной системы образования может способствовать укреплению связей между странами ЦА и Китаем и углублению экономических и политических связей между этими странами. Значительная часть молодежи будет вовлечена к китайской технике, технологиям, китайскому языку и системе образования в этих областях.

3. Широкое распространение китайских технологий может привести к опасениям по поводу монополизации определенных аспектов жизни под контролем одной страны. При интенсивном сотрудничестве с Китаем в сфере образования в этом направлении, страны ЦА могут столкнуться с возможной зависимостью не только от китайских технологий, но и методик и программ обучения. Это может повлиять на автономию стран в принятии решений и разработке своих образовательных систем.

4. Подобное образовательное влияние Китая может стать частью широкой геополитической стратегии, направленной на укрепление позиций Китая в регионе, что может вызвать реакцию других государств и международных игроков, и, как следствие, повлиять на политическую обстановку в Центральной Азии.

В целом, внедрение системы образования "Мастерские Лю Бань" на страны Центральной Азии будет иметь свои плюсы и минусы. Оно может быть довольно значительным, отражаясь как на их экономическом развитии и технологических возможностях, так и на их политической динамике и связях с Китаем и другими мировыми игроками.

Распространение китайских технологий и образовательных программ могут предоставить определенные преимущества. В то же время, оно будет способствовать усилению зависимости стран ЦА от китайского капитала, техники, технологии в процессе цифровизации народного хозяйства.

Список использованной литературы

1. Джиахви Хванг Мастерская Лу Баня. Китай распространяет центры профессионального обучения на ЦентрАзию, - Джиахви Хванг 12:02 06.09.2022 <https://centrasia.org/newsA.php?st=1662454920>

2. <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221129/v-dushanbe-otkrilas-masterskaya-kitaiskogo-filosofa-lu-banya>

3. <https://russian.eurasianet.org/%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9>
4. <https://www.newscentralasia.net/2023/04/17/first-chinese-lu-ban-workshop-will-open-in-turkmenistan/>
5. Henry Tugendhat. "Connection issues: a study on the limitations of knowledge transfer in Huawei's African training centres." *Journal of Chinese Economic and Business Studies* (2021): 1-27.
6. China's Vocational Education Workshops Seek to Strengthen Relations with Africa <https://jamestown.org/program/chinas-vocational-education-workshops-seek-to-strengthen-relations-with-africa/>
7. Мэй Опалински
8. <https://news.rambler.ru/world/50380922-v-kitae-sistema-masterskih-lu-banya-pomogaet-poluchit-sovremennye-i-professionalnye-navyki/>
9. Бобохонов А. Технологическое развитие КНР как новый фактор формирования китайской «мягкой силы»// *Sharqshunoslik / Востоковедение / Oriental Studies* 2022, № 2.
10. <https://www.huawei.com/uz/news/uz/2020/honor-cup-2020>

Түйіндеме

Мақалада Орталық Азия елдеріндегі Лу Бан білім беру жүйесінің қазіргі жағдайына баға беріледі, сонымен қатар бұл жүйенің артықшылықтары мен келешегі айқындалады. Зерттеулер мен практикалық тәжірибеге сүйене отырып, автор Лу Бан әдістерін білім беруде қолданудың артықшылықтарын талқылап, оны жүзеге асыруда Орталық Азия елдері кездесетін мүмкіндіктер мен қиындықтарды қарастырады.

Summary

The article assesses the current status of the implementation of the Lu Ban education system in Central Asian countries and identifies the advantages and prospects of this system. Based on research and practical experience, the author discusses the advantages of applying Lu Ban's methods in education and considers the opportunities and challenges faced by Central Asian countries in its implementation.

УДК: 339.976.4

Ахмедов Д.К.– д.э.н., проф.,
Руководитель Центра «Энергетическая геополитика» Института
перспективных международных исследований
Абдувалиев А.А., к.э.н.,
ведущий научный сотрудник Центра «Энергетическая геополитика»
Института перспективных международных исследований

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ЦЕНТРАЛЬНО АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: Центральная Азия, экономика, электроэнергия, сотрудничество, Концепция, прогноз, динамика, демография, потребность, спрос.

По расчетам Всемирного банка, глобальное неравенство в доступе к энергии сохраняется и доступа к электроэнергии лишены 675 млн. человек, а 2,3 млрд. человек каждый день используют вредные для здоровья и окружающей среды виды топлива. В период 2010-2020 гг. энергоемкость – показатель, описывающий количество потребляемой энергии на один доллар ВВП в мировой экономике, – ежегодно сокращалась на 1,8%. В предыдущие десятилетия это снижение было менее выраженным и составляло 1,2%. Тем не менее, темпы снижения энергоемкости в последние годы замедлились и в 2020 г. упали до 0,6% [4].

По мнению Вице-президента по вопросам инфраструктуры Всемирного банка Гуанчже Чэнь: «Требуются неотложные дополнительные усилия и меры для того, чтобы самые бедные и труднодоступные категории населения не были оставлены без внимания. Для достижения всеобщего доступа энергии к 2030 г. сообщество в области развития должно нарастить объем средств, вкладываемых в развитие чистой энергетики, и усилить поддержку в сфере разработки мер политики» [4].

Особое внимание многих ученых и экспертов интересует широкий спектр социально-экономических направлений развития стран Центрально Азиатского региона, который в первую очередь рассматривается в качестве возможностей для реализации широкого спектра взаимовыгодных проектов, в том числе и в сфере энергетики.

По мнению С. Притчина, в последние несколько лет государства Центральной Азии столкнулись с беспрецедентным количеством локальных и региональных энергетических кризисов, что было обусловлено двумя фундаментальными тенденциями. Во-первых, энергогенерирующая инфраструктура, доставшаяся государствам региона от СССР, постепенно выходит из строя, особенно в условиях отсутствия серьезных инвестиций в ее обновление, а добыча природного газа, как одного из их главных энергоносителей, не увеличивается.

Во-вторых, стремительный демографический рост во всех республиках региона в условиях реализации крупных энергоемких производств обуславливает значительное увеличение внутреннего потребления электроэнергии. Согласно данным ООН, в период с 1991 по 2023 г. население региона увеличилось с 51 млн. человек до 78 млн., хотя такой прирост ожидался только к 2030 году [1].

Совокупность упомянутых факторов приводит к тому, что энергетика становится одним из главных сдерживающих факторов для развития региона

и поддержания стабильной социально-экономической ситуации в странах Центральной Азии. Поэтому проблемы в энергетической сфере в последние несколько лет стали важной частью программных стратегий государств Центральной Азии.

Электроэнергетическая отрасль Узбекистана в настоящее время активно трансформируется. Действующим реформам способствует разработанная правительством «Концепция по обеспечению Республики Узбекистан электрической энергией на 2020-2030 годы» [2]. Данная Концепция служит фундаментальной основой и ориентиром для коренного реформирования сферы с учетом удовлетворения растущего спроса на энергоносители со стороны населения и быстро развивающейся экономики страны.

Концепция определяет цели и направления развития электроэнергетической отрасли страны на среднесрочную и долгосрочную перспективы, механизмы обеспечения эффективности государственной энергетической политики на отдельных этапах и ее практической реализации. Тем не менее, основной целью Концепции является удовлетворение растущей потребности в электрической энергии по конкурентоспособным ценам и динамичное развитие электроэнергетической отрасли страны, посредством модернизации и реконструкции существующих электрических станций, строительства новых генерирующих мощностей на базе высокоэффективных технологий производства энергии диверсификации топливно-энергетических ресурсов с развитием использования возобновляемых источников энергии.

В настоящее время располагаемая генерирующая мощность республики составляет 12,9 ГВт, из них: тепловые электрические станции (ТЭС) – 11 тыс. МВт или 84,7 процентов; гидроэлектростанции (ГЭС) – 1,85 тыс. МВт или 14,3 процента; блок-станции и изолированные станции – более 133 МВт или 1 процент. Основным источником генерации являются 11 ТЭС, в том числе 3 тепловых электроцентралей (ТЭЦ).

Тем не менее, в Концепции приводятся накопившиеся проблемы, требующие комплексного и системного решения, основными из которых являются:

- низкий коэффициент полезного действия (КПД), 25-35 процентов введенных более 25 лет назад энергоблоков ТЭС и высокий удельный расход топлива по сравнению с современными парогазовыми установками (ПГУ), в 2 раза;

- высокий уровень износа распределительных сетей и трансформаторов, что приводит к перебоям в снабжении и ухудшению показателей качества электрической энергии;

- низкая пропускная способность значительной части действующих линии электропередач (ЛЭП) и трансформаторов ограничивает возможность поставки электрической энергии потребителям в требуемых объемах;

- низкий уровень автоматизации и цифровизации объектов электроэнергетики.

Положительной тенденцией является стабильный рост внутреннего спроса на энергоресурсы, что позволяет заключить об экономическом развитии и тенденции роста населения страны. Следовательно, с ростом потребности должны расти производственные показатели, так, с 2012 по 2019 годы рост производства электрической энергии достигнут в среднем 2,6 процента в год. Что позволяет заключить о не полном объеме удовлетворения действующего и в перспективе растущего спроса на электрическую энергию и главное, не допущения образования дефицита и дисбаланса, которые могут стать одними из основных сдерживающих факторов социального и экономического развития страны.

В этой связи важно учитывать прогнозные оценки развития отрасли в долгосрочном периоде, где требуется учесть, производство электрической энергии и ее производство по отраслям экономики, а так же, потребление населением электрической энергии до 2030 года (Рис.1)

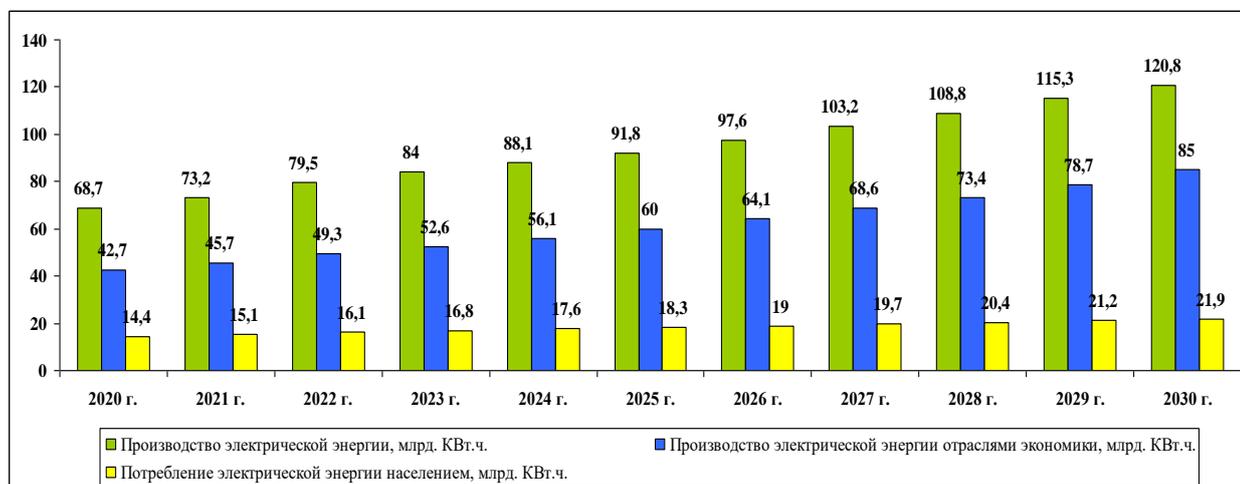

Рис.1. Прогнозная динамика производства и потребления электрической энергии до 2030 г. млрд. кВт.ч.[2]

Согласно Прогнозной динамики (Рис.1) производства и потребления электрической энергии в Концепции по обеспечению страны электрической энергией на 2020-2030 годы, к 2030 году потребление по республике составит 120,8 млрд.кВт.ч., потребление населения электрической энергией составит – 21,9 млрд.кВт.ч и потребление отраслями экономики прогнозируется 85,0 млрд.кВт.ч.

В этой связи можно выделить 2 основных фактора, способствующих росту потребления электрической энергии, в числе которых, стабильный рост экономики, в данном случае переход страны в число государств с доходом выше среднего путем устойчивого экономического развития (определенные цели в Стратегии «Узбекистан-2030») и рост количества населения и уровня жизни населения страны. Прогнозные показатели именно последнего фактора послужат ориентиром качественной реализации определенных задач в Концепции по обеспечению страны электрической энергией на 2020-2030 годы.

Согласно результатам исследований, население Узбекистана будет иметь стабильную тенденцию роста и к 2030 году составит 41,3 млн. человек (Рис.2).

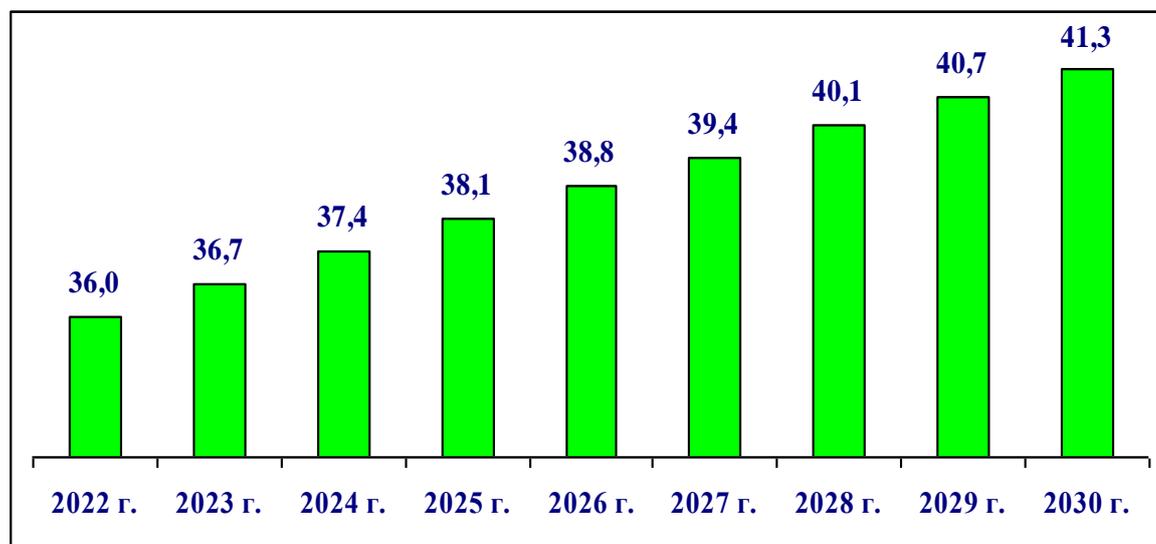

Рис.2. Прогноз численности населения Республики Узбекистан (2022-2030 гг.)[3]

В целом, по выводам экспертов, на протяжении всего прогнозируемого периода решающим компонентом воспроизводства населения должен быть естественный прирост. Ожидается, что естественный прирост населения будет характеризоваться высоким годовым числом родившихся и относительно низким годовым числом умерших. Численность населения трудоспособного возраста (15-64 года, по стандартам ООН) будет также расти на протяжении всего прогнозируемого периода. Аналогичные тенденции развития можно ожидать во всех регионах Республики Узбекистан, различия за редкими исключениями будут касаться лишь масштабов и степени ожидаемых изменений, а не их направленности. В западных регионах Узбекистана, Республике Каракалпакстан, Хорезмской, Бухарской и Навоийской областях, а также в Сырдарьинской области на востоке доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения будет по-прежнему выше среднего показателя по стране[3].

Суммирование результатов выше изложенных исследований, следует заключить что, при оценке потребности страны в целом важно учитывать перспективы роста населения и отраслей экономики, урбанизации, что повлияет на рост потребности в электроэнергии.

Вместе с этим, для обеспечения растущих потребностей отраслей экономики и населения, бесперебойным и качественным снабжением электроэнергией, будет возрастать актуальность регионального сотрудничества на рынке электрической энергии и формирования сопряженных и взаимодополняющих мер в сфере энергетической политики между странами Центрально Азиатского региона.

Для Узбекистана актуальным является проведение анализа энергетического баланса страны по регионам, оценка вклада различных источников генерации электроэнергии. Важно, сделать перспективную оценку традиционных генерирующих мощностей и возможности производства электроэнергии с помощью возобновляемых источников энергии и атомной энергетики на фоне изменения климата. В этой связи в Узбекистане будет возрастать актуальность исследования вопросов энергетического перехода, повышения энергоэффективности и зелёного бюджетирования.

Список использованной литературы литературы

1. Притчин С. Энергетический кризис в странах Центральной Азии и перспективы их сотрудничества с Россией / Центральная Азия в глобальном мире. С.94. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-94-104
2. Концепция обеспечения Республики Узбекистан электрической энергией на 2020-2030 годы / www.minenergo.uz
3. Кучера Т., Ахмедов Д., Бурцин Б. и др. Прогнозы демографического развития Республики Узбекистан и ее регионов до 2050 года. Основные принципы, предпосылки и результаты прогнозов. Т. 2023.
4. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/06/06/basic-energy-access-lags-amid-renewable-opportunities-new-report-shows>
5. Е.Кузьмина Атомная энергетика в Центральной Азии / Геоэкономика энергетики. №4. 2021. С.6-21.
6. С.В.Жуков и др. Азиатские энергетические сценарии 2030 / под ред. С.В.Жукова. – М.: Магистр, 2012. – 336 с.
7. World Energy Investment 2023. International Energy Agency. www.iea.org.
8. R.Ackrill, A.Kay EU Biofuels Sustainability Standards and Certification Systems – How to Seek WTO – Compability / Journal of Agricultural Economics, Vol.62, №3, 2011. P.551-564.

Түйіндеме

Мақалада электр энергетикасы секторының реформалары мен қазіргі жағдайы талданып, саланы дамытудың басым бағыттары қарастырылған, саланы кешенді және жүйелі шешуді талап ететін проблемалар айқындалған. Электр энергиясын өндіру мен тұтынудың болжамдық көрсеткіштері және Өзбекстандағы 2030 жылға дейінгі халық санының динамикасының болжамы талданған. Болашақта ғылыми-зерттеу қызметінің басым бағыттары белгіленді.

Summary

The article analyzes the reforms and the current state of the electric power sector, gives priority directions for the development of the industry, identifies

problems requiring a comprehensive and systematic solution to the industry. The forecast indicators of production and consumption of electric energy and the forecast of the dynamics of the population of Uzbekistan up to 2030 are analyzed. Priority directions of research activities in the future have been identified.

УДК 327.930.913

Д.Б. Кыдырбекулы,
Доктор политических наук,
Международный университет
Информационных технологий,
г. Алматы, Казахстан

ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ДО СОЮЗА

Интеграция между государствами является естественным процессом, обусловленный историческими, географическими, культурными и этно-религиозными факторами. Мир разделен на регионы. Исторический мировой опыт интеграции показывает общность интересов стран с единой географией и схожей культурой. Самыми наиболее успешными региональными союзами являются Европейский Союз (ЕС) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 21 веке регионализация в международных отношениях и активность региональных структур являются основой формирующегося многополярного мира. И в новых геополитических условиях начала 2020-х годов идет также процесс объединения государств Центральной Азии в один региональный союз.

Насколько реально интеграция стран Центральной Азии в единый региональный союз? Прежде всего – это исторические истоки, уходящие в глубь веков. Древним географическим названием региона был Туран. Располагающаяся здесь огромная низменность называется Туранской. Также проживающие здесь народы в значительной части относятся к антропологическому типу, которая называется туранской расой (смешанной европеоидно-монголоидной). Прежде обитавший и исчезнувший здесь вид тигра также назывался туранским. Наименование Туран часто упоминается в поэме средневекового персидского поэта Абулькаси́ма Фирдау́си «Шахнаме». В этой поэме Туран противопоставлялся Ирану. Несмотря на укоренившееся утверждение, что древние племена и народности (скифы, саки, сарматы) были ираноязычными, тем не менее, Туран означал древнеперсидское наименование тюрков. И в течение веков происходило взаимовлияние культур тюрков и иранцев. В то же время, туранцами себя также именуют живущие за пределами центрально-азиатского региона турки и азербайджанцы.

В древние и средние века в регионе Центральной Азии были разные государства. Регион также входил в состав разных империй. На момент прихода в центрально-азиатский регион Российской империи здесь были Казахское, Хивинское, Кокандское ханства и Бухарский эмират. Население региона делилось на кочевое и оседлое. Кочевые народы воспринимали друг друга как другое племя. Так, для казахов киргизы, туркмены и узбеки (кочевые) были тюрками из другого племени, поскольку народ и племя озвучиваются одним словом – *ел*. Оседлое население именовалось сартами, которые тоже говорили на тюркском языке. Оседлыми были также и таджики, говорившие на таджикском диалекте персидского языка.

Со временем этот регион стал называться Туркестаном, поскольку тюрки составляли большинство. При этом считается, что Туркестан является производным от слова Туран, который в современное время олицетворяет весь тюркский мир. С окончательным вхождением региона в состав Российской империи в 1860-1880-х годах было образовано Туркестанское генерал-губернаторство (также Туркестанский край) с центром в Ташкенте, куда не входили Хивинское ханство и Бухарский эмират. Казахские земли были разделены между тремя губернаторствами. В Туркестанское генерал-губернаторство вошли южноказахские земли (Семиреченская и Сырдарьинская области, а также Мангышлакский уезд Закаспийской области). Западноказахские земли были в составе Уральской и Тургайской областей, подведомственные Оренбургу, а североказахские – в состав Акмолинской и Семипалатинской областей, подведомственные Омску. Впоследствии, в 1917 году западноказахские и североказахские области объединились в Алашскую Республику (Автономию) с центром в городе Семипалатинск, на месте которой в 1920 году была образована Киргизская (Казахская) АССР.

В 1917 году на месте Туркестанского генерал-губернаторства была объявлена автономия в единении с федеративной демократической Российской республикой (т.н. Туркестанская (Кокандская) Автономия). Возглавили эту автономию казахские деятели Алаш-Орды Мухамеджан Тынышпаев (1879-1937) и Мустафа Шокай (1890-1942). М. Шокай, впоследствии в эмиграции, продолжал рассматривать Центральную Азию как единый туркестанский регион. «Мустафа (Шокай – Прим. Д.К.) стоял на позициях единения народа Туркестана... Русские националисты не хотели считаться с тем, что в составе русской империи есть народ Туркестана и другие народы нерусского происхождения». [1, 452]

В 1918 году в Туркестанском крае была провозглашена Туркестанская автономная советская социалистическая республика, а в 1920 году – Хорезмская и Бухарская народные советские республики. Казахский и туркестанский (среднеазиатский) общественный и государственный деятель Турар Рыскулов (1894-1938) выдвигал идею об образовании Тюркской Республики в пределах советской России. В 1922-1924 годах он возглавлял Туркестанскую АССР. Его проект гласил следующим образом: «Туркестан,

состоящий из пяти областей, считать страной тюркских народностей – киргизов (казахов – Прим. Д.К.), сартов, узбеков, туркмен, каракалпаков, кипчаков, включая сюда таджиков нетюркского происхождения, и остальное население – русских, евреев, армян и других, представляющих из себя пришлый элемент. Туркестанскую республику считать национальной советской республикой, где самоопределяющимся народом коренным считается тюркский народ». [3, 161] Но советское руководство не приняло его план по построению Туркестанской Республики из-за боязни и опасения объединения в последующем народов региона в единую нацию.

Советское руководство продолжало политику прежней царской России, но иными методами, придерживаясь лозунга «Разделяй и властвуй!». Советская Россия использовала противоречия между лидерами разных этносов, населявших туркестанский край. Так, в 1924-1925 годах произошло национально-государственное размежевание, в результате которых были образованы узбекская, туркменская, киргизская и таджикская республики из расформированных трех республик (Туркестан, Хорезм, Бухара). Северная часть Туркестанской АССР была передана Казахской АССР в составе РСФСР. И таким образом состоялось разделение туркестанского региона.

Регион в советский период стал называться Средней Азией, но без Казахстана. Из-за относительно огромной территории в Казахской ССР был сформирован отдельный Казахстанский экономический район, а остальные республики объединились в Среднеазиатский экономический район. В то же время, военный округ Министерства обороны СССР на территории Казахстана назывался Среднеазиатским, а на территории Узбекистана и Туркменистана – Туркестанским. И после такой путаницы советское руководство объединило эти республики в один регион – Средняя Азия и Казахстан.

После распада СССР в 1991 году на мировой карте произошли изменения географии регионов. Средняя Азия и Казахстан стали Центральной Азией. А прежняя Центральная Азия, куда входила Монголия, стала частью Восточной Азии. Появилась номинальная возможность интеграции независимых стран Центральной Азии. Но каждая из этих бывших советских республик Средней Азии стала развиваться самостоятельно с минимальным вниманием на межгосударственные отношения с друг другом, поскольку за период в составе СССР коренные народы стали значительно разниться между собой. Узбекистан постепенно стал изолироваться. Туркменистан, получив статус нейтрального государства, почти полностью закрылся от мира. Кыргызстан и Таджикистан стали более зависимыми от России. Казахстан, напротив, максимально открылся мировому сообществу, активно привлекая инвестиций в свою экономику.

Со стороны Казахстана были неоднократные попытки инициировать региональное сотрудничество с южными соседями. Но вследствие изолированной политики Узбекистана и Туркменистана, а также пассивности

Кыргызстана и Таджикистана интеграционные попытки либо не увенчались успехом, либо оставались на бумаге. Лишь смена руководств стран, особенно Узбекистана, сдвинул, наконец, камень с мертвой точки. «Реализация проекта Союза центрально-азиатских государств зависит от поступательного движения всех стран региона в направлении сближения национальных политико-экономических систем, адаптации экономик и рынков – как в региональном отношении, так и на глобальном торгово-экономическом уровне» [2, 98]. Исторические и географические условия для этого имеются.

Так, в 1994 году Казахстан и Узбекистан подписали Договор о создании единого экономического пространства как углубление двустороннего сотрудничества, открытым для многостороннего сотрудничества. Затем к Договору присоединился Кыргызстан. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан в своих взаимоотношениях находили много сходств в подходах и решениях проблем региональной безопасности, возлагая надежды на создание межгосударственного исполкома. В том же году этот Договор был переоформлен в Центрально-Азиатское экономическое сотрудничество (ЦАЭС), также подписанный этими тремя странами.

Однако разность интересов Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана сделало ЦАЭС существующей лишь на бумаге. ЦАЭС, не успев зародиться, оказалось недееспособной организацией. В 2002 году ЦАЭС был преобразован в Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС) в составе четырех стран региона без Туркменистана. Затем, с присоединением к нему в 2004 году России эта организация стала с 2005 года называться ЕврАзЭС, куда присоединились страны вне центрально-азиатского региона – Армения и Беларусь. Узбекистан вскоре вышел из этой организации. В 2014 году ЕврАзЭС официально был ликвидирован, и вместо него с 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Как видим, Россия также сыграла определенную роль в пресечении попытки создания центрально-азиатского союза. Латентная политика России стала неким повторением раздела туркестанского региона.

Поэтому, в 2007 году президент Казахстана Н. Назарбаев предложил создать Центрально-Азиатский Союз (ЦАС) в составе пяти стран региона – Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. Поскольку еще со второй половины 1990-х годов отношения между странами региона постепенно охладились и каждая из них практически уходила в самоизоляцию, то этот проект оказался нереализованным и гипотетическим, едва только Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан подписали Договор о вечной дружбе. ЦАС предусматривал также образование зоны свободной торговли, но Президент Узбекистана И. Каримов не поддержал этот проект на дальнейшее осуществление.

Приход к руководству в Узбекистане Ш. Мирзиёева в 2016 году внес перемены не только в страну, но и в регион. При И. Каримове Узбекистан постепенно отходил от сотрудничества со странами-соседями. Страна

находилась в полуизоляционном состоянии, внешние экономические связи были ограниченными, граница фактически была на замке, были локальные пограничные перестрелки с Казахстаном и Таджикистаном. Кроме того, сотни тысяч граждан страны мигрировали на заработки в Россию и Казахстан. В 2017-2022 годах в Узбекистане пошел внутренний экономический рост, двери для притока инвестиции и туризма вновь открылись. Прежде всего, оживилась торговля и туризм с соседями, особенно с Казахстаном. Миграция узбекского населения пошла на убыль. Географически Узбекистан занимает центральное положение в регионе и имеет общие границы со всеми странами Центральной Азии. Теперь же, с открытой политикой Ш. Мирзиёева Узбекистан набирает свой авторитет в регионе Центральной Азии наряду с Казахстаном.

В июле 2022 года в городе Чолпон-Ата (Иссык-Кульская область, Кыргызстан) состоялся саммит глав государств стран Центральной Азии. На этой встрече президент Казахстана К-Ж. Токаев подчеркнул: «Необходимо повышать транспортную связанность региона и последовательно улучшать условия транзита. Даже беглый взгляд на карту говорит об уникальном географическом расположении Центральной Азии на стыке России, Китая, Южной Азии, Ближнего Востока и Южного Кавказа. В новых геополитических реалиях роль нашего региона в продвижении и развитии трансконтинентальной торговли стремительно возрастает» [4]. Центральная Азия исторически была одним из хабов Великого Шелкового Пути. И это значение она не только не утратила, но и постепенно возрождает. Создание транспортной инфраструктуры стало бы объединяющим фактором в региональной интеграции.

В марте 1995 года состоялась крупная встреча глав государств Центральной Азии в городе Дашховуз (Туркменистан) относительно проблем Аральского моря. На этой встрече было принято Совместное заявление Президентов Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан о равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве на многосторонней основе. Это была единственная встреча на высоком уровне, которая впоследствии имела определенные результаты в решении крупной экологической проблемы. В последующие годы и десятилетия аральская проблема была частично решена за счет привлечения помощи со стороны международных организаций.

Дашховузская встреча определенно показала, что использование водных ресурсов является еще одним объединяющим фактором стран Центральной Азии. На нынешний момент также ведется поиск рационального и распределительного использования рек Сырдарьи и Амударьи в хозяйственных целях этих стран. В это же время, Афганистан без согласования со странами Центральной Азии (что вызывает беспокойство) намеревается забрать часть водных ресурсов Амударьи для орошения своих полей. Казахстан также проявляет обеспокоенность в неравномерном использовании рек Иртыш и Или Китаем, или же рек Урала и Тобола с

Россией. Поэтому, экономические и экологические факторы требуют определенного урегулирования отношений как между странами Центральной Азии, так и со странами-соседями (Россия, Китай, Афганистан, Иран).

Общность интересов стран Центральной Азии была подтверждена в середине октября 2022 года в Астане в ходе встреч глав государств региона с лидерами крупных держав – России, Китая, Турции, Ирана в рамках саммита СВМДА, а до этого в Самарканде в рамках ШОС. В Астане также прошли встречи в рамках «Пять плюс один» (страны Центральной Азии и Россия). Важным явилась также встреча в Астане лидеров стран региона с председателем Европейского Совета Шарлем Мишелем также в рамках «Пять плюс один» в конце октября 2022 года. Саммиты глав государств Центральной Азии в рамках «Пять плюс один» прошли в течение 2023 года с главами США, Китая, Индии, Германии, а также с главой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, что показывает признание этими державами Центральной Азии как отдельного региона, объединенного общими устремлениями этих стран. «Пять плюс один» свидетельствует, что интеграция стран Центральной Азии в единый региональный союз есть не иллюзия, а вполне реальная картина в международных отношениях в 2020-х годах.

Отцы туркестанского единства М. Шокай и Т. Рыскулов учитывали не только тюркский, но таджикский фактор. Поэтому, в контурах региональной интеграции все официальные языки стран Центральной Азии имеют равный статус. Более чем столетний раздел региона подходит к концу, и идет начало новой вехи – сближения не только на государственном, но и на историческом уровне. Культурная общность центрально-азиатских стран является основой единого геополитического значения региона.

Таким образом, главная задача стран региона Центральной Азии – это прежде всего, полная экономическая самостоятельность государств. Цель интеграции в Центральной Азии состоит прежде всего в совместном решении экономических и экологических проблем, а также во ведении совместной и согласованной внешней политики стран в отстаивании общих региональных интересов на мировой арене. И осуществление этого важного интеграционного проекта становится актуальным в период формирования многополярного мира. Геополитические условия современности ускоряют процесс естественного объединения стран Центральной Азии в единый регион.

За время после распада СССР каждое государство региона Центральной Азии было занято преимущественно своим внутренним обустройством и национальным строительством. Но в то же время, за эти более тридцати лет независимого существования постоянно стоял и стоит вопрос об интеграции стран Центральной Азии в единый регион с экономическими и политическими параметрами. Факторы как основы для объединения в региональный союз имеются – это транспорт, вода и безопасность. И это время для реализации этого интеграционного плана уже пришло.

Список литературы

1. Садыкова Б. И. Мустафа Чокай в эмиграции. Алматы: Мектеп, 2009
2. Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008
3. Устинов В.М. Турар Рыскулов. Алматы: Казахстан, 1996
4. Выступление Президента К.К.Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии (г.Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г.)
[//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35457559&pos=15;-28#pos=15;-28](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35457559&pos=15;-28#pos=15;-28)

Түйіндеме

«Түркістан Республикасынан Одаққа дейін» атты мақаласында интеграцияның тарихи, мәдени және тілдік факторларын қарастырады. Интеграцияның заманауи шарттары көлік, су және қауіпсіздік болып табылады. Автор саяси және экономикалық жақындасу арқылы аймақтық интеграция қажеттілігін атап көрсетеді.

Summary

From Turkistan Republic to Union considers historical, cultural and lingual factors of the integration. History and geography of the region concern the old name of Turkistan. Contemporary conditions of the integration are transport, water and security. The author emphasizes such necessity of regional integration through political and economic intimacy.

УДК 314.7(94)

Торланбаева К.У.,
Профессор –исследователь кафедры
«Регионоведение и международные отношения»

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ВЕЛИКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ НАРОДОВ

Ключевые слова: культура, Евразия, хунны, Европа, этнос, взаимодействие, миграция.

Культура народов Центральной Азии, складывающаяся на обширной территории внутренних пространств Евразии, имела большое влияние на становление мировой цивилизации. Важнейшим фактором межкультурного взаимодействия являются миграционные процессы. В прошлой истории Центральной Азии Великое переселение народов стало фактором диалога различных цивилизаций и культур, миграционные процессы во многом влияли на изменение этнополитической и экономической ситуации, на сложение государств и определения их границ, на изменение социально-

демографического характера населения, развитие культуры, взаимовлияние народов. Различные культуры в Центральной Азии с древности имели собственный вектор эволюционного развития, но в точках соприкосновения этих культур определялись политические, торгово-экономические и коммуникационные взаимосвязи, образуя своеобразный баланс совместного существования и межкультурной толерантности.

В западной и отечественной научной литературе Великое переселение народов представляется как длительный процесс, продлившийся века. Именно этот миграционный процесс привел к появлению в европейских источниках общего названия «гунны» для мигрировавших племен из глубин Центральной Азии. В действительности, по китайской летописной традиции, появление этнонима «гунны» связано с первой кочевой Империей Хунну или Сюнну. Главной причиной передвижения хунну стало усиление китайской империи Хань, в результате чего произошел политический раскол Империи Хунны, которые разделились на южных и северных в I веке до н.э. [1, с. 286-287; 2, с. 16-17].

Великое переселение народов – это самое масштабное миграционное событие в истории человечества. Основными его причинами исследователи называют изменения экологического состояния в степных районах Центральной Азии и этнополитические процессы в обществах скотоводческих народов [3]. В историографии под Великим переселением народов принято понимать условное название эпохи массовых миграций народов из глубин Центральной Азии: гуннских, германских, аланских и других племен в западном направлении между II и VII веками. Эти миграции кочевников, захватившие европейские территории и значительно изменившие их этнический, культурный и политический облик, начали свое продвижение, согласно китайским летописям, еще в I веке до н.э., если не брать еще ранний этап, связанный с передвижением племен юэчжи и становлением Империи Хунну примерно в III веке до н.э.

В позднихуннский период существовали объективные геополитические условия, связанные с усилением империи Хань. В 56 г. до н.э. первая центрально-азиатская империя хунну раскололась на южную и северную части. Именно с этого времени фиксируются передвижения северных племен во главе с Чжи Чжи-шаньюем в Казахстан и Среднюю Азию. В 48 г. н.э. вновь происходит миграция северных и южных хунну за пределы своих кочевий: одна часть мигрирует в сторону китайской территории, а северные хунну под натиском кочевых племен Енисея сместились в Западную Монголию, Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан. В I-ой половине II в. н.э. под влиянием, образовавшегося сяньбийского государства, хунны начали продвигаться в Восточный Казахстан и Жетысу. Здесь они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем, вместе с угорскими племенами Западной Сибири продвинулись в Приуралье, в прикаспийские и заволжские степи. Ю.А. Зуев отмечал, что миграции хунну происходили дважды после падения империи в 48 г. и в 93 г. и это были

первые массовые миграции хунну на территории Казахстана и Средней Азии [1, с. 286]. В историографии вопросы о политических и этносоциальных связях эпохи миграций хунну на территорию Казахстана исследовались Ю.А. Зуевым, который выявил ряд важных аргументов исторических оснований взаимоотношений усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем [4, с. 63-70]. Движение северных хунну повлияло на этническую картину во всей Центральной Азии и сумело активизировать политическое взаимодействие между кочевниками и оседло-земледельческими обществами. Следует отметить, что во I – II вв. территория современного Казахстана стала важным центром, через который продвигались кочевые народы. Многие маркеры этнокультурных особенностей и характеристик локальных и пришлых племен сохраняются в мифологических сюжетах, в археологических находках. Именно эти северные хунны получают в европейских источниках наименование «гунны» [2, с. 23-29].

В V веке нашей эры гунны, вероятно, продвигаясь по пути на запад Евразии, смешивались со многими народами, которые им встречались. По мнению А.Ш. Кадырбаева: «Они почти забыли славное прошлое своих предков сунну и мало напоминали их внешне, но не утратили их бойцовских качеств» [5, с. 3]. Они привели в ужас Европу и под предводительством Атиллы нанесли сокрушительный удар по последнему оплоту античности – Западной Римской империи. Теснимые гуннами, другие народы, и оседлые и скотоводческие, стали передвигаться, ища новые территории для своего проживания, поэтому массовые миграции этих народов на территории Европы в настоящее время исследователи делят на три основных этапа [6, с. 309-311].

Первый этап. Он получил название германского и начался во II веке с переселения готов, которые мигрировали с территории Центральной Швеции по течению Вислы до побережья Черного моря. В 238 г. готы перешли границу Римской империи на Нижнем Дунае. В III веке в пределы Римской империи вторгались различные германские племена, это: алеманны, вандалы, саксы, франки и др. Окончание первого этапа датируется 378 г., когда произошло знаменитое Адрианопольское сражение.

Произведение Аммиана Марцеллина «История», в оригинале «Res Gestae» («Деяния»), является значительным историческим источником не только по истории Рима, но и по вопросам миграций готов, аланов, гуннов и других народов [7]. В период его жизни и деятельности в Римской империи происходили трансформационные процессы, связанные с борьбой языческих культов и имперских ценностей с христианством в форме православия и новыми человеческими сообществами в виде германских королевств. Важнейшим фактором трансформации империи стало Великое переселение народов из восточных степей, когда в III веке резко обострилась ситуация на границах, а на Востоке после прихода к власти династии Сасанидов в 226 г. усилилось противостояние в отношении империи. Первые успехи в борьбе с внешними врагами были достигнуты только в 269 г., когда Клавдий (268 –

270 гг.) со своими войсками разгромил вторгшихся в империю готов. Все эти события внешних сражений и повествования о внутривосточной борьбе нашли строгое, критическое и достоверное повествование в «Деяниях» Аммиана Марцеллина.

Второй этап. Он начался в 378 г. с вторжения в Европу гуннов — кочевников из степей Центральной Азии. В начале переселения гунны подчинили аланов, затем разгромили остготовов, а вестготовов оттеснили на запад. Продвижение гуннов римским войскам удалось остановить в 451 г. на территории современной Франции, это вторжение привело в движение племена, граничившие с Римской империей, что ускорило ее завоевание и распад. Сами гунны «растворились» среди позже мигрировавших племен. Вестготы в 400 г. мигрировали в Грецию, затем — в Италию и в 410 г. захватили Рим. Сами же гунны поселились на юге Галлии, проникли на Пиренейский полуостров, где образовали королевство. Именно с этого этапа миграций началось сложение на территории западной и центральной Европы новых этнических государств. Например, свены образовали на западе Пиренейского полуострова собственное королевство, вандалы в 429 г. переправились в Северную Африку и создали королевство со столицей в Карфагене [2, с. 237-245]. В результате интенсивных миграций в Европе начался синтез античной и варварской культур, появлялись и исчезали королевства.

После IV века миграции кочевников продолжают и их влияние на общемировую ситуацию качественно меняются. И связано это, прежде всего, с формированием каганатов — государственной формы сосуществования скотоводческих племен и оседлого населения, появления большего количества народа погранично смешанных в этническом и экономическом отношении.

Время позднеимперских авторов Марцеллина, Засимуса, Хиронимуса и других сменили византийские авторы, среди которых знаменитый Менандр Протектор и его знаменитые истории о посольских, дипломатических, политических и торговых связях Византии с Западно-тюркским каганатом и Ираном. Наиболее известно его сочинение «Продолжение истории Агафьевой». В этом сочинении имеются упоминания об аварских миграциях в пределы Восточной Европы и на Кавказ, даются сведения о тюркских походах и соглашениях между тюрками и римлянами [8].

Эпоха второго этапа Великого переселения народов совпадает со временем тюркских каганатов в Центральной Азии. Именно в это время в европейских источниках появляются сведения о новых кочевниках — аварах. По китайским же летописям, это были племена жуань-жуаней, обладающие обширным кочевым государством в центре в Монголии. В 546 г. многочисленные войска телэ выступили против жуань-жуаней, и тюрки, связанные союзом с каганатом жуань-жуаней, разбили телэ, подчинив 50 тыс. их войска. Это событие было заявлением о новой политической силе среди кочевников. За победу над телэ правитель тюрков Бумын (кит. Тумынь, 542—

552 г.) попросил в жены жуань-жуаньскую принцессу, дочь верховного правителя Анагуя, но получил отказ. Тогда посланник жуань-жуаней был убит и политические отношения между союзниками были разорваны. Весной 552 г. тюрки нанесли сокрушительное поражение жуань-жуаням. Летописи весьма смутно сообщают о периоде между 552 и 553 годами, связанные с окончательным разгромом жуань-жуаней на реке Орхон. Преследуемые тюрками и их союзниками, жуань-жуани бежали в восточном и западном направлениях. В 558 - 568 гг. они под именем аваров с позднегуннскими племенами Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа совершали набеги на границы Византии (Восточно-Римской империи). Снова возникла ситуация дестабилизации геополитической обстановки в степных глубинах и начался новый этап переселения народов [9, с. 63-72].

Третий этап. Он связан с вторжением славянских племен на Балканский полуостров и территорию Византии. С V века началось движение отдельных славянских племен на Запад, за реку Вислу. Другой поток мигрантов двинулся в низовья Дуная и направился к Византии, в 636 г. славяне вышли к побережью Адриатического моря. Позже под натиском аваров славяне продолжили миграции в восточной части Европы. Некоторые исследователи к третьему этапу Великого переселения народов относят также арабские завоевания VII – XI веков, походы норманнов конца VIII – XI веков и другие события [6, с. 311].

Таким образом, роль народов Центральной Азии и, в частности, Казахстана, в Великом переселении народов столь велика и значительна в самой его причине и подвижности народов. Вместе с тем, кочевой образ жизни и скотоводческая экономика требовали экстенсивного освоения новых пространств, продукты скотоводства давали огромное количество продовольствия и способствовали демографическому взрыву.

Список литературы

1. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – Алма-Ата, 1977. – Т. 1.
2. Diesner H.-J. The Great Migration. - Leipzig, 1978.
3. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. - New York and London, 1940.
4. Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине 1 века до нашей эры (Поход гуннского шаньюя Чжичжи на Запад). // Известия АН КазССР. Серия истории, экономики, философии и права. Вып. 2 (5). – Алма-Ата, 1957. – С. 62-72.
5. Кадырбаев А.Ш. «Великие переселения народов» с востока в центр Азии: юечжи, сунну, канцзюй и их государства. III век до н.э. – V век н.э. (по материалам китайских династийных историй). - М., 2003.
6. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. - М., 2003. С. 309-311.

7. Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae). \ Ком. Ю. Кулоковский. – Киев, 1990. - Т. 1-3.

8. Менандр. Продолжение истории Агафьевой. – Византийские историки. \ Пер. с греч. С. Дестуниса. - СПб. 1861.

9. Торланбаева К.У. Миграционные процессы в Казахстане и Центральной Азии: письменные источники и история \ Известия Национального центра археографии и источниковедения. - Астана: 2014, № 2.

Түйіндеме

Халықтардың Ұлы көші-қонындағы Орталық Азия халықтарының және оның ішінде Қазақстан халықтарының рөлі соншалықты зор және маңызды. Сонымен бірге көшпелі өмір салты мен мал шаруашылығы жаңа кеңістіктерді экстенсивті игеруді талап етті, мал шаруашылығы өнімдері мол азық-түлікті қамтамасыз етті және халықтың жарылуына ықпал етті.

Summary

The role of the peoples of Central Asia and, in particular, Kazakhstan, in the Great Migration of Peoples is so great and significant in its very cause and mobility of peoples. At the same time, the nomadic lifestyle and pastoral economy required the extensive development of new spaces; livestock products provided a huge amount of food and contributed to the population explosion.

УДК 327.7

Мухамбедьярова А.Т.,
профессор кафедры
регионоведение и международные отношения
Университет Туран
(г. Алматы, Республика Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: суверенитет, внешняя политика, концепция внешней политики РК, стабильность, национальная безопасность, политические и экономические реформы, внешняя среда, международные отношения, многовекторность, геополитика, интеграция.

С обретением суверенитета Республика Казахстан столкнулась с необходимостью выработки и проведения собственной внешней политики. Основной целью Концепции внешней политики Казахстана стало формирование благоприятной внешней среды и поддержки для стабильного развития страны на основе политических и экономических реформ.

Создавая систему национальной безопасности Казахстан должен был исходить из особенностей своего геополитического и экономического положения. Казахстан расположен на стыке Европы и Азии, где соединяются транспортные и коммуникационные линии, соединяющие Запад и Восток. Учитывая свое положение, Казахстан на международной арене проводит многовекторную политику, развивая взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами ближнего и дальнего зарубежья.

Став полноправным членом ООН, Казахстан активно включился в деятельность ее организаций, таких как Юнеско, Юнисеф, ЭКОСОС, УВКБ и другие начали сотрудничать целым рядом крупных международных организаций: Международным валютным фондом (МВФ), Международным банком реконструкции и развития (МБРР), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). С самого начала суверенитета Казахстан определил свою внешнюю политику как много – векторную. Стал активно участвовать в интеграционных процессах в рамках организации экономического сотрудничества (ОЭС), Организации Договора о коллективной безопасности, Центрально-Азиатского экономического союза (ЦАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Задачи внешней политики — это территориальная целостность и неприкосновенность границ страны. Важнейшие принципы внешней политики РК: тесная взаимосвязь внешней политики с внутренней; взаимное уважение суверенитета и независимости государств; равноправие государств; принципиальность и гибкость при отстаивании государственных интересов; сбалансированность и многовекторность внешней политики, прагматичность при выборе союзников и партнеров; безопасность и тесная взаимосвязь ее различных уровней (политической, экономической, военной, экономической и т. д.); достижение баланса между глобальными региональными, субрегиональными и национальными подходами в решении проблем мира и безопасности; проведение внешней политики на основе принципов международного права.

6 марта 2020 года Указом Президента РК К.К. Токаевым была утверждена Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. Документ представляет собой систему основополагающих взглядов относительно принципов, целей, задач, приоритетов и механизмов осуществления внешнеполитической деятельности страны в течение указанного периода. Глава государства обозначил преемственность в осуществлении официального политического курса Казахстана, основы которого заложил первый президент страны Нурсултан Назарбаев. Так, среди мер по реализации основных положений предвыборной программы К.К. Токаева было отмечено принятие новой Концепции внешней политики Республики Казахстан, направленной на продолжение курса по обеспечению многовекторной, сбалансированной внешней политики [1].

Новая концепция содержит анализ современной ситуации в системе международных отношений. Обозначены такие вызовы и угрозы, как кризис

доверия и повышение конфликтности между различными международными акторами. Кроме того, санкционное противостояние, размывание основополагающих принципов международного права, обострение терроризма, экстремизма и гонки вооружений, активизация гибридных, кибер, торговых и валютных войн и т.д.

Таким образом Казахстан учитывает происходящие процессы на глобальном и региональном уровнях мировой политики. В неоднозначных условиях на международной арене Республике Казахстан важно позиционировать себя как «активного и ответственного участника международного сообщества, вносящего весомый вклад в обеспечение международной и региональной стабильности и безопасности» [2], ориентированного на поддержание дружественных, предсказуемых и взаимовыгодных отношений с зарубежными партнерами.

Республика Казахстан заинтересована сохранить свою дистанцированность и максимальный нейтралитет относительно противоречий и конфликтов мировых держав. Многовекторность и прагматизм позволяют выстраивать отношения с другими странами и международными организациями в соответствии со своими интересами и на равноправной и конструктивной основе и поэтому остаются ключевыми принципами внешней политики.

Стоит отметить, что новая концепция дополнена новыми принципами внешней политики страны: содействие построению стабильного, справедливого и демократического мирового порядка; продвижение внешней открытости государства и неразрывную связь безопасности и развития на всех уровнях международных отношений. Прежние принципы получили расширенное толкование. Так, равенство всех государств мира представлено в качестве равноправной интеграции в мировое политическое, экономическое и гуманитарное пространство. Коллективное решение международных проблем и конфликтов рассматривается как мультилатерализм, «направленный на формирование коллективного видения и эффективных подходов международного сообщества к решению широкого круга глобальных и региональных проблем на основе многосторонних консультаций и соглашений» [3]. Кроме того, в новом документе акцентировано внимание на человеческом факторе. В частности, подчеркивается акцент на общество и отдельных граждан. В основе такого подхода лежит концепция «Слышащего государства» [4], озвученная К.К. Токаевым в первом Послании народу Казахстана. Речь идет о создании механизма обеспечения постоянного диалога власти и общества, а также оперативного и эффективного реагирования власти на все запросы граждан.

Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы также предусматривает налаживание эффективной системы коммуникаций с широкой казахстанской общественностью по вопросам внешней политики, системное разъяснение ей соответствующих задач и приоритетов и применение инструментов «народной дипломатии».

В Концепции также увеличилось экономическое измерение казахстанской внешней политики. Например, конкретизировано инвестиционное сотрудничество Казахстана с зарубежными партнерами посредством перечисления базовых отраслей экономики: машиностроение, приборостроение, агропромышленный комплекс, легкая промышленность, здравоохранение, образование, транспорт, туризм и т.д. Таким образом, деятельность казахстанских дипломатов ориентирована на содействие развитию несырьевых секторов экономики страны.

Концепция нацелена на развитие транзитно-логистического потенциала Казахстана, включая внедрение режима «открытого неба», расширение номенклатуры, объемов и географии национального экспорта, устранение различных барьеров для него на зарубежных рынках, а также продвижение таких структур, как Международный финансовый центр «Астана», Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» и создаваемый совместно с Узбекистаном Центр торгово-экономического сотрудничества «Центральная Азия».

В новой Концепции отражено изменение во внешнеполитических приоритетах Казахстана. Это касается позиционирования РК в региональном контексте. Примечательно, что в прежней концепции Казахстан представлял себя страной, осознающей свою роль и ответственность и стремящейся к развитию внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии. В новом документе Казахстан открыто заявляет о намерениях закрепления за собой статуса «лидирующего государства в регионе» [5]. Упрочение лидирующих позиций и продвижение долгосрочных интересов в Центральной Азии занимает второе место среди стратегических целей Казахстана в сфере внешней политики.

Таким образом, внешнеполитические приоритеты Казахстана смещены от отдельных стран в сторону регионального и многостороннего взаимодействия. В двустороннем контексте конкретно выделены только соседние страны, США и ЕС. По направлению Азии, внимание акцентируется на активное участие в работе ШОС, СМВДА, ОИС, Совете сотрудничества тюркоязычных государств и на расширение связей с АСЕАН, Лигой арабских государств и другими международными организациями, в которых Казахстан не участвует.

Внешнеполитические приоритеты обозначены в новой концепции с учетом изменений на международной арене, произошедших к настоящему времени. В частности, выделено расширение сотрудничества в Каспийском регионе в области энергетики, транспорта, охраны окружающей среды и безопасности на основе принятой в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Кроме того, обозначено намерение на продолжение тесного взаимодействия со странами-участницами ЕАЭС и оптимизацию подходов к ведению переговорного процесса в рамках этого объединения. Относительно развития взаимоотношений с «ведущими государствами

Европы вне ЕС», то акцент делается на Великобританию, завершившую в прошлом году процесс выхода из Евросоюза (Brexit).

В целом, новая концепция внешней политики Казахстана является отражением изменений в политической жизни страны. В документе обозначена преемственность внешнеполитического курса Нурсултана Назарбаева, основанного на многовекторности и прагматизме. Однако, практика показывает, что многовекторность и иные внешнеполитические принципы не являются гарантией развития взаимоотношений в конструктивном ключе. В связи с этим для нашей страны первостепенной задачей является реализация сбалансированной и ответственной внешней политики, учитывающей интересы Казахстана и динамику реального и мирового развития. Добиться этого можно в рамках многовекторной дипломатии, развития интеграционных процессов на региональном и межрегиональном уровне, коллективной нейтрализации вызовов и угроз для национальной и региональной безопасности. Реализация Концепции будет способствовать: упрочению государственной независимости Республики Казахстан, ее международного авторитета в русле стратегии внешнеполитической преемственности; укреплению национальной, региональной и глобальной безопасности; формированию благоприятного внешнего окружения, укреплению дружественных, равноправных и взаимовыгодных политических и экономических отношений Казахстана со всеми заинтересованными в этом государствами и международными организациями; достижению более высокого уровня интеграции Казахстана в международное сообщество и мирохозяйственные связи, в том числе на основе диверсификации и цифровизации национальной экономики; интенсификации международного сотрудничества в культурно-гуманитарной, научно-образовательной и смежных областях; усилению защиты личных и семейных интересов граждан, деловых интересов физических и юридических лиц Республики Казахстан за рубежом; повышению уровня осведомленности широкой общественности Казахстана и зарубежных стран о долгосрочных приоритетах, практических шагах и конкретных результатах внешней политики государства; получению государством, национальным бизнесом и народом Казахстана конкретных выгод от внешнеполитической деятельности.

Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020– 2030 годы разработана с учетом целей и задач, отраженных в Стратегии долгосрочного и устойчивого развития до 2050 года, Платформе нации «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ» и ежегодных посланиях Президента народу Казахстана.

Во-первых, на фоне усиления межгосударственной конкуренции за политическое и экономическое влияние, международные рынки и инвестиционные потоки Казахстану необходимо закрепить статус ответственного участника мирового сообщества, ключевого элемента системы геополитических и геоэкономических координат Евразийского

континента, лидирующего государства в регионе Центральной Азии. Во-вторых, в условиях динамично меняющейся глобальной и региональной обстановки важно обеспечить более эффективное и системное продвижение международных инициатив Казахстана на основе прагматизма, системного анализа в целях получения конкретных результатов для страны и мира. В-третьих, в соответствии с концепцией «слышащего государства» и с учетом стратегической задачи по вхождению в число тридцати самых развитых государств мира следует усилить акцент на продвижение и защиту на внешнем периметре интересов государства, бизнеса, каждого гражданина. Это является ключевым условием построения сильного, гармоничного и социально ответственного государства, органично встроенного в современную систему международных отношений.

Список использованной литературы

1. Указ Президента Республики Казахстан от 19 июня 2019 года № 27 «О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Благополучие для всех! Преемственность. Справедливость. Прогресс» и предложений, полученных в ходе общенациональной акции «Бірге» // Информационно-правовая система «Әділет» (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/U190000027U>).

2. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы» // Информационно-правовая система «Әділет» (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280>).

3. Там же.

4. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана (2.09.2019 г.) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан (http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana)

5. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы» // Информационно-правовая система «Әділет» (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280>).

Түйіндеме

Қазақстан Еуропа мен Азияның түйіскен жерінде орналасқан, мұнда көлік-коммуникация желілері Батыс пен Шығысты байланыстырады. Қазақстан Республикасының егемендік алуымен өзінің сыртқы саясатын әзірлеу және жүзеге асыру қажеттілігі туындады. Қазақстанның сыртқы саяси тұжырымдамасының негізгі мақсаты саяси және экономикалық реформалар негізінде қолайлы сыртқы орта қалыптастыру және елдің тұрақты дамуын қолдау болды. Ұлттық қауіпсіздік жүйесін құру кезінде Қазақстан өзінің геосаяси және экономикалық жағдайының ерекшеліктеріне сүйенуі керек

болды. Қазақстан өз ұстанымын ескере отырып, халықаралық аренада көпвекторлы саясат жүргізіп, жақын және алыс шетелдердің барлық елдерімен өзара тиімді ынтымақтастықты дамытуда.

Summary

Kazakhstan is located at the junction of Europe and Asia, where transport and communication lines connect the West and the East. With the acquisition of sovereignty, the Republic of Kazakhstan was faced with the need to develop and implement its own foreign policy. The main goal of the Foreign Policy Concept of Kazakhstan was the formation of a favorable external environment and support for the stable development of the country based on political and economic reforms. When creating a national security system, Kazakhstan had to proceed from the peculiarities of its geopolitical and economic situation. Taking into account its position, Kazakhstan is pursuing a multi-vector policy in the international arena, developing mutually beneficial cooperation with all countries of the near and far abroad.

УДК 328

K.Taichikova
С.h.s., assoc.professor
International Educational
Corporation

SOME ASPECTS OF INTEGRATION IN CENTRAL ASIA

Key words: integration, foreign and domestic policies, economics, threats, challenges, integration projects, geopolitics, security, stability, problems, conflicts, resources.

Changes in the modern world political architecture are pushing the countries of Central Asia towards integration of the region. After a series of unsuccessful attempts, there is a need to unite not only economically, but also politically.

The need for integration is dictated also by common threats - international terrorism, religious extremism, drug trafficking, illegal arms trafficking, international crime - which are trans-border in nature, and therefore require a coordinated policy to combat them. Of particular concern to all Central Asian states is the situation in Afghanistan and tensions in US-Iranian relations, which act as security threats on the southern borders of the region. [1]

Resource interdependence of economies is determined by the fact that Southern Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan need the water and energy resources of Kyrgyzstan and Tajikistan, and they, in turn, need gas and oil products produced in Uzbekistan, Turkmenistan and Kazakhstan. Mutual interest in the

supply of agricultural products, primarily wheat and fruit and vegetable products, is of certain importance for ensuring food security of the countries of the region. In addition, there is a great communication interdependence of countries to ensure their access to international markets.

In the post-Soviet period, the region has already experienced failures of integration projects, the main of which can be identified:

- “Big Turkic World” (Turkish project);
- CAC/CAEC/OCAC;
- “Greater Iran”;
- Project “Greater Central Asia” (GCA)

Union of Central Asian States of Nursultan Nazarbayev [2]

If we analyze each of the proposed models of Central Asian integration - be it Iranian or Turkic integration based on an ethnocultural basis, the American Central Asian Region, then each of the schemes, proposing the integration of a separate set of states in the region, does not provide a real strengthening of the single integrated space of Central Asia and does not contribute to the geopolitical integrity of the region.

The idea of creating Great Turan - the idea of a union of Turkic-speaking peoples is not so relevant, since all Turkic-speaking states of Central Asia currently have economic goals in foreign policy that prevail over ideological and ethnic ones.[3]

The Iranian model of integration assumes geopolitical integration for Tajikistan, Iran and Afghanistan, which are united by geographical proximity, common ethnic roots, related cultures, etc. But here, too, difficulties arise. Iran is more oriented toward the Islamic world, and Tajikistan toward Russia. In Afghanistan, the internal situation at this stage is in no way conducive to integration.[3] Thus, at present it is premature to talk about a unified Iranian geopolitical integration.

The American Greater Central Asia project was also put forward, which refers to the space of post-Soviet states, Afghanistan, and Pakistan. It is understood that in this space an organization should be created, the Partnership for Cooperation and Development of Greater Central Asia (GCA), capable of attracting India and Turkey in the future. It is obvious that the United States is trying to create an economic and political alternative to such structures as the SCO and EurAsEC in order to exclude the influence of Russia and China on the region. Member states and observers are already trying to solve the above economic and political problems within the SCO.

There was also an integration initiative of its own (CAU/CAEC/CAC). An attempt was made to establish integration ties between Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan within the framework of the Central Asian Community (CAC). After Tajikistan joined it, it was transformed into the Central Asian Economic Community (CAEC). But this attempt also ended in nothing. Each country in the region independently solved and overcame the problems and difficulties caused by the collapse of the Soviet state. Due to its obvious uselessness, the CAEC ended its

existence, dissolving into the EurAsEC. [2]

The main reasons that prevented integration were the following:

- Permanent rivalry between Kazakhstan and Uzbekistan for leadership in the region, reinforced by reliance on extra-regional allies. This prevented the development of a unified position on the main issues of domestic and foreign policy in Central Asia;

- Lack of deep interest in Kazakhstan and Uzbekistan in intraregional cooperation and integration, since their main trading partners were located outside Central Asia. The emerging mechanisms of intraregional integration turned out to be important for them only as one of the means of influencing potential rivals in the redistribution of intraregional spheres of influence;

The experience of Western European integration shows that this process occurs best when countries with similar socio-economic systems integrate. It is clearly premature to talk about this in Central Asia. Here not only the level of economies is not comparable, but also completely different economic systems.

The situation is aggravated by the difference in levels of socio-economic development. Thus, the poorest countries (Tajikistan and Kyrgyzstan) and the most dynamically developing ones (Kazakhstan and Turkmenistan) are increasingly diverging in their national economic interests. As a result, almost every country begins to build its prospects for economic development independently, without regard to its neighbors.

The ruling elites of Central Asian states often identify their own political and commercial interests with national ones. This circumstance also makes it difficult to find a common language. Relations between states often directly depend on the relations between their leaders. Mutual wariness and simple distrust between them very often complicated interstate relations. This is generally typical for authoritarian regimes, especially for regimes of the traditional and semi-traditional type with a poorly developed civil society.

Despite countries' regional cooperation initiatives, trade within the region remains limited. The main reasons are the persistence of restrictions in the free trade regime, lack of coordination in trade operations with third countries, and the absence of a system of collective protective measures. Within the framework of regional initiatives, the foreign trade, customs, monetary, financial and tax legislation of its participants remained unified. There are many barriers related to trade policy, transport, and transit, which significantly reduce the level of economic interaction. The high level of corruption in all countries is also one of the significant reasons hindering cooperation.

Combination of integration motives and disintegration factors shows the latter neutralizing the former and even exceeding them. This allows us to reasonably judge the increased potential for conflict in the region, stemming from the peculiarities of its internal development, which once again confirms the obvious predominance of confrontational potential over integration.

This will invariably lead to increased interstate competition for investment and foreign assistance and will generate a desire to appear in the best light to

partners. This may increase mutual accusations and reproaches and, as a result, aggravate existing interstate contradictions and claims. The latter may entail an expansion of the practice of force, economic and other pressure and contribute to destabilization of the situation within the states of the region.

Security, internal and external threats did not become the exclusive incentive for regional integration. A great many negotiations, visits and seminars are held on this topic, but the security problem for each country is solved almost exclusively at the national level.

On the other hand, when assessing the current state of the integration process, it is necessary to especially highlight that none of the countries in the region has the necessary resources to productively fulfill the role of a leader in regional integration.

From the above, it can be assumed that external forces do not strive to integrate the region, which in the future may become a single object in international relations, playing a competing role, which does not entirely suit the United States, Russia and China. It is more profitable for them to see the region only as a stable source of raw materials.

For the Central Asian countries, the near future should be decisive, either they will be able to choose a common path of integration into the world economic system while maintaining sovereignty, or they will remain in the role of raw materials appendages of transnational companies. Moving along the path of integration, the Central Asian region is able to turn into an independent subject of modern geopolitics and take its rightful place on the political map of the world. Only a united Central Asia can give a worthy response to the threats and challenges of globalization.

The Central Asian countries, unfortunately, are still not able to overcome the disintegration factors that prevail over the integration ones and are most acutely manifested in the following: [4]

- Striving for regional leadership;
- Finding and relying on extra-regional partners;
- Differing models of political and socio-economic reform;
- Ethno-territorial problems;
- Management of hydropower resources;
- Internal isolation through customs restrictions;
- Migration of population and mono-nationalization of states;
- The growth of authoritarianism;
- Interfaith contradictions;
- Imbalance and lack of life-supporting resources in the region;
- Contradictions between small and large states in the region;
- Reliance on raw materials as a determining factor of economic growth;
- Low level of technological development and environmental threats, etc.

Intraregional integration of Central Asian countries today is possible subject to the following basic conditions: [2]

- strengthening good neighborly, equal and friendly relations between Central Asian countries;
- development of a unified vision of the integration union/unions in the Central Asian space;
- development and development of prospects for political and economic interactions with global and regional players;
- solving economic and social problems within states;
- reducing the degree of radicalization of Islam in the countries of the region;
- promoting the status of the Central African Republics as a transit region for third interested parties;
- resolution of all controversial issues between Central Asian countries, completion of the procedure for demarcation and delimitation of state borders;
- ensuring the peaceful transit of power in the Central Asian republics;
- preventing a humanitarian catastrophe and destabilization of the situation in Afghanistan.

However, even solving these problems does not make it possible to create a Central Asian Union. Today it is necessary to focus on practical mechanisms for solving integration problems in the field of water-energy problems, border issues, to solve general security problems, in the field of unification of customs instruments, migration problems, etc. In this context, it is necessary to develop cooperation in specific areas on a multilateral or bilateral basis. In this regard, the most important factor was the resumption of dialogue between the countries of the region after a 20-year break in the format of Consultative Meetings of the Heads of State of Central Asia since 2018 [1] In addition, one cannot ignore the role of external actors in the integration of the region. The creation, for example, of a military alliance of five Central Asian countries is not possible without Russia. An economic integration union without China and Russia also looks hopeless due to the financial situation of the countries in the region [5].

Список использованной литературы

- 1 Еркин Байдаров. Современные форматы и механизмы интеграции: видение из Казахстана. <https://cabar.asia/ru/sovremennye-formaty-i-mehanizmy-integratsii-videnie-iz-kazahstana>
- 2 Блокирующие факторы и перспективы интеграции стран Центральной Азии. 14 марта 2023 г. <https://www.isap.center/analytics/116>.
- 3 Рустам Махмудов. Оценка перспектив региональной интеграции в Центральной Азии. <https://www.caa-network.org/archives/12111>. 31 января, 2018
- 4 Наргиза Умарова. Перспективы интеграции стран Центральной Азии становятся четче. - <https://exclusive.kz/perspektivy-integraczii-stran-czentralnoj-azii-stanovyatsya-chetche/8> августа, 2022

5 Азиз Арианфар. Региональная интеграция в Центральной Азии бесперспективна без участия внешних игроков – эксперт. <https://eurasia.expert/regionalnaya-integratsiya-tsentralnoy-azii/> 30 марта 2018 г.

Түйіндеме

Мақалада интеграциялық процестердің бұрынғы форматтары және олардың күйреу себептері қарастырылады. Интеграцияның нақты мотивтері және ыдыраудың ықтимал факторлары. Аймақтағы интеграциялық үдерістердің қазіргі жағдайы және Орталық Азия халықаралық қатынастардың дербес субъектісі бола ала ма.

Резюме

В статье рассмотрены предыдущие форматы интеграционных процессов и причины их дезинтеграции. Реальные мотивы интеграции и потенциальные факторы дезинтеграции. Современное состояние интеграционных процессов в регионе и может ли Центральная Азия превратиться в самостоятельный субъект международных отношений.

УДК 328

Самай А.Д.,
ассоциированный профессор кафедры
«Регионоведение и международные отношения»
университета Туран

ЦЕННОСТНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: демократизация, трансформация, государственное управление, Новый Казахстан.

Стремительное изменение современного мира, его общественно-политические вызовы способствуют общей «перезагрузке» системной трансформации общества. Важным фактором конкурентоспособного общества является его адаптивность к быстроменяющимся условиям действительности.

Актуальная концепция «Нового Казахстана» – это установка на будущее нашей страны, обусловленная обновлением общественных ценностей и формированием новых качеств казахстанского народа. Современные общественно-политические процессы в Казахстане указывает на смену мировоззренческих идей. Знание о человеке, об обществе представляет собой не просто совокупность собранных сведений о развитии общественных структур, народов, разнообразных идей, а, одновременно, осмысление их с тех или иных позиций [1].

В новых условиях, когда президент обозначил новую цель нациестроительства на ближайшую перспективу, возникает необходимость осмысления феноменальности и самосознания народа, его место в социокультурном мировом пространстве. Социально-политические и экономические факторы в Казахстане, обеспечивающие созидательный характер перемен, указывают на вовлеченность субъективного мироощущения населения в глобальные, общемировые процессы: символы гражданского единства в современном обществе тесно связаны с понятиями суверенитета, независимости, гражданственности. Именно поэтому в нестабильной среде мирового политического процесса, для сохранения национальных базовых ценностей, необходимо, чтобы каждый член общества укреплял единство и твердо следовал принципам справедливости. Результативное преобразование всей политической системы и экономики сложно представить без обновленного общественного сознания.

Мы являемся свидетелями масштабных перемен в стране и мире. Реформы затрагивают не только политику и экономику, но и все сферы жизни общества. Политическая модернизация вместе с выстраиванием новой экономической политики, несомненно, вызовут фундаментальные изменения в обществе. Условия, способствующие успеху данной задачи, указывают на общественное единство, сознательно поддерживаемое значительной частью общества, общей идеей. Безусловно, наш полиэтничный, единый социум имеет общие духовные и исторические ценности, которые выступают основой нашей консолидации и единства. Успешная модернизация страны возможна только при широкой общественной поддержке.

Главным капиталом любого государства являются его граждане. От качества человеческого капитала зависит конкурентоспособность нации. Как справедливо отметил президент, «устойчивый и всесторонний прогресс страны невозможен без обновления системы индивидуальных и общественных ценностей, без формирования нового качества нации» [1]. Восприятие и ассимиляция новых идей, значительный ресурс социокультурных традиций коллективизма, консолидация общества и трудовой этики – всё это общее в едином центрально-азиатском ареале.

Принцип «Нового Казахстана» это, прежде всего, трансформация прежней политической системы, которая нацелена, в первую очередь, на формирование принципиально нового конституционного баланса между институтами власти. Проводимые в стране системные политические реформы должны способствовать формированию новой институциональной архитектуры государственного устройства с оптимальным балансом между ветвями власти. В результате начнет действовать устойчивая система институтов по формуле «Сильный Президент – влиятельный Парламент – подотчетное Правительство». Как показывает опыт развитых демократических стран, политическая система государственного управления развивается по общепринятому правовому стандарту: распределив полномочия и функции ветвей власти, сделав закон важнейшим ориентиром

деятельности властей. Тем самым укрепляются основы того политического порядка, при котором групповые предпочтения и привилегии в деятельности государственных властей уступают место общественным, общесоциальным целям и ценностям. Ориентация на законодательно установленные нормы и правила устраняет важнейшие предпосылки для произвола и субъективизма в принятии государственных решений. В таком случае понятие «общественное управление» следует понимать как парламентское, так как члены парламента избираются народом. Последовательно-правовая логика выводит определенную закономерность того, что акцент управления неизменно смещается в пользу общества и демократических принципов. Данные изменения при переходе страны к новой политической модели создают условия для повышения участия каждого казахстанца в государственном управлении.

С целью создания эффективной системы управления государством следует внедрять эти качества на всех уровнях общегосударственной власти. Для этого необходима дальнейшая децентрализация с передачей властных полномочий на нижние уровни и общественно-профессиональным организациям.

В теории развития правового демократического государства прослеживается тенденция децентрализации государственной власти. Власть перераспределяется между высшими государственными структурами в пользу местных структур в целях придания им больших демократических начал и самостоятельности решений, т.е. развития самоуправления. Такое перераспределение функций органов государственной власти должно способствовать демократизации на местах, более широкой вовлеченности граждан в управленческий процесс, в процесс принятия политических и социально-экономических решений [2].

Президент Токаев К-Ж.К. взял курс на фактическую демократизацию политической системы и с этой целью инициировал переход от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с сильным парламентом. По убеждению главы государства, «такая система обеспечит оптимальный баланс властных институтов и будет способствовать устойчивому развитию страны» [1]. Президент также покинул пост председателя правящей в Казахстане партии «Аманат». «Чтобы реализовать такие радикальные реформы, нужны не только изменения сверху, такие как уход от суперпрезидентства, усиление парламента, демократизация власти. Главное, важно развитие гражданского общества, побуждение их активности в участии управления государством. Потому что без осознанной поддержки народа демократические преобразования в нашем обществе невозможны».

В послании народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» президент страны обозначил общий курс проводимой политики по комплексной трансформации всех сфер государства и общества, определив конкретные направления реформ: новая экономическая политика, развитие реального предпринимательского сектора,

стратегические инвестиции в будущее страны, перезагрузка государственного управления, закон и порядок. Кроме того, президент Токаев К-Ж.К. ограничил срок переизбрания главы государства до одного семилетнего, а также упростил процесс регистрации новых политических партий в республике. Этот процесс наглядно демонстрируют личную волю Токаева и его намерения по реальной, а не бутафорной демократизации политической системы и укреплению прав и свобод граждан.

Приоритетами нового экономического курса объявлены стимулирование частной предпринимательской инициативы, т.е. отход от госкапитализма и чрезмерного вмешательства государства в экономику, развитие конкуренции и обеспечение равных возможностей, а также справедливое распределение национального дохода. В основе реформ положен принцип справедливости и построения «Справедливого Казахстана».

Предлагаемые Президентом РК реформы, такие как введение «налога на роскошь», сокращение возрастающих потребностей национальных компаний, реального начисления доходов Национального фонда будущим поколениям, свидетельствуют о том, что действующая власть осознает необходимость социальных и политических изменений в государстве. Без управленческой трансформации, проведенной на всех уровнях, преобразования невозможны.

Базовая цель начатых реформ президентом – качественный рост благосостояния граждан Казахстана. Особое внимание уделяется малому и среднему бизнесу в рамках проводимых реформ. При оказании финансовой поддержки государство будет отдавать приоритет конкурентоспособным малым и средним предприятиям на состязательной основе. Одновременно планируется упростить выделение предпринимателям земельных участков, сделав соответствующие процедуры оперативными и транспарантными.

Глава государства продемонстрировал свою твердую приверженность стратегическому курсу на поэтапное обновление политической системы через политические преобразования в Казахстане.

Важная тенденция в развитии современного государства — стремление иметь национальную идею, объединяющую общество. Если нет объединяющей идеи, то государство теряет свою интеграционную функцию. В таком случае различные группы будут оказывать давление на высшие органы власти и государство не сможет выражать интересы всего общества. Идеологическая опора особенно необходима сейчас для Казахстана. В условиях многонационального государства нужна идея, которая объединила бы этносы, укрепила основы патриотизма и общности исторической судьбы различных социально-политических и национальных сил. Наличие такой идеи способствовало бы укреплению стабильности государства.

Представленные преобразования указывают на системный характер модернизационного процесса, что будет способствовать вхождению Казахстана в статус региональных и мировых лидеров.

Список литературы

1. Послание Главы государства К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество».

<https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>

2. Соловьев А.И. Политология. М. 2003.

Түйіндеме

Мақалада ҚР Президенті Қ.-Ж. Тоқаевтың бастамасымен қоғамды саяси, әлеуметтік және экономикалық қайта құру мәселелері қарастырылады.

Summary

The article deals with the issues of political, social and economic transformation of society, initiated by the President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh. Tokaev.

УДК 32.327.8

Серикбай Д.

Магистрант 2 курса ОП «Международные отношения»

Университета «Туран»

Научный руководитель: Камалов А.К.

д.и.н., профессор

Университета «Туран»

БЕЗЪЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОГО ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Ключевые слова: нераспространение ядерного оружия, АТОМ, ДЗЯО, Банк НОУ, ДНЯО, Семипалатинский полигон, ядерные испытания, безъядерный мир, страны ЦА, ядерный арсенал

В 1991 году Республика Казахстан являлась одной из ядерных держав на мировой арене. В своем арсенале имелись ядерные боеголовки, один из видов стратегических самолетов и крылатые ракеты. Для того времени наличие данных вооружений говорило о мощи страны в военной и ядерной отраслях.

Деятельность Казахстан в вопросе ядерного оружия предоставила стране огромные возможности для поднятия международного авторитета и установление дипломатических и дружественных отношений со всеми государствами международного сообщества. Если бы Казахстан оставил ядерный арсенал, то страна не добилась бы таких успехов во внешней политике за такой короткий срок. Многие аналитики утверждают, что данное

решение способствовало укреплению суверенитета и авторитета Казахстана в период независимости.

Кроме того, правительство Казахстана в первое время независимости подписала ряд международных правовых документов по ядерному оружию. Например, в мае 1992 г. страна стала участником Лиссабонского протокола и по данному документу Казахстан полностью избавился от всех видов ядерных вооружений, присоединился к участникам ДНЯО, как государство без ядерного статуса.

Политика Первого Президента заключалась в том что Казахстан избавился от ядерного оружия, но взамен ядерные державы гарантировали национальную безопасность Казахстана, сохранение государственных границ и обеспечение территориальной целостности. После объявления данных гарантий великие страны как Россия, США и Великобритания разработали Меморандум о гарантии безопасности для стран-участников ДНЯО. И условия Казахстана были услышаны и официально закреплены на международной арене [1].

На протяжении всей истории деятельности Казахстана страны-соседи ЦА поддерживали политику безъядерного мира. Так, в 2006 году государства Центральной Азии подписали Договор о зоне, свободной от ядерного оружия. Документ подтверждает, что территория ЦА полностью отказывается от опытов и экспериментов с ядерными вооружениями всех типов. Самое главное запрещается применения ЯО в военных целях. Кроме того, правительство Казахстана инициировало документацию и разработало соглашения на территории Семипалатинского полигона. В свое время все испытания ядерного оружия проводились в этом регионе. Прекращение использования этого полигона в Центральной Азии также способствовало антиядерным усилиям. Кроме того, полное применение и функционирование ядерного оружия является одним из ключевых пунктов Договора, а эта зона является уникальной, так как расположена на суше и в части Северного полушария.

Правительство Казахстана также организует встречи и конференции по вопросам ядерного оружия и ядерного терроризма. Например, в 2010 году Казахстан принимал участие в конференции «Глобальные инициативы по борьбе с ядерным терроризмом, посвященную борьбе с финансированием терроризма». На конференции обсуждалось, как предотвратить попадание ядерного оружия в руки террористов и как предотвратить финансирование террористических актов всех видов. Казахстан также активно работает над предотвращением использования оружия массового уничтожения. Это является нарушением правовых норм и законов. Прилагаются все усилия для предотвращения передачи и применения оружия массового уничтожения на мировой арене [2].

В 2012 году в столице Казахстана была организована международная конференция "От запрета ядерных испытаний к миру, свободному от ядерного оружия". Как инициатор программы ядерного разоружения,

Казахстан представил миру проект "Отмена ядерных испытаний" - "Наша миссия". Этот проект является одним из первых в мире проектов по прекращению ядерных испытаний и достижению мира, свободного от ядерного оружия.

Кроме того, программа АТОМ является одним из вкладов Республики Казахстан за создание безъядерного будущего на мировой арене. В 2014 году данный проект был признан уникальной идеей, которая продвигает планы по ядерному разоружению. Также, АТОМ способствует процессу ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Так, окончании гонки вооружений и разработки по ЯО будут прекращены и страны будут нести юридическую ответственность перед миром. Помимо этого, сотрудничество проекта АТОМ и организации «I can», которая борется за ликвидацию ЯО, подарила мировую признательность, а именно победу в Нобелевской премии в 2017 году [3].

Продвижение деятельности Банка НОУ поможет Казахстану в в проблеме нераспространения ЯО, создать возможные пути для реализации безъядерного мира. Также, Казахстан показался как инициатор участия в открытии данного Банка на своей территории, что говорит о возможности доставлять ядерные материалы для развития атомной энергии, применять ядерные технологии и развивать научно-технический потенциал государства. Так, страны мира общества поймут на примере Казахстана как можно правильно совмещать ядерную энергию и прекратить гонку вооружений [4].

В 2016 году на одном из Саммитов проходивших в столице США Н.Назарбаев презентовал один из национальных докладов Республики Казахстан «Мир. XXI Век». Данный доклад рассказывает, как можно освободиться от ОМУ, от всех видов ядерных вооружений, какова угроза для мировой безопасности и как нужно препятствовать и действовать для предотвращения угроз и рисков. После Саммита Манифест «Мир. XXI Век» стал одним из официальных документов принятых ГА ООН о ядерном разоружению. Это событие помогло Казахстану закрепить принципы Манифеста на мировой арене [5].

Одним из последних выступлений Казахстана в области безъядерного будущее состоялось в ноябре 2019 г. на конференции Astana Club, на который обсуждалась идея о создании союза. Данный союз необходим для контроля и реализации планов по вопросу сокращения ядерного арсенала и прекращении гонки вооружений на международной арене. На современном этапе вопрос находится в стадии осуществления. Эта идея была позитивно воспринята мировыми лидерами и организациями для реализации программы безъядерного мира.

	Год	Событие
	29 августа 1991	Указ "О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона"

	23 мая 1992	Подписание Лиссабонского протокола
	13 декабря 1993	Ратификация ДНЯО
	1994	Проведение операции «Сапфир»
	30 сентября 1996	Подписание Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
	2006	Подписание Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии
	2 декабря 2009	Объявлен Международный день борьбы с ядерными испытаниями
	2010	Участие в конференции «Глобальные инициативы по борьбе с ядерным терроризмом, посвященную борьбе с финансированием терроризма»
	2010	Участие в Вашингтонском Саммите с предложением по расширению участников «Ядерного Клуба»
0	2012	Продвижение идеи о безопасной ядерной энергии на конференции в Сеуле
1	2012	Организация конференции "От запрета ядерных испытаний к миру, свободному от ядерного оружия"
2	2012	Представление программы "Отмена ядерных испытаний" - "Наша миссия" (АТОМ)
3	2015	Один из соавторов Всеобщей декларации ООН по достижению мира, свободного от ядерного оружия
4	2016	Предоставление мировой общественности Манифеста «Мир. XXI Век»
5	2016	Манифест «Мир. XXI Век» становится официальным документом ГА ООН по ядерному разоружению
6	2017	Программа АТОМ и организация «I can» выигрывают Нобелевскую премию

7	Август 2017	Открытие в столице Казахстана Банка НОУ
8	2018	100 стран мира подписали участие в программе АТОМ
9	2019	Участие в конференции Astana Club

Таблица 1. Основные даты деятельности Республики Казахстан в ядерном вопросе.

Примечание - составлено автором.

Кроме того, в современной системе международных отношений Республика Казахстан в вопросе ядерного оружия не прекращает призывать страны к миру, не забывает о последствиях ЯО и его экспериментов и продолжает укреплять доверие всего мирового сообщества в ядерном вопросе. Также, правительство Казахстана предложила собственную страну как кандидат на позицию заместителя ДЗЯО 2022 году и стать председателем данного документа с 2024-2026 года [6]. Помимо этого, на посту ДЗЯО Казахстан будет стараться призывать ядерные страны к созданию нового плана для реализации своей программы по уничтожению ЯО и всех его видов к 2045 году. Так, цели ДНЯО и ДЗЯО будут продвигаться дальше благодаря безъядерной политике страны.

С учетом наличия конфликта на территории Украины и обострением вопроса о применении ядерного оружия возникает вопрос: «Была ли политика Казахстана в ядерном вопросе эффективной?». В этом аспекте мнение общественности разделяется. Так, казахстанский политолог Данияр Ашимбаев утверждает, что безъядерная политика Казахстана способствовала укреплению международной значимости страны в период обретения независимости. Кроме того, добровольный отказ от ЯО помог развиваться международные и дипломатические отношения со странами мира.

Таким образом, Республика Казахстан один из важных игроков в системе международных отношений по созданию безъядерного будущего. Например, всеми силами продвигают идею о создании безъядерной программы. Казахстан занимает лидирующую позицию в ядерном разоружении, подписал Указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона. На всех международных конференциях и встречах, которые посвящены вопросу о ядерном оружии и ОМУ, Казахстан продвигает свою позицию и проекты для прекращения гонки вооружений и распространения ЯО. Также, тесное сотрудничество с ООН и МАГАТЭ способствует укреплению мирового пространства для создание мира без ядерного оружия.

Список литературы

1. Аманжолов, Ж. М.. В поддержку Договора о Всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право, [S.l.], v. 51, n. 1-2, feb. 2016. ISSN 2618-1215. Доступно на: <<https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/3>>.

2. Цит. по: Политическая газета США The Hill опубликовала статью Нурсултана Назарбаева // Источник: <http://www.kazpravda.kz/news/politika/politicheskaya-gazeta-ssha-the-hill-opublikovala-statu-nursultana-nazarbaeva/>

3. АТОМ Project presented at the ICAN Civil Society Forum in Oslo. Nuclear News. 5 декабря 2018 года <https://nuclear-news.net/2013/03/04/atom-project-presented-at-the-ican-civil-society-forum-in-oslo/>

4. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Международным агентством по атомной энергии о создании Банка низкообогащенного урана Международного агентства по атомной энергии в Республике Казахстан // Источник: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3409357

5. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на Общих дебатах 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 2022 // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-obshchih-debatah-76-y-sessii-generalnoy-assamblei-oon-2285240>

6. Статья Нурсултана Назарбаева, посвященная вопросам укрепления ядерной безопасности от 2021 года // https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_interviews/statya-nursultana-nazarbaeva-posvyashchennaya-voprosam-ukrepleniya-yadernoi-bezopasnosti

Түйіндеме

Қазақстан Республикасының ядросыз әлем құру ісіндегі қызметі әлемдік аренада маңызды рөл атқарады. Үкімет халықаралық келісімдер мен шарттарды қолдайды, конференцияларға қатысады және ядролық қауіп-қатерсіз әлем құрудың жаңа нұсқаларына бастамашылық жасайды. Қазақстан БҰҰ, МАГАТЭ және Орталық Азияның көршілес елдерімен ядролық қаруды таратпау мәселесі бойынша тығыз ынтымақтастықта. Қазіргі кезеңде Қазақстанның ядролық мәселе бойынша саясаты мемлекеттің әлемдік аренадағы заманауи векторындағы басым бағыттардың бірі болып табылады.

Summary

The activities of the Republic of Kazakhstan in the matter of creating a nuclear-free world have a role on the world stage. The government supports international agreements and treaties, participates in conferences and initiates new options for creating a world without the nuclear threat. Kazakhstan cooperates closely with the UN, IAEA and neighboring countries of Central Asia on the issue of non-proliferation of nuclear weapons. At this stage, Kazakhstan's policy on the nuclear issue is one of the priorities in the modern vector of the state on the world stage.

Рахматулина Д.М.
Магистр социальных наук,
Университета «Туран»,
Самай А.Д.
к.полит.н., ассоциированный профессор
Университета «Туран»

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ПРИРОДНО- КЛИМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: миграция, экология, изменение климата, Казахстан, климатическая миграция, экологическая миграция, наводнение

На современном этапе процесс изменения климата, начавшийся еще в XIX в, не завершен и продолжает расширять масштаб и степень воздействия на все регионы мира. Под изменением климата понимают долгосрочные изменение температурных показателей и погодных условий. Причиной этих преобразований может являться как антропогенный, так и природный фактор. Однако, с 1800-х г. деятельность человека, по данным ООН, признается основным движущим фактором процесса ухудшения лимфатических условий, главным образом за счет сжигания ископаемых видов топлива, таких как уголь, нефть и газ. В результате сжигания ископаемых видов топлива образуются выбросы парниковых газов, которые приводят к повышению температуры [1]. В настоящее время к последствиям изменения климата относят сильные засухи, нехватку воды, сильные пожары, повышение уровня моря, наводнения, таяние полярных льдов, катастрофические штормы и сокращение биоразнообразия. Помимо отрицательных сдвигов в окружающей среде, воздействие изменения климата сказывается и на человеке через ухудшение здоровья, способности выращивать продовольственные культуры, жилье, безопасность и работу. К наиболее уязвимым к изменению климата уже сейчас относят людей, живущих в малых островных государствах и других развивающихся странах. Такие явления, как повышение уровня моря и интрузия соленых вод, достигли высокого уровня, что целые общины были вынуждены переселиться, а затяжные засухи подвергают людей риску голода [1].

Следовательно, в результате воздействия деградации климата растет число вынужденных мигрантов. Только за период с 2010 по 2019 гг. связанные с погодой явления приводили к миграции в среднем около 23,1 млн человек в год. Большинство беженцев прибывают из самых уязвимых стран, наименее готовых адаптироваться к последствиям изменения климата [2]. Данные передвижения людей относят к категории «климатической миграции», что подразумевает передвижение людей преимущественно по

климатическим причинам. Число «климатических мигрантов» в возможном будущем будет увеличено в несколько раз.

Данная проблема также затрагивает и регион Центральной Азии, где ситуация как с миграционными процессами, так и с существующими условиями климата обстоит достаточно остро. Регион является одним из наиболее уязвимых к изменению климата. Ухудшение климатических условий отражается в аномальных снижении или повышении температурных показателей, сокращении осадков и ускорении таяния ледников на территории стран региона. На современном этапе в качестве основных климатических стрессоров выделяют наводнения, экстремальные погодные условия, снежные лавины, лесные пожары, засуху, деградацию земель, изменения характера заболеваний и вредителей, а также целесообразность культур [3]. Стоит отметить, что часть из этих стрессоров уже существовала до активного процесса изменения климата. В последующем времени данные природные проявления продолжают испытывать на себе достаточно сильное воздействие и в свою очередь углублять интенсивность регресса климата региона.

Последствия влияния изменения климата на Центральную Азию имеет существенное влияние и на образ жизни людей, проживающих как в сельской, так и в городской местности. Результат подобного воздействия проявляется в виде увеличения потоков «климатических мигрантов». Так, актуальность данной проблема была подчеркнута президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым в ходе заседания Совета глав государств – учредителей Международного фонда спасения Арала (МФСА), в котором помимо Казахстана приняли участие и другие центрально-азиатские страны. Руководителем страны была отмечена угроза увеличения численность потоков климатической миграции: «По оценкам аналитиков, к 2050 году засухи в Центральной Азии могут нанести ущерб в размере 1,3 процента от ВВП в год, что приведет к появлению около 5 миллионов внутренних климатических мигрантов» [4]. Наибольшая доля климатической миграции будет представлена внутренними мигрантами. Вероятнее всего, что превышение доли внутренних передвижений над внешними будет превалировать ввиду возможностей, которыми обладает пострадавшее население ввиду более упрощенного процесса перемещения в пределах государственных границ, нежели чем в соседние или дальние государства.

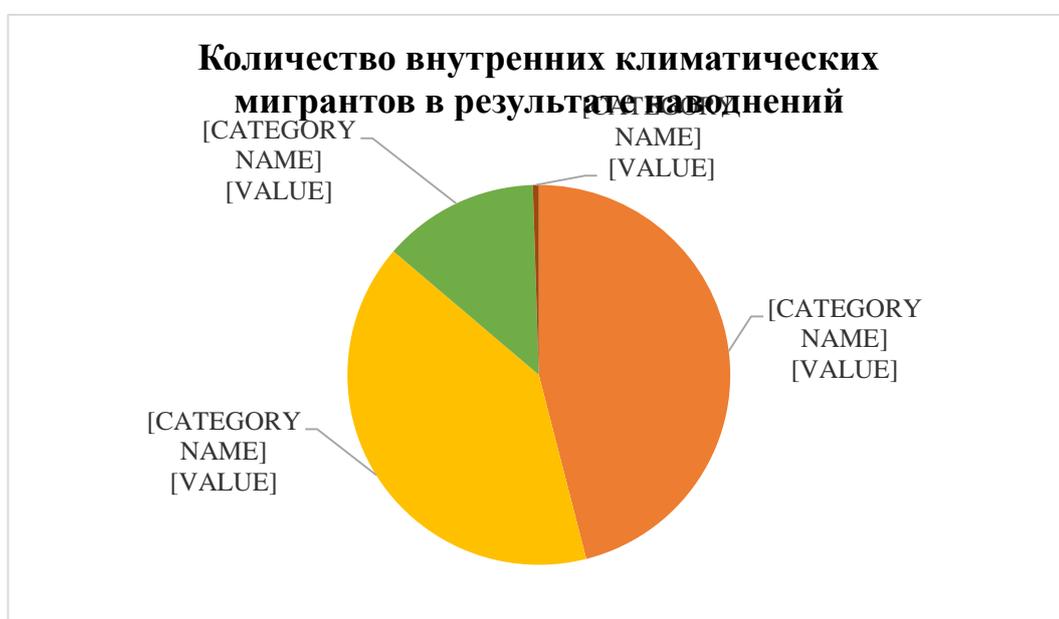
Ввиду наличия острых проблем как нехватка водных ресурсов, экстремальные температурные показатели и продолжающаяся засуха в Центральной Азии от последствий отрицательного воздействия изменения климата страдают в первую очередь люди, чья работа связана с сельскохозяйственной деятельностью. Однако, необходимо подчеркнуть, что в случае отсутствия подобной прямой зависимости, население региона так или иначе ощущает на себе влияние данного процесса. Так, к примеру воздействие экстремальных температур на здоровье населения может оказаться очень серьезным. Ожидается, что более высокие температуры,

особенно в летнее время, приведут к ухудшению и без того непростых условий работы сельскохозяйственных работников на юге Центральной Азии. Сильная жара в летний период сказывается на ходе беременности и вызывает врожденные аномалии, обусловленные воздействием летней жары в конце беременности. Жилищный фонд в городских районах, унаследованный с советских времен, не приспособлен к жаркому климату, а количество зеленых насаждений в городах сокращается. Значительное потепление, скорее всего, повлияет на здоровье населения в городских районах [3]. Таким образом, последствия от изменения климата отражаются на всем населении региона.

Влияние подобных факторов способно усилить миграционные потоки. Тем не менее, если на современном этапе явление климатической миграции не проявляется достаточно явно, существуют базы данных, которые отслеживают число мигрантов, основной причиной для переезда которых стали отрицательные экологические или климатические явления.

Так, согласно данным мониторингового центра по внутренним перемещениям в Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане в период с 2008 по 2022 гг. по известным стихийным бедствиям число климатических мигрантов составило около 211 тысяч человек [5]. В перечень данных не включен Туркменистан, ввиду недостаточности предоставленных данных.

Наиболее частым стихийным бедствием в регионе, которое послужило причиной для миграции, стало наводнение, как показано в диаграмме 1.

[Диаграмма 1. Количество случаев перемещения по причине наводнений за 2008-2022 гг. Составлено авторами по данным Internal displacement monitoring center \(IDMC\) \[5\].](#)

Исходя из диаграммы большое количество климатических мигрантов, вынужденных переехать на неопределенный срок по причине наводнений, было выявлено в Казахстане и Узбекистане.

Среди центрально-азиатских стран наибольшее число случаев пришлось на Казахстан и составило около 80 тысяч случаев при известных только 15 случаях наводнений. Стоит отметить, что в стране кроме данного вида природных бедствий на втором месте находятся лесные пожары, которые привели к более 2 тысячам случаев перемещения при официально известных 5 случаях лесных пожаров.

В разрезе 2022 г. по причине наводнений мигрировали 1 757 человек, из которых 1 600 были вынуждены покинуть свои дома на неопределенный срок в городах Актобе, Караганда, Павлодар и Западный Казахстан. Стоит отметить, что у Департаментов по чрезвычайным ситуациям данных городов составлен список населенных пунктов, подверженным такого рода природным ситуациям, однако было выявлено, что он не является полным [6]. В данном случае наводнения были вызваны большими массами талых вод, пришедших из степи в результате раннего потепления. Как известно, глобальное потепление также является одним из последствий климатических изменений, что позволяет предполагать, что именно оно также могло спровоцировать раннее таяние воды.

В Узбекистане наибольшее число климатических перемещений пришлось на май 2020 г. после прорыва дамбы Сардобинского водохранилища на реке Сырдарья. В результате образовавшийся потоп затронул не только территорию Узбекистана, но и Казахстана. С территории Узбекистана были вынуждены покинуть затопленные дома порядка 70 тысяч человек. В данном случае причиной прорыва дамбы послужили погодные условия в виде продолжительного дождя и усиленного порыва ветра, однако некоторые источники ссылаются на ошибки и недочеты в проектной документации, хищения при строительстве и ошибки в эксплуатации систем водохранилища.

Пострадавшие люди размещались в военной части, где после их забрали родственники. Те же, кто не имел родственников временно размещали в общежитии. Данный случай следует относить к экологической миграции нежелательнее чем климатической миграции [7], ввиду достаточно сильного воздействия антропогенного фактора, тем не менее также необходимо учесть и природный фактор в виде неблагоприятных погодных условий. Стоит отметить, что руководители обеих стран смогли провести скоординированную работу в ходе решения кризисных вопросов и смогли оказать социальную поддержку пострадавшим семьям. Помощь заключалась в виде предоставления нового жилья, в случае признания предыдущего места проживания негодным для жизнедеятельности, а также денежных средств. Однако, не все смогли получить доступ к получению поддержки от правительств, ввиду пригодного для жилья дома, несмотря на достаточную поврежденность жилья и потерю части заработка от разведения скота [8].

Принятые решения в отношении пострадавших указывают на способность стран к совместному урегулированию потоков климатической миграции и оказании соответствующей поддержки, несмотря на отсутствие в законах о миграции обеих стран статей о климатической миграции.

На современном этапе вопрос об изменении климата и планирование превентивных мер по смягчению его последствий в регионе Центральной Азии стал обсуждаться более активно. Примечательно упоминание о климатических мигрантах в качестве одного из результатов воздействия данного процесса на население центрально-азиатских государств.

Так, необходимо отметить заседание Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала, прошедшего 15 сентября 2023 г. В ходе своих выступлений президентами были подчеркнуты отрицательные экологические изменения, необходимость борьбы с ухудшением климатических показателей в регионе, а также поиска решений по урегулированию управлению водными ресурсами. Особое значение имеет предложение Казахстана о создании Проектного офиса по климатическим вопросам [9]. Вполне возможно, что работа Офиса будет затрагивать также и миграционную политику государств региона, на что указывает заявление Касым-Жомарта Токаева об увеличении числа климатических мигрантов.

Также особое значение имеет выступление глав государств Центральной Азии на климатическом саммите COP28, который проходил в декабре 2023 г. Президентами были озвучены как и ряд общих проблем как усиление работы и привлечение международных инвестиций для «зеленой экономики», приверженность парижскому соглашению о сокращении выбросов в атмосферный воздух, рост числа природных бедствий, так и актуальные вопросы для каждой страны в отдельности – присоединение к метановому глобальному обязательству, водно-энергетические проблемы и усиливающееся сокращения площади ледников.

Данные мероприятия позволяют сделать вывод о том, что государства региона Центральной Азии при скоординированной работе, прежде всего, на региональном уровне способны наладить диалог и сформировать необходимые региональные органы для решения проблем, направленных не только на борьбу с изменением климата, но и регулирование последующих потоков «климатической миграции».

Список использованной литературы

1. Что такое изменение климата? (Официальный сайт ООН) // <https://www.un.org/ru/climatechange/what-is-climate-change> (Дата посещения: 30.11.2023)
2. Причины и последствия изменения климата (Официальный сайт ООН) // <https://www.un.org/ru/climatechange/science/causes-effects-climate-change> (Дата посещения: 1.12.2023)

3. Новиков В., Келли Ч. Изменение климата и безопасность в Центральной Азии - региональная оценка. – ENVSEC. – 60 с.

4. Миллионы "климатических" мигрантов - Токаев предупредил президентов соседних стран (Сетевое издание «Интернет ресурс Tengrinews») // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/millionyi-klimaticheskikh-migrantov-tokaev-predupredil-510535/ (Дата посещения: 2.12.2023)

5. IDMC // <https://internal-displacement.org> (Дата посещения: 2.12.2023)

6. "Море пришло в дом". Талые воды подтопили село в Павлодарской области, 1 апреля 2022 // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/more-prishlo-dom-talyie-vodyi-podtopiliselo-pavlodarskoj-465424/?ysclid=lq59sb16wu560195067 (Дата посещения: 3.12.2023)

7. [Glossary on migration.](#) – ИОМ, 2019. -248 p.

8. [«До прорыва жизнь была как в раю». Рассказывают жители поселков на Сардобинском водохранилище, которые затопило из-за разрушения дамбы](https://www.currenttime.tv/a/do-proryva-zhizn-byla-kak-v-rayu-rasskazyvayut-zhiteli-poselkov-na-sardobinskom-vodohranilisce-kotorye-zatopilo-god-nazad/31242759.html) // <https://www.currenttime.tv/a/do-proryva-zhizn-byla-kak-v-rayu-rasskazyvayut-zhiteli-poselkov-na-sardobinskom-vodohranilisce-kotorye-zatopilo-god-nazad/31242759.html> (Дата посещения: 3.12.2023)

9. [Странам ЦА предложили создать Проектный офис по климатическим вопросам](https://kapital.kz/gosudarstvo/119110/stranam-tsa-predlozhili-sozdat-proyektnyy-ofis-po-klimaticheskim-voprosam) // <https://kapital.kz/gosudarstvo/119110/stranam-tsa-predlozhili-sozdat-proyektnyy-ofis-po-klimaticheskim-voprosam.html> (Дата посещения: 5.12.2023)

Түйіндеме

Жыл сайын климаттың өзгеру процесі қоршаған ортаға көбірек әсер етеді, оның жағдайын нашарлатады және кейіннен флора мен фаунаны ғана емес, адамдар үшін де өмір сүруге жарамсыз етеді. Бұл процестің нәтижелері бүкіл әлем бойынша "климаттық көші-қон" ағындарының күшеюінен айқын көрінеді. Орталық Азия аймағы климаттың теріс өзгеруіне ең сезімтал аймақтардың бірі болып табылады. Қазіргі кезеңде "Климаттық мигранттар" санының өсуі байқалады, бұл Орталық Азия мемлекеттерінің осы процесті реттеуі үшін қажетті шараларды әзірлеу қажеттілігін көрсетеді.

Summary

Every year, the process of climate change has an increasingly intense impact on the environment, worsening its conditions and subsequently making it unsuitable for life not only for flora and fauna, but also for humans. The results of this process are especially clearly reflected in the increasing flows of “climate migration” around the world. The Central Asian region is one of the most sensitive to negative climate change. At the present stage, there is already an increase in the number of “climate migrants”, which indicates the need to develop measures necessary for the regulation of this process by the Central Asian states.

Islomkhon Gafarov
Institute for Advanced International Studies
Senior Research Fellow, Uzbekistan
Dr.(Assoc.Prof.) Ulugbek Khasanov,
Chair of the International Relations Department
University of the World Economy and Diplomacy, Uzbekistan

A NEW FORMAT OF RELATIONS IN THE CENTRAL ASIAN REGION

Keywords: Central and South Asia, Uzbekistan, Afghanistan, delimitation, Trans-Afghan Corridor, Belt and Road Initiative, North-South Transport Corridor, and Chabahar.

Introduction

As the effectiveness of the international system's stabilizing mechanisms deteriorates, an increasing number of states are tempted to pursue pragmatic policies motivated primarily by self-interest. The challenges of realistic and objective assessment of such interests, as they relate to history, geography, economic viability, and reality, are relevant today.

A positive view of one's position in the world and in the area, which permits the realistic design and implementation of national development goals, is the first requirement for a successful foreign and domestic policy. This also applied to the countries of Central Asia. The creation of a more autonomous, predictable, and long-lasting domain within global politics is facilitated by enhancing collaboration and developing increased political trust among regional players.

Current changes require adjustments to the regional and national development agendas. The major goals of the regional players' foreign policy endeavors were to increase their influence in global affairs, foster stability in Central Asia, and foster good neighbor relations.

The evolving geopolitical landscape in Central Asia

In Central Asia, the balancing of secularism and spirituality is the central tenet of the shared, historically rooted national identity that all governments share. The state is nevertheless averse to spirituality in its secular form since it has been balanced by it. This tenacity reveals a significant consistency and continuity in the region's nation-building ideals, a crucial element for keeping a beneficial balance between statist, secular, and traditional values. It is imperative to acknowledge that Central Asian countries have effectively leveraged internal resources to counteract diverse forms of extremism and separatism, defying prevalent perceptions within the expert community that the region resides on a "geopolitically fragile line" in the global context.

It is noticeable how Uzbekistan is taking deliberate measures to develop into a

Central Asian logistical center with a population of over 70 million (106 million if Afghanistan included). This nation's economy is diverse, it has a brand-new infrastructure that is swiftly taking shape, and it is seeing sustained growth in addition to political, macroeconomic, and economic stability. In addition, the European Union has recognized the Republic of Uzbekistan as the 9th beneficiary country of a special system for stimulating sustainable development and good governance within the framework of the unilateral General Scheme of Preferences (GSP+). From April 10, 2021, the EU began to apply preferential tariffs on goods imported from Uzbekistan in accordance with these rules. As a beneficiary of GSP+, Uzbekistan has received additional economic benefits compared to the current standard GSP scheme [1].

The abolition of tariffs on two-thirds of the products of the lines covered by the GSP creates opportunities for export growth from our country to the markets of 27 EU countries and will attract additional investments into the country. In addition, the acceptance of Uzbekistan as a beneficiary of GSP+ reflects recognition of the reforms undertaken by the government, supports the country in its economic development and building a more sustainable future, as well as promoting the benefits provided after joining GSP+. Uzbekistan, receiving the main benefits from this scheme and increasing its status, will now be able to increase the number of goods exported to the EU without import duties, increasing them from the previous 3,000 to 6,200 different categories and varieties. Uzbekistan is also working on joining the World Trade Organization (WTO).

Indisputable examples of effective modernization are the various models of a creative economy, which are acknowledged by practically every regional country. The transitional difficulties in reshaping political and economic systems are shared by the Central Asian nations. One way to describe the Central Asian area is that it is undergoing state-building and the consolidation of sovereignty despite the global nation-state crisis. According to leading foreign experts [2], state and society building in Central Asia have specific features which should be considered more thoroughly.

The emergence of a new framework for relations in Central Asia is fundamentally reshaping the national interests of the countries in the region, necessitating collective efforts involving two or more states working together to adapt and align their approaches. Enhanced bilateral ties between Uzbekistan and Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan are fostering closer regional cooperation. This shift, which began in 2016, signifies a pivotal moment for Uzbekistan. A key focus of the new strategy involves its foreign policy, emphasizing strengthened relationships among the five Central Asian nations. Notably, these countries have initiated Consultative meetings independently, boosting regional credibility and global trust. The positive developments in the region are also influencing other areas, leading to increased foreign investment and a proliferation of joint infrastructure projects with international partners.

Despite the favorable developments in the region, several challenges impede extensive integration processes. Persistent issues like border delimitation, enclaves,

and exclaves remain unresolved. Uzbekistan prioritized addressing these challenges, actively speeding up negotiations. Consequently, in March 2018, the border between Uzbekistan and Tajikistan was successfully fully delimited [3]. In January 2023, Uzbekistan and Kyrgyzstan finally reached a resolution on this matter following lengthy negotiations [4]. However, ongoing disputes over territories between Central Asian countries continue to fuel conflicts in the region. The deadly clash in September 2022 along the Kyrgyzstan-Tajikistan border, resulting in the loss of over a hundred lives [5], underscores the urgent need for a swift resolution to this issue. In essence, without addressing border disputes, the Central Asian nations will struggle to accelerate integration processes within the region.

The principles of mutual respect and mutual benefit between the states of Central Asia, and close adherence to national interests can tackle universal problems. Moral and ethical components of good relations in the region are much higher than the so-called “trust-building” [6] prevalent in Greater Europe and the West, and this term historically reflects the level of relations between these countries and peoples more deeply.

Central Asia has gained significant importance in global international relations, drawing the attention of major world and regional powers such as Russia, China, the USA, India, the European Union, Japan, the Republic of Korea, Turkey, and others. Particularly, Uzbekistan is viewed as a crucial component of their foreign policy and economic endeavors. These countries engage with Central Asia in various capacities: Russia collaborates within the Commonwealth of Independent States, fostering substantial trade relations. The United States interacts through the "C5 + 1" format, seeking new economic and strategic ties. China, with its expansive Belt and Road Initiative, considers the region pivotal in its global strategy. Additionally, India emerges as a significant partner for the region, holding substantial global influence.

Despite positive relations with major global players, Central Asia encounters developmental challenges and limitations in participating in global projects due to its geographical constraints. Lacking direct access to oceans, the region must navigate through neighboring territories, creating logistical complexities. Uzbekistan, as a doubly landlocked country, faces the necessity to transit through two nations. Consequently, Central Asian countries are actively exploring various logistical projects to establish links with the world's oceans. The Central-South Asia format, deeply rooted in history, emerges as the most viable option for addressing this geographical challenge.

Uzbekistan aims to build the Termez-Mazari-Sharif-Kabul-Peshawar railway, linking Central and South Asia via the shortest route to provide easier access for Central Asian nations to the oceans. Yet, countries in these regions are also engaged in the INSTC (International North South Transport Corridor) and Chabahar format, an alternative to the Belt and Road Initiative. If Pakistan's role grows in the Trans-Afghan corridor, Iran's role in linking Central and South Asia via the Chabahar port will likely expand. Consequently, Central Asian countries

and China favor the Trans-Afghan corridor due to its economic benefits and alignment with China's Belt and Road project. Conversely, Iran and India prioritize developing the Chabahar port [7]. These developments are expected to heighten the geopolitical complexities in Central Asia.

During the 19th-century geopolitical shifts, India became disconnected from Eurasia, but recent changes, like its inclusion in the SCO and negotiations with the EAEU, have sparked a renewed interest in India for involvement in political and economic processes across the continent. The INSTC initiative, uniting Russia, Iran, and India economically and energetically, aligns with India's external interests in this realm. Proposed in 2000, the project aims for logistical integration among cities like Mumbai, Chabahar, Bandar Abbas, Baku, and Moscow.

The India-Iran agreement in 2003 for Chabahar port development aims to link India with Central Asia while bypassing Pakistan, providing an alternative to China's massive Belt and Road project. Simultaneously, China is advancing the CPEC (China-Pakistan Economic Corridor) project with Pakistan, where the Pakistani port of Gwadar, located 80 km from Chabahar, assumes a significant role. This situation raises India's concerns as the implementation of both these projects could bolster China's influence in the Indian Ocean, where India has crucial strategic interests [8].

Russia is notably involved in both the Chinese and Indian projects. Central Asian countries are exploring various avenues to access oceans, yet the situation in Afghanistan, impacting the progress of the Trans-Afghan corridor, along with the imposition of sanctions on key INSTC participants like Russia and Iran, complicates the plans for Central Asian nations.

Linking state

As basic components of growth, fundamentally new trends of regional development are intensifying in Central Asia and the level of political trust has increased markedly. The new environment has significantly boosted trade and economic ties among Central Asian countries. As the President of Uzbekistan noted at the summit of heads of state of Central Asia in Astana, the volume of mutual trade is expected to reach \$5 billion in the coming years [9].

Between September 2016 and July 2021, negotiations on delimitation and demarcation of common borders in the region have become intensive and continuous, compromises in defining borderlines, including complex and rather contentious areas, have been reached as a result of agreements between the heads of neighboring countries during bilateral working meetings and talks held within the framework of international organizations [10].

The successful development of Central Asian nations in the future hinges significantly on fully integrating neighboring Afghanistan into their economic frameworks. Creating a cohesive regional agenda is impossible without acknowledging Afghanistan's role. Prioritizing the incorporation of present-day Afghanistan into the economic activities of the region is crucial.

Uniting Central and South Asia marks a significant milestone, given their historical and cultural connections. These regions share commonalities due to their

position along the Great Silk Road, fostering dialogue and interactions among diverse populations [11]. In the 19th century, the British and Russian Empires' colonial policies halted the interaction between these regions, turning Afghanistan—a geographic link—into a dividing zone. Initially a buffer, it later became a center of instability. Even after the Soviet troops withdrew from Afghanistan, the historical ties between Central and South Asia weren't reestablished. Central Asian nations viewed Afghanistan with concern, recognizing the urgency to quell its instability.

Following the events of September 11, 2001, the United States intervened in Afghanistan to dismantle Al-Qaeda's global terrorist network. Over two decades, they aimed to establish a democratic state and proposed projects to reconnect Central and South Asia. Significant efforts were made in this endeavor. Yet, it became evident that American resources and capabilities were finite. President Donald Trump, in 2020, signed an agreement to withdraw troops from Afghanistan within fourteen months. His successor, President Joe Biden, fulfilled this commitment by completing the troop withdrawal by August 31, 2021 [12]. Consequently, the Taliban returned to power, but instability in Afghanistan continues. This turn of events did not go unnoticed by both Central and South Asian countries, as Afghanistan has always been a prominent topic in forums such as the Commonwealth of Independent States, Shanghai Cooperation Organization, CSTO, SAARC and others.

The withdrawal of American troops and the return of the Taliban to power placed the fate of Afghanistan in the hands of its people. However, this does not mean that the world community should remain silent and passively observe. First of all, neighboring countries and countries of Central and South Asia should provide significant support to the economic development of Afghanistan.

The country's main approaches to this issue were outlined at the 76th Session of the UN General Assembly in September 2021, as well as at a subsequent number of international forums and conferences. The Central Asian perspective on sustainable development considers that the regional agenda has long been linked to programmatic measures to promote social and economic reconstruction as well as the development of neighboring Afghanistan, which remains an integral part of Central Asia. The states of Central Asia and Afghanistan do not only share a common history, religion, culture, and traditions, but also mutual interests in security and trade. At the same time, a stable Afghanistan can link Central Asian states to markets in Europe and China by providing the shortest route to ports in the Indian Ocean and the Persian Gulf [13].

Absolutely, Afghanistan holds a pivotal position in the implementation of the Central-South Asia framework. Consequently, peace and stability in Afghanistan become beneficial for all involved parties. The absence of Afghanistan would make fostering this relationship challenging, if not nearly impossible. Engaging Afghanistan as a “bridge” between these regions stands to enhance the economic and socio-political landscape of the country.

Economic stability will see positive impacts through increased foreign

investment, better infrastructure, and improved logistics facilities, consequently influencing the social and political dynamics within Afghanistan. A financially robust and politically steady Afghanistan serves as the cornerstone for advancing integration between Central and South Asia.

Mission of the region

The time has come to turn the standard cliché perceptions of Afghanistan from a source of regional threats and dangers into a strategic opportunity that could give a whole new impetus to the development of broad trans-regional connectivity across the Eurasian space.

It should be noted that the development of regional relations has always been an important aspect of Uzbekistan's foreign policy. On the 15th and 16th of July 2021, Tashkent hosted a high-level international conference on “Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities” during which the Uzbek Leader put forward several regional connectivity initiatives. They were aimed primarily at further deepening the integration of Central Asia and its closest partners in South Asia that are linked to it in economic, social, and cultural-civilizational terms.

Central Asian nations are eyeing access to the world's oceans, while South Asian countries seek to broaden their economic reach. With a population exceeding seventy-five million, Central Asia holds promise as a dependable market for them. The linchpin of the Central-South Asia format lies in the Trans-Afghan railway, specifically the Termez - Mazar-i-Sharif - Kabul - Peshawar route, which extends toward Indian Ocean ports. This ambitious project aims to revive the lost connectivity between these regions. It aspires to resurrect the Great Silk Road's historical significance, once again serving as a pivotal link between the East and West, North and South. Construction on this route commenced back in 2010, with the initial Hairaton - Mazar-i-Sharif line spanning 75 kilometers completed in 2011. The distance between Termez (Uzbekistan) and Karachi (Pakistan) spans approximately 2500 kilometers, while the route from Termez to Gwadar measures around 2000 kilometers [14]. Indeed, considering the geographical proximity, failing to capitalize on such opportunities represents a significant foreign policy shortcoming. Actualizing this project stands to drastically reduce the transportation duration for goods from Pakistan to Uzbekistan, condensing it from a span of thirty-five days to a mere 3-5 days, signifying a substantial logistical triumph. Furthermore, the path aligns with the CASA-1000 project, allowing Central Asian countries to access the energy markets of India and Pakistan through this shared route [15]. It's fascinating that the benefits of this project extend beyond Central and South Asian states, encompassing global leaders like China, Russia, the European Union, the United States, Japan, South Korea, Australia, and Southeast Asian nations. Essentially, the entire world supports this endeavor. For instance, China views it as part of its Belt and Road Initiative, while Russia can leverage the ports of Gwadar and Karachi for its goods. Similarly, the US, Europe, and other nations can promote their products within the heart of Asia through this railway network.

The global economic focus on Indian Ocean ports will bolster India's standing in international relations, presenting substantial advantages as an emerging global power. If the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan and Termez-Mazar-i-Sharif-Kabul-Peshawar railways are interconnected, Central Asian countries could evolve into a new global economic hub. This surge in investments, enhanced infrastructure, and modern technologies is poised to transform the region, resurrecting the ancient Great Silk Road.

Indeed, the geographical position of Central Asia and Uzbekistan is not a hindrance but a triumph. Historically, connecting China and South Asia with Europe has been the region's inherent mission. It's this purpose that led to the prosperity of Sogdian states, the Kushan kingdom, the Turkic Khaganate, the Khorezmshahs, and the empires of the Timurids and Baburids. The region holds a historical and geographical destiny, and it's now aligning itself once more with this momentous direction.

Conclusion

In essence, collective efforts among Central Asian nations on the global stage will not only bolster the region's international significance but also effectively safeguard its interests.

As a key force within the region, Uzbekistan aims to foster relationships with neighboring countries in the pursuit of strengthening peace and stability. Additionally, it seeks collaborations with neighboring regions, international organizations, and the world's leading nations. The South Asian direction stands as a priority in the country's foreign policy objectives. These objectives include reinstating the historical ties between Central and South Asia, constructing the Termez-Mazari-Sharif-Kabul-Peshevar railway, and ensuring Afghanistan's stability while gaining access to the Indian Ocean shores. These objectives define the core tasks within the nation's foreign policy agenda.

In short, the creation of a new political climate in the region and the adoption of a joint statement demonstrates that the process of regional cooperation is of strategic importance, under which the rapprochement has become an objective reality. The current trend for regionalism creates a healthy and friendly atmosphere, as well as favorable conditions for mutually beneficial cooperation, have been created in Central Asia, deserves high praise, and is fully supported throughout the world.

References

1. British Embassy Tashkent. Uzbekistan is the first beneficiary of the UK Enhanced GSP Scheme. 23 November 2021 (<https://www.gov.uk/government/news/uzbekistan-is-the-first-beneficiary-of-the-uk-enhanced-gsp-scheme--2>)
2. Abdullaev Sh. Transformasiya mejdunarodnoy sistemi i geopoliticheskaya identichnost' Uzbekistana / Mejdunarodnie otnosheniya / N4. 2017. (<https://www.uwed.uz/ru/e-journal/12>)

3. Cabar.asia. How are negotiations on the border between Tajikistan and Uzbekistan being conducted? 21.06.2021. (<https://cabar.asia/ru/kak-proishodyat-peregovory-po-granitse-mezhdu-tadzhikistanom-i-uzbekistanom>)
4. Cabar.asia. Kyrgyzstan: Delay in the Kempir-Abad Case. 7.02.2023 (<https://cabar.asia/en/kyrgyzstan-delay-in-the-kempir-abad-case>)
5. Umarov T. Kul't mesti. Otkuda i kuda vedet voyna Kyrgyzstana i Tadzhikistana. Carnegie Endowment for International Peace. 20.09.2022. (<https://carnegieendowment.org/politika/87961>)
6. Mavlanov I. Transformasiya ekonomicheskoy diplomatii Uzbekistana dlya realizatsii vneshneekonomicheskix prioritetov Strategii deystviy Respubliki Uzbekistan na 2017-2021 gg./ Mejdunarodnie otnosheniya/ N 1. 2018. (<https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13>)
7. Tuychiyeva R. Transit problems in connectivity between India and Uzbekistan: unrealized opportunities and prospects. American journal of social and humanitarian research. Vol. 1, No.2. 2020. – 73-75p.
8. Kashif Hasan Khan and Halil Koch. Emerging Central Asia: Managing great power relations. Blue Dome Press. 2021 – 171-189p.
9. Mavlanov I. Transformasiya ekonomicheskoy diplomatii Uzbekistana dlya realizatsii vneshneekonomicheskix prioritetov Strategii deystviy Respubliki Uzbekistan na 2017-2021 gg./ Mejdunarodnie otnosheniya/ N 1. 2018. (<https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13>)
10. Ne'matov I. Uskorenie zaversheniya pravovogo oformleniya Gosudarstvennoy granisi so stranami Sentral'noy Azii kak vajniy prioritet vneshney politiki Uzbekistana/ Mejdunarodnie otnosheniya/N1. 2018. (<https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13>)
11. Mirziyoev Sh. Vistuplenie na mejdunarodnoy konferensii “Sentralnaya i Yujnaya Aziya: regionalnaya vzaimosvyazannost. Vizovi i vozmojnosti”. 2021. (<https://president.uz/ru/lists/view/4484>)
12. Wilkie Ch., Macias A. Biden says Afghanistan war was a lost cause, vows to continue aid and diplomacy. 16 August 2021. (<https://www.cnbc.com/2021/08/16/biden-will-give-a-speech-on-the-afghanistan-collapse-monday-afternoon-white-house-says.html>)
13. Aripov E. Uzbeksko-afganskije otnosheniya: noviy etap dinamichnogo razvitiya/Mejdunarodnie otnosheniya/ N1. 2018. (<https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13>)
14. Zokhidov A. Transafganskiy transportniy koridor: interesi gosudartsv i perspektivi yego razvitiya. Sentralnaya Aziya i Kavkaz №2. 2012. – 88-89p. (<https://cyberleninka.ru/article/n/transafganskiy-transportnyy-koridor-interesy-gosudarstv-i-perspektivy-ego-razvitiya/viewer>)
15. Sayed Masood Sadat. TAPI and CASA-1000: Win-Win trade between Central Asia and South Asia. Norwegian Institute of International Affairs. 2015. – 3p. (<https://www.osce->

Түйіндеме

Халықаралық қатынастардағы қазіргі заманғы үрдістерді түсіну аймақтық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша зерттеулер жүргізуді талап етеді. Орталық Азия өңірі қазіргі уақытта әлемнің барлық ірі мемлекеттерінің мүдделері қақтығысатын халықаралық қатынастар жүйесінің маңызды құрамдас бөлігіне айналууда. Осыған байланысты өңірдің ғылыми зерттеулеріне, оның саяси процестеріне әлемдік қоғамдастықтың қызығушылығы және өңір елдерінің Орталық Азиядан тысқары жерлерде ынтымақтасуға ұмтылысы өсуде.

Ғылыми мақаланың мақсаты Орталық Азиядағы ағымдағы өңірішілік процестерді, Өзбекстан Республикасының осы процестердегі рөлін, сондай-ақ оның өңіраралық ынтымақтастыққа қатысуын талдау болып табылады. Бұл жұмыстың ерекшелігі онда Өзбекстан Республикасының 2016 жылдан кейінгі өңірлік және өңіраралық қызметі зерделенген. Сондай-ақ, жұмыс барысында өңірдегі мемлекеттік шекаралардың аражігін ажырату, құрылыс

Резюме

Понимание современных тенденций в международных отношениях требует проведения исследований по вопросам регионализма и региональной безопасности. Регион Центральной Азии в настоящее время превращается в важный компонент системы международных отношений, где сталкиваются интересы почти всех крупных государств мира. В этой связи растет интерес мирового сообщества к научным исследованиям региона, его политическим процессам и стремление стран региона сотрудничать за пределами Центральной Азии.

Целью данной научной статьи является анализ текущих внутрирегиональных процессов в Центральной Азии, роли Республики Узбекистан в этих процессах, а также ее участие в межрегиональном сотрудничестве региона. Отличительной особенностью данной работы является то, что в ней изучалась региональная и межрегиональная деятельность Республики Узбекистан после 2016 года. Также в работе рассматриваются такие вопросы, как разграничение государственных границ в регионе, строительство.

УДК 338.2

Ишмухамедов Ш.А.
к.полит.н, ассоциированный профессор
Университета Туран

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЦУР В КАЗАХСТАНЕ

Ключевые слова: ЦУР, «Цели устойчивого развития», «Цели развития тысячелетия», Казахстан, экономика, правительство, благосостояние, уровень жизни, экология, гендерное равенство, Агентство по статистике РК

Реализация 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР) находятся под большим риском невыполнения или полного регресса. До окончательного срока окончательного завершения и проверки результатов выполнения ЦУР в декабре 2030 года остается небольшое время. Наличие серьезного риска регресса или недостижения целей, принятых всеми странами мира, признается на самом высшем уровне. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш в апреле 2023 года в своем репорте о ситуации с реализацией ЦУР в мире отразил своё недовольство и нескрываемый пессимизм о перспективах Плана. Согласно его позиции только 12 процентов задач Целей устойчивого развития соответствуют графику и могут быть реализованы к 2030 году; другие 50 процентов целей находятся в неустойчивом состоянии без серьезных достижений; оставшиеся 30 процентов целей полностью остановились или показывают регресс. Генеральный секретарь организации выделил несколько главных причин, которые повлияли на проблемы соблюдения сроков, низкие показатели и регресс в достижении ЦУР: пандемия, климатический кризис, загрязнение окружающей среды, вторжение России в Украину. В качестве примеров были указаны бедность, нищета, голод, социально-экономическое неравенство, гендерные проблемы. «Число людей, живущих в крайней нищете, сегодня выше, чем четыре года назад... При нынешних тенденциях только 30 процентов всех стран достигнут первой цели ЦУР «борьба с бедностью» к 2030 году... Голод также увеличился и вернулся на уровень 2005 года... Гендерное равенство наступит примерно через 300 лет» [1]. В этих условиях требуется концентрация всех сил государства, общества, элиты, научной среды для понимания объективной ситуации и решения возникающих проблем при реализации ЦУР в каждой отдельной стране и обществе.

Цели в области устойчивого развития это современный экономический, социальный, политический, гуманитарный план для всех стран и регионов мира, разработанный ООН в 2015 году. Это набор из 17 связанных между собой стратегических целей и задач, которые Генеральная ассамблея ООН посчитала в качестве наиболее важных и достижимых к 2030 году. Амбициозный план поставил себе целью улучшение благосостояния населения мира, решение множества проблем и создание «лучшего и более устойчивого будущего для всех» [2]. ЦУР стали следующим планом, который заменил предыдущий план, принятый в 2000 году «Цели развития тысячелетия». Такой план ООН стал первым подобного рода стратегией единого и общего развития для стран и регионов на 15 лет в истории организации. По различным оценкам экспертов и исследователей «Цели развития тысячелетия» были, в целом, успешно реализованы, достигнув целевых показателей по 8 стратегическим целям [3].

Новый и действующий План реализации целей устойчивого развития не стал полной копией предыдущего плана, но дополнил его и внес существенные изменения. Среди наиболее важных отличий были выделены: увеличение стратегических целей и задач плана, взаимосвязь всех 17 стратегических целей друг с другом, разделение всех целей на 3 главные группы по направлениям: устойчивая экономика, социальное развитие, государственное-политическое развитие и ответственность. Однако по замечания экспертов, новый план 2015 года имел свои недостатки и слабые стороны в сравнении с «Целями развития тысячелетия». Среди наиболее серьезных недостатков учеными были отмечены: множество задач и соответственно высокая стоимость проекта; отсутствие четких, однозначных результатов и целевых показателей для каждой страны к 2030 итоговому году; добровольный характер выполнения целей и отсутствие механизмов привлечения внимания правительств, гражданского общества к реализации программы и другое [4].

Казахстан в качестве важного и активного члена ООН также стал частью реализации Плана и имеет ряд решений, результатов и выводов по достижению Целей устойчивого развития. Согласно официальным данным правительства, Астана активно и ответственно старается быть частью мирового сообщества и создает для этого специальные органы по реализации Плана. Среди главных решений можно выделить: координационный Совет по Целям устойчивого развития под управлением заместителя Премьер-министра; межведомственные рабочие группы между министерствами под руководством министров, начавшие работать с 2017. Кроме того, с 2019 года правительство Казахстана начало показывать факты и цифры о ситуации реализации и успехах выполнения поставленным целям Плана. Для этого был подготовлен первый Добровольный национальный отчет о ходе реализации ЦУР. Бюро национальной статистики предоставляет статистические данные, отчеты различного уровня, что позволяет специалистам, ученым проводить исследования и делать объективные выводы о ситуации с ЦУР в Казахстане. Вся информация о деятельности госорганов, статистические данные, отчет о выполнении Дорожной карты реализации ЦУР в Казахстане 2018-2020 кооперируется в специально созданной Национальной платформе по представлению отчетности по ЦУР [5]. Именно такие статистические данные, отчеты госорганов, цифровые факты об уровне жизни населения, экономическом развитии и безопасности жизни в Казахстане, позволили ООН сравнить данные с другими странами и оценить ситуацию в Республике. Согласно последних данных, место Казахстана в мировом рейтинге по реализации Целей устойчивого развития ухудшается (смотрите Таблица 1).

Таблица 1 – Место Казахстана в мировом рейтинге выполнения ЦУР [6]

Год	Место Казахстана согласно отчету ООН из 166 стран
2020	65
2021	59
2022	65
2023	66

Важно отметить, что снижение рейтинга Казахстана в мировом ранжировании по реализации ЦУР происходит по объективным причинам, которые также находят подтверждение и обсуждение в Республике. Спикер Палаты Парламента РК Маулен Ашимбаев в ходе Первого заседания парламентской комиссии по мониторингу реализации национальных целей и задач в области ЦУР Казахстана выступил перед депутатами Сената. В нем он устно подтвердил, что есть серьезные риски внутри Казахстана, которые угрожают устойчивому развитию страны в долгосрочной перспективе. Среди наиболее острых проблем, которые способны не только повлиять на рейтинг Казахстана, но и реально снизить уровень жизни, ухудшить социальное, экономическое положение всего населения были выделены: дефицит воды для населения и сельского хозяйства; низкая эффективность управления имеющимися водными ресурсами; присутствие различных форм неравенства среди населения; бедность и наличие части населения с низкими доходами; высокий уровень неравенства между различными регионами, городскими и сельскими районами [7].

Исследование к вопросу о ситуации выполнения ЦУР В Казахстане показывает, что прослеживается разночтение о результатах в стране.

Одним направлением может быть отношение государственных органов, отраженное в официальных репортах и отчетах, где положительно и некритично описывается ситуация по каждой отдельной цели ЦУР. В Казахстане был доклад 2020 года, подготовленный Агентством по стратегическому планированию и реформам РК. Статистический сборник «Цели устойчивого развития в Казахстане в 2016-2020 года», который содержал в себе официальную позицию о выполнении ЦУР в Казахстане достаточно положительно оценил достижения и результаты страны. В нем не было критических исследования, не представлено мнение независимых экспертов, отчета ООН о наличии проблем и недостатков при реализации плана [8]. Наоборот, отчеты и доклады экспертов ООН по Казахстану сообщают, что в Казахстане присутствует серьезная угроза его устойчивому развитию. В аналитическом исследовании казахстанских экспертов на основе отчетов ООН дается вывод, что 5 целей ЦУР в Казахстане испытывают серьезную угрозу для выполнения и реализации; 7 целей ЦУР испытывают ощутимые проблемы реализации; 3 целей ЦУР испытывают некоторые проблемы и не соответствуют плановым показателям; и только 1 ЦУР –

«ликвидация нищеты» соответствует поставленным планам и может считаться выполненной (смотрите Рисунок 1).

Рисунок 1. Прогресс в достижении ЦУР в Казахстане [9].

Современные примеры расследований работы госорганов в Казахстане показывают, что традиционные проблемы как коррупция, низкая эффективность работы чиновников, отсутствие отчетности за принятые решения продолжают негативно влиять также на ЦУР в стране. Самым известным подобным примером является национальный проект «Зеленый Казахстан» 2021 года, который был по итогам 2023 упразднен в результате отсутствия положительных результатов. Проект был досрочно завершён несмотря на план его работы до 2025 года и объём в 1,413 млрд тенге и амбициозные планы улучшения экологии страны, решения экологии Арала, Балхаша, озеленения всех регионов. Высшая аудиторская палата страны заключила, что несмотря на 80% затраченных средств присутствует низкая эффективность семи национальных проектов из девяти [10].

Постоянный представитель ПРООН в Казахстане Катаржина Вавьерниа в своем репорте 2023 года также отметила, что серьезным вызовом реализации ЦУР является отсутствие взаимосвязи и сотрудничества всех стран региона Центральной Азии в этом вопросе. По ее мнению, общие усилия стран Центральной Азии вокруг единой работы по ЦУР помогут объединить финансирование, упразднить дублирование, снизить расходы, достичь более высоких результатов, а также выявить проблемные зоны общие для всех стран региона.

Можно кратко подытожить, что серьезные опасения вызывает прогресс в достижении целей ЦУР, которые находятся в «красной зоне», а именно: ЦУР 2 «Ликвидация недоедания», ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия», ЦУР 13 «Борьба с изменением климата», ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши», ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты». Именно они «тянут» показатели Казахстана вниз, и показывают наиболее уязвимые сферы, которые очень сложно реализовать в Казахстане в силу

проблем коррупции, недостатка финансирования, низкой эффективности работы чиновников и другое.

Список использованной литературы

1. Gutierrez A. UN Secretary-General's remarks / URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2023-04-25/secretary-generals-remarks-launch-the-special-edition-of-the-sustainable-development-goals-progress-report#:~:text=The%20SDG%20Progress%20Report%20shows,30%20percent%20of%20the%20SDGs> (режим доступа 25.12.23)
2. Resolution adopted by the UNGA on 6 July 2017. Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for sustainable development / URL: <https://undocs.org/A/RES/71/313>
3. McArthur J., Rasmussen K. How successful were the millennium development goals? // The Guardian. -2017. -30 March /URL: <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2017/mar/30/how-successful-were-the-millennium-development-goals> (режим доступа 25.12.23)
4. Nanda V. The journey from the Millennium Development Goals to the Sustainable Development Goals // Denver Journal of international law & policy. - 2016. - #3. -P.389-412.
5. Национальной платформе по представлению отчетности по ЦУР / URL: <https://kazstat.github.io/sdg-site-kazstat> (режим доступа 25.12.23)
6. Каримова Дж. Казахстан теряет позиции в рейтинге качества жизни. Информационное агентство LS / URL: <https://lsm.kz/kazakhstan-sil-notkatilsya-nazad-v-rejtinge-progressa-cur>
7. Жулмухаметова Ж. Ашимбаев: Казахстан откатился назад в рейтинге прогресса ЦУР / URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6397805-ashimbaev-kazakhstan-otkatilsya-nazad-v-reytinge-progressatsaley-ustoychivogorazvitiya.html> (режим доступа 25.12.23)
8. Цели устойчивого развития в Казахстане. Статистический сборник / Гл. редактор Н.С.Айдапкелов. - Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам РК. Бюро национальной статистики. – 88 с.
9. Калдаров С. Доклад ООН – Казахстан испытывает сложности с устойчивым развитием / URL: <https://halykfinance.kz/research/doklad-oon-kazakhstan-ispytyvaet-slozhnosti-s-ustoychivym-razvitiem.html> (режим доступа 25.12.23)
10. Новиков В. Какие экологические проблемы решил нацпроект «Зеленый Казахстан», а какие – нет // КурсивKz. -2023.- 3 Ноября / URL: <https://kz.kursiv.media/opinions/print1009-vdmn-jasyl/> (режим доступа 25.12.23)
11. Вавьерниа К. Стремясь к прогрессу: путь Казахстана к ЦУР // <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/blog/stremyas-k-progressu-put-kazakhstana-k-celyam-ustoychivogo-razvitiya> (режим доступа 25.12.23)

Түйіндеме

Мақалада Қазақстандағы ТДМ жүзеге асырудың негізгі қауіптері қарастырылған. Республикада ТДМ-ның орындалуы туралы ақпаратпен қамтамасыз етуде айтарлықтай айырмашылық бар. Ресми, үкіметтік деректер оңды жағдайды көрсетеді. Керісінше, БҰҰ, үкіметтік емес ұйымдар мен ҰЕҰ деректері күрделі мәселелердің бар екенін көрсетеді. Ең күрделі тәуекелдер: сыбайлас жемқорлық, мемлекеттік органдар қызметінің төмен тиімділігі, мемлекеттік емес қаржыландырудың жоқтығы, мемлекеттік органдар мен БҰҰ органдары арасындағы нашар байланыс.

Summary

The article examines the main threats to the implementation of the SDGs in Kazakhstan. There is a serious difference in the provision of information on the implementation of the SDGs in the Republic. Official, government data present a more positive situation. On the contrary, data from the UN, non-governmental organizations, and NGOs show the presence of serious problems. The most serious risks are: corruption, low efficiency of government agencies, lack of non-state financing of the SDGs, poor communication between government agencies and UN bodies.

УДК 327.8

Исаев А.У.,
саяси ғылымдарының кандидаты,
Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық
университетінің аға оқытушысы

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ГЕОСАЯСИ «ҮЛКЕН ОЙЫНДАҒЫ» ОРНЫ

Кілт сөздер: Қазақстан; геосаясат; «Үлкен ойын»; АҚШ; Қытай; сыртқы саясат; инвестициялар; экономика.

Сонау ХІХ ғасырда бастау алған геосаясаттағы «Үлкен ойын» бүгінгі күні күшеймесе бәсеңдеген емес. Сол кездегі 2 алып империя – Британия мен Ресей арасындағы саяси мүдделер қақтығысына, қазіргі кезде Батыс елдерімен (АҚШ, Франция, Германия бастаған) қатар шығыстағы – Қытай, Үндістан, Иран, Түркия сияқты ойыншылар қосылғаны саяси факт.

XX ғасырдың 90-жылдарына дейін, тіпті 2000 жылдардың басында да қандай да бір табиғи ресурстар үшін саяси текетірестер орын алса, қазіргі таңда тиімді келісім-шарттар жасауға, тасымал мен құбыр жолдарына иелік етуге, салуға, оны пайдалануға жанталасып бағуда.

Әрине, баршамызға белгілі кез келген мемлекеттің сыртқы саясаты оның жүргізіп отырған ішкі саясатымен астасады.

Осы ретте көптеген елдердің ішкі саясаты халықаралық немесе мемлекетаралық қатынаспен ғана шектелмей аумақтық геосаяси, тіпті әлемдік аренаға да шығып кетіп жатыр. Оның жарқын мысалын Ресей-Украина, Палестина-Израиль, Армения-Әзірбайжан, Қытай-Тайвань, қос Корея, Ауғанстан сияқты көптеген түйіні әлі күнге шешілмеген және саяси шешім табуы да ұзаққа созылған шиеленістер толып жатыр.

Осындай сәтті әлемдік державалардың мейлі ол экономикалық немесе әскери әлеуеті болсын өз пайдасына жаратары сөзсіз.

Көз ілеспес жылдамдықпен өзгеріп жатқан аумалы-төкпелі геосаяси жағдайда Қазақстанның орны қандай болмақ? Ұстанымы қандай? Жоспары мен бағыты айқын ба?

Ия, тәуелсіздігімізді қалпына келтіргелі бері Қазақстан көпвекторлық сыртқы саясатты ұстанып келеді. Қажет уақытында ел экономикасының еңсесін көтеруде, инвестиция тарту жолында өз жемістерін де берді.

Алайда, тығырыққа тіреген кездері де аз болған жоқ. Алысқа ұзамай-ақ кешегі Ресей-Украина (бір тарап үшін «арнайы операция» болғанымен) арасындағы соғыс басталғалы Батыс елдері санкциясының салқыны бізді айналып өтпеді. Украинаның «территориялық тұтастығын қолдаймыз!» деп тиісті жерде қанша айтылғанымен, нәтижедегі нақты саяси іс-әрекетіміз басқаша.

Саясатта достық жоқ, тек мүдделер ғана бар демекші, әрине бұл – саяси ойын. Егер, осындай геосаяси ойынды – «футболдан әлемдік чемпионат» ретінде қарастырсақ, біз ойынның қандай қатысушымыз? Немесе алаңдағы 22 футбол ойыншысының қайсысымыз? Әлде, қосалқы құрамдағы ойыншымыз ба? Мүмкін, ойынға төрелік ететін «қазы» шығармыз? Тіпті, ойынға тұрақты билет сатып алып жүрген көрермен орнынан табылармыз, бәлкім? Трибунада көрермендердің де орналасу орны бар екенін ұмытпайық. Міне, осындай геосаяси жағдайда «арбаны да сындырмай, өгізді де өлтірмей» өз мүддесін алып шыға алады ма деген сұрақ тұрады.

Үстіміздегі жылдың 23-қарашада Минскіде Ұжымдық қауіпсіздік туралы шарт ұйымы (бұдан әрі – ҰҚШҰ) сессиясына қатысқан ҚР Президенті Қ.Тоқаев, келесі күні 24-қарашада Бакуде Әзірбайжан Президенті Ильхам Әлиевпен кездесуде «тарихи жерді» қайтаруымен құттықтады. Түбі бір, түркі тілдес ТҮРКСОЙ құрамындағы бауырға тілектеспіз. Алайда, ҰҚШҰ-да Армениямен де әскери одақтаспыз. Аталған ұйымға Армения тарапынан соңғы жылдары өкпесі бар екенін де білеміз. «Кім мен туралы не ойлайды деп емес, мен ол туралы не ойлағаным маңызды» қағидатын ұстану өз саяси мүддеміздің іске асуына жол ашатын секілді.

Тағы да бір нақты мысал болсын. 75 жылдан асқан Палестина-Израиль қақтығысы соңғы кезде қазан айынан бастап тіпті өршіп тұр. Мындаған адамның қазасы, аймақтағы әлеуметтік жағдай асқынып тұр. Газа секторындағы жағдайға байланысты БҰҰ-ның басшысы Антонио Гуттериштің мәлімдемесін (кепілге алынғандарды босату мен гуманитарлық дәліз ашу) қолдаған Қазақстанды 2-категориялық елдер санатына қосып

қойды және БҰҰ-ның Бас хатшысының қызметтен кетуін талап етті. 2-санаттағы елдер қатарына қосу деген сөз – өз азаматтарының өміріне біздің елде қатер төндіретінтігін білдіреді. Егер, Израиль сияқты соғыс аймағындағы ел болсақ түсінікті болар еді. Бұл – қыр көрсетудің бір түрі. Қазақстан мен Израиль арасындағы дипломатиялық қарым-қатынас 1992 жылы 10 сәуірде орнады. 2004 жылы Израильде сауда-экономикалық қатынастарды дамыту және кеңейту мақсатында Израиль-Қазақстан Сауда-өнеркәсіп палатасы құрылды. Екі ел қорғаныс және барлау саласында тығыз байланыста. Израильде тоқсан бес қазақстандық фермерлер, менеджерлер мен ғалымдар оқытылды. Осы кезең ішінде Қазақстан-Израиль ынтымақтастығының жылдан-жылға нығайып, екіжақты саяси, сауда-экономикалық және мәдени-гуманитарлық салалардағы ықпалдастық жоғары деңгейге жетті.

Дәстүрлі түрде жоғарғы және аса жоғары деңгейдегі кездесулер өтуде. Парламентаралық байланыстардың дамуы жалғасуда.

СІМ аралық консультациялар тұрақты негізде өткізілуде. Тараптар Азиядағы өзара іс-қимыл және сенім шаралары кеңесі (АӨСШК) өзара іс-қимыл жасауда, сондай-ақ израильдік өкілдер Әлемдік және дәстүрлі діндер лидерлері съезінің жұмысына белсенді қатысып келеді.

Екіжақты байланыстардың маңызды бағыттарының бірі сауда-экономикалық сала болып табылады. 2021 жылы Израильден Қазақстан экономикасына құйылған тікелей шетелдік инвестиция көлемі 33 миллион АҚШ долларын құрады [1].

Дей тұрсақ та, Израиль мемлекетінің Қазақстанға қатысты жоғарыдағы іс-әрекеті түсініксіз. Ал, Палестинамен Ислам Ынтымақтастық Ұйымында (ИЫҰ) 57 мемлекеттің қатарында біргеміз. Қалай айтсақ та, көпвекторлық саясаттың екі ұшы бар екенін ұмытпаған жөн болар.

Осындай геосаяси жағдайда Қазақстан өзінің саяси-экономикалық мүддесін қорғайтындығына сенімдіміз. Оған дәлел, Қазақстанға тікелей шетелдік инвестициялардың ағыны соңғы 10 жылда рекордтық мәнге жетті.

2022 жылдың қорытындысы бойынша Қазақстанға тікелей шетелдік инвестициялардың жалпы ағыны 28 млрд АҚШ долларын құрады, бұл 2021 жылдан 17,7%-ға артық (23,8 млрд доллар). Бұл көрсеткіш соңғы 10 жылда рекордтық сандарға жетті (2012 жылы – 28,9 млрд доллар).

Елдер бөлінісінде ең көп инвестиция Нидерландтан – 8,3 млрд доллар, АҚШ-тан – 5,1 млрд доллар, Швейцариядан – 2,8 млрд доллар, Бельгиядан – 1,6 млрд доллар, Ресейден – 1,5 млрд доллар, Оңтүстік Кореядан – 1,5 млрд доллар, Қытайдан – 1,4 млрд доллар, Франциядан – 770 млн доллар, Ұлыбританиядан – 661 млн доллар, Германиядан – 469,5 млн доллар көлемінде түсті.

Салалық бөлінісінде инвестициялардың ағыны тау-кен өндіру өнеркәсібіне – 12,1 млрд доллар (25%-ға өсу), өңдеу өнеркәсібіне – 5,6 млрд доллар (+2,7%), көтерме және бөлшек саудаға – 5,1 млрд доллар (+36%),

кәсіби, ғылыми және техникалық қызметі – 1,2 млрд доллар (2,2 есе), көлік және қоймалау – 1,2 млрд доллар (+13,5%) көлемінде тиесілі.

Өңірлік бөліністе инвестициялардың көбісі Атырау облысына – 8,3 млрд доллар (өсім 48,3%), Алматы қаласына – 7,6 млрд доллар (+10,9%), Астана қаласына – 2,2 млрд доллар (+107,2%), Шығыс Қазақстан облысына – 2,2 млрд доллар (+3,1%), Ақтөбе облысына – 1,2 млрд доллар (11,2%-ға төмендеу) келеді [2].

Жоғарыдағы берілген сандарға қарап отырып, АҚШ-тың экс-президенті Б.Клинтонның: «Біздің экономикалық бәсекеге қабілеттілігіміз – бұл біздің сыртқы саясатымыздың бастауы» деген сөзін еске түсіреді. Сондай-ақ, кезіндегі француз президенті Жак Ширактың: «Менің шетелге іс сапарымның басты мақсаты – француз тауарын сату» немесе «Мен бар болғаны сапарлаған елім мен отандық бизнес өкілдерінің арасындағы делдалмын» деген екен. Бұдан шығатын қорытынды тек біреу ғана, ол – өз есеңді ешкімге жібермеу, өз мүдденді қызғыштай қорғау.

Орталық Азиядағы геосаяси ойынға экономикасы жолға қойылған, әскери әлеуеті барынша мықты алыс-жақын елдер араласып, ықпал жасауға тырысуда. Орта Азия мемлекеттерінің өз арасында әлі де шешілмеген энергетикалық ресурстарға қатысты, су мәселесі өзекті тұр.

Су мәселесінде қазақ-қырғыз, шекепада өзбек-қырғыз, тәжік-өзбек жағдайы, түркменнің автаркиялық саясаты сыртқы күштерге жол ашып тұрғандай.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан Үкіметінің ресми сайты.
<https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/353533?lang=kk>

2. Қазақстан Үкіметінің ресми сайты.
<https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/530609?directionId=94&lang=kk>

Резюме

В статье рассказывается о сегодняшнем месте Казахстана в геополитике и его результатах многовекторной политики. Также, указывается объем привлечения инвестиций (за последние годы) в Казахстан, ставшего участником политической игры.

Summary

The article talks about the current place of Kazakhstan in geopolitics and its results of multi-vector policy. Also, the volume of attraction of investments (for the last years) in Kazakhstan, which became a participant of political game, is indicated.

УДК 327

Оржанова У.К., Есеркемисова Б.А.,
ассоциированные профессора
Университета «Туран»

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, независимые государства, политика, экономика.

Центральная Азия – это большой и значимый в геополитическом значении регион. Регион ЦА включает такие страны как, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. ЦАР богат природными ресурсами, что делает его ценным партнером в мировой торговле. Главным препятствием для роста товарооборота является отсутствие выхода к Мировому океану, что чрезвычайно затрудняет и увеличивает сроки поставки товаров.

После распада СССР образовалось пять независимых республик, которые заявили о своем намерении стать полноправными членами международного сообщества, перейти на рыночную экономику и модернизацию.

Начиная с 1990-х годов регион превратился в объект пристального внимания со стороны ведущих держав. На центрально-азиатском

пространстве столкнулись интересы России, Китая, Европейского Союза, США, Турции [1].

РФ традиционно считавшая ЦАР зоной своего влияния, постепенно утрачивала доминирующие позиции и на первый план в этой геополитической игре выдвинулась Китайская Народная Республика. Существует целый ряд причин, по которым КНР стремилась увеличить свое присутствие в странах Центральной Азии.

Во-первых, КНР граничит с тремя из пяти республик региона и заинтересована в стабильности на своих границах.

Во-вторых, расположение Синьцзян-Уйгурского района, в котором проживает значительное число этнических казахов, немало узбеков и кыргызов, вызывает у Пекина большие опасения по поводу безопасности и стабильности в нем.

В-третьих, китайские амбиции и его претензии на роль второго геополитического полюса, точнее их реализация не могут состояться без включения этой важной территории в свой круг ответственности.

В-четвертых, присутствует явное и скрытое соперничество с Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией за контроль и доминирование в стратегически и геополитически значимом пространстве.

В-пятых, огромные запасы природных ископаемых энергетических и продовольственных ресурсов весьма необходимы для быстро растущей экономики и населения Китая.

В-шестых, регион важен с точки зрения удобной для транзита товаров территории, поскольку через него Пекин получает сухопутный путь доставки своих грузов в Европу.

В-седьмых, имеются давние исторические и культурные связи, не всегда дружелюбные, но чрезвычайно важные с точки зрения продвижения миссии Китая не только на Центральную Азию, но и далее на Запад.

В силу этих причин ЦАР занимает серьезное положение во внешней политике Китая и в начале XXI века он приобретает приоритетное значение.

Мировая политика КНР на сегодняшний день превратился в объект внимания международных СМИ. Самым популярным утверждением стал постулат, Китай – сверхдержава нового столетия. Не секрет, что Китай вне всякого сомнения, является ключевым «игроком» на международной арене, и имеет стратегические интересы в Азии, а конкретно в отношении соседних стран [2].

У соседних стран Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана с Китаем в послесоветский период сложился круг проблем унаследованных от СССР: геополитические, территориальные, идеологические, проблема этнических меньшинств. Распад Советского Союза привел к актуализации первостепенных вопросов. Таким образом появление у границ Китая новых независимых государств послужило основанием к переформатированию повестки дня внешней политики страны.

Изучение двусторонних и многосторонних отношений между Пекином и странами ЦАР представляет огромный интерес: решение серьезных стратегических проблем КНР и реализация ряда задач претворяется в жизнь не на многостороннем, а на двустороннем уровне. Осуществление большинства проектов в формате ШОС сдерживается как межстрановыми противоречиями существующими в Центральной Азии, а также присутствием в этой организации Российской Федерации.

Сотрудничество Китая с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном начатые в 90-е годы XX века имеет несколько этапов развития. Они были продиктованы как внешними, так и внутренними факторами.

По утверждению А. Воскресенского, хотя в официальных документах КНР сообщалось о равном и добрососедском отношении ко всем новым государствам Центральной Азии, со стороны Пекина, начиная с 1995 г. стала особенно заметной тенденция к дифференциации. Таким образом, у Пекина появились «приоритетные страны», которым они стали отводить большое значение в области развития политических, экономических, культурных связей. И страны «второго эшелона» с ними Пекин поддерживал минимальный уровень официальных контактов. По оценке А. Воскресенского, в «приоритетную» группу вошли те страны которые имеют общие границы и проблемы по сохранению национальной безопасности – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан [3]. В 90-е годы XX века существенным фактором определявшим позиции Пекина в Центральной Азии были пограничные вопросы связанные с обстановкой в СУАР.

Другой автор В. Боровой подчеркивает, что если разъединение Советского Союза создала необходимые условия для решения ряда проблем, то сепаратистские тенденции в СУАР резко обострились, из-за того что появились более менее свободные трансграничные контакты в регионе. Однако с распадом СССР и обретением суверенитета странами ЦАР у Пекина появилась потенциальная возможность стать активным игроком в регионе.

Бурный рост экономики в сочетании с амбициями Китая заявить о себе как об одном из полюсов международных отношений стало причиной возрождения влияния КНР в ЦАР.

С 2002 по 2006 гг. КНР стал поэтапно концентрировать фокус с краткосрочных целей на долгосрочные, а именно начал проникать в ключевые сектора экономики региона.

2006 г. стал своего рода рубежом как в политическом сотрудничестве со странами Центральной Азии. События произошедшие в Кыргызстане - «Тюльпановая революция», «Андижанские события» в Узбекистане, озадачили Пекин и Москву на предмет вмешательства Белого Дома во внутривосточные дела стран Евразии. Требования упразднения военных баз США в Центрально-Азиатском регионе, выдвинутое в 2005 г. Декларацией ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) в Астане завершилось уходом американских военных из Узбекистана.

После установления дипломатических связей с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, которых Пекин рассматривает в качестве «стратегического тыла», Китай в первую очередь урегулировал пограничные споры. И так, вопросы пограничных рубежей между Пекином и Астаной были разрешены в 1998 г., касательно Кыргызстана и КНР в 1999 г., а между Таджикистаном и КНР в 2002 г.

После урегулирования пограничных вопросов Пекин все свои усилия направил на обеспечение поддержки со стороны правительств центрально-азиатских стран на борьбу с «тремя силами зла» (сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом). Правительство Китая четко осознавала, что нестабильность в странах ЦА может оказать прямое влияние на политическое и экономическое развитие СУАР.

КНР приложил усилия для недопущения превращения ЦАР, в целом Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в военный оплот и каналы международного терроризма восточно-туркестанских сепаратистов.

В начале 2000 – х гг. XXI в. между странами ЦА и КНР были заключены ряд документов о совместной деятельности по борьбе с «тремя силами зла». В 2002 г. подобные документы были подписаны с РК и КР, в 2003 г. с Таджикистаном. Данный факт стал значительным дипломатическим успехом Китая в рассматриваемом регионе.

Сегодня Пекин во внешнеполитической деятельности демонстрирует отказ от применения силы и предпочитает более мягкие, несиловые механизмы публичной дипломатии. Уже в девяностых годах прошлого века концепция «мягкой силы» вошла в стратегию государства, включена в пятилетние планы развития страны. По мнению многих авторов, в настоящее время КНР стал одним из показательных образцов такой политики.

С государствами Центральной Азии подписаны Договоры и Соглашения о культурно-гуманитарном сотрудничестве, предполагающих поощрение в развитии отношений в таких сферах, как культура и искусство; организация выставок; взаимное посещение групп деятелей искусства; охрана нематериального культурного наследия; архивное дело; археологические исследования; музейное дело; охрана памятников; продвижение признания Великого Шелкового пути как объекта Всемирного культурного наследия.

Список использованной литературы

1. Лян Чженпен. Китайская политика в Центральной Азии (2000 – 2017). Дис... к.п.н. – М., 2019. – 202 с.
2. Савкович Е. В. Китай во внешней политике Республики Казахстан в 1992-2001 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Савкович. - Томск, 2005. - 26 с.
3. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. - М.: ЛЕНАНД, 2006. - 124 с.

Түйіндеме

Экономиканың қарқынды өсуі Қытайдың өзін халықаралық қатынастардың полюстерінің бірі ретінде көрсету амбицияларымен біріктіріліп, ОАР-дағы Қытай ықпалының қайта жандануына себеп болды.

Summary

The rapid growth of the economy, combined with China's ambitions to assert itself as one of the poles of international relations, has become the reason for the revival of Chinese influence in the CAR.

УДК 327

Оржанова У.К., Есеркемисова Б.А.,
ассоциированные профессора
Университета «Туран»

РОЛЬ ОДКБ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: организация, регион, безопасность, терроризм, наркотрафик.

Организация Договора о коллективной безопасности – это региональная военно-оборонительная организация, созданная в 1992 году в результате подписания договора в Ташкенте. Первоначально она называлась просто Договором коллективной безопасности (ДКБ). Ее учредителями стали шесть постсоветских государств – Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. В течение 1993 года к нему присоединились Азербайджан, Грузия и Беларусь.

По истечении пяти лет на которые был рассчитан пакт, Баку, Тбилиси и Ташкент не стали его продлевать и вышли из его состава.

В 2002 году ДКБ была преобразована в ОДКБ, через несколько месяцев были подписаны, а позднее ратифицированы Устав и Соглашение о правовом статусе.

В 2004 году Организация Объединенных наций предоставила ей статус наблюдателя в Генассамблее, тем самым признав ее в качестве региональной международной организации.

В 2006 г Узбекистан вернулся в организацию. В 2009 году начался процесс по созданию Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). На Саммите Минск и Ташкент отказались подписать такой договор. Однако, через некоторое время Беларусь дала свое согласие.

РУ так и не подписала документ и в 2012 году официально приостановила свое членство.

Создание КСОР чрезвычайно важный вопрос, который при доминировании РФ вызвал серьезные споры и недовольство государств-членов. Согласно договору коллективные силы предназначались для:

- отражения военной агрессии, которой подвергается одна из стран-участниц;
- проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом;
- противодействию транснациональной преступности и наркотрафика;
- ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В настоящее время военная сила ОДКБ состоит из примерно двадцати тысяч Коллективных сил оперативного реагирования и пяти тысяч коллективных сил быстрого развертывания.

Также в составе организации сформированы Коллективные миротворческие силы. Однако ООН не предоставила им мандата на проведение операций за рубежом.

За тридцать лет существования ОДКБ было проведено 34 встречи и заседания стран-участниц.

Сегодня в него входят шесть стран – Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. С 2013 года Сербия имеет статус государства-наблюдателя. До прихода к власти талибов, им также являлся Афганистан.

Регулярно проводятся совместные учения. Так, КСОР государств-членов ОДКБ ежегодно участвуют в отработке боевых навыков в рамках программы «Взаимодействие».

КСБР принимают участие в маневрах «Рубеж».

Миротворческие силы (полицейские) участвуют в учениях «Нерушимое братство».

Кроме того, проводится целый ряд учений с участием различных родов войск, а также разведывательных и специальных сил особого назначения. Даже эти учения касаются стратегических ядерных сил. Поскольку только Москва обладает оружием массового поражения, то вряд ли речь может на самом деле идти о каких-либо совместных действиях. Большею частью идет использование военных полигонов в других странах ОДКБ.

После январских событий в Казахстане проводится реформирование КСБР Центральной Азии, численность которых должна составить примерно четыре тысячи чел. Они будут состоять двух казахстанских батальонов, одного кыргызско-таджикского и остальные – российские. Кроме того, десять самолетов и четырнадцать вертолетов также расположены на российской авиационной базе в Кыргызстане [1]. То есть, однозначно, происходит наращивание присутствия в Кремля в регионе, что в сегодняшних условиях отнюдь не является фактором стабилизации ситуации в регионе.

По мнению аналитика Н. Каримова ОДКБ вообще образована как противовес НАТО, что подтверждается и отдельными высказываниями

российских исследователей. Даже территориальный охват организации свидетельствует об этом и что примечательно именно Россия является «основным игроком, который взаимодействует с этими зонами» [2].

Во время конфликта таджиков и кыргызов в 2010 году организация не стала вмешиваться, несмотря на то, что события угрожали перерасти в гражданскую войну. Обращение Армении во время последней войны за Нагорный Карабах, также было отклонено по причине, что не было вторжения Азербайджана на армянскую территорию.

Зато весьма оперативно силы ОДКБ, главным образом российские, отреагировали на кровавые январские события в Казахстане. Хотя президент К. Токаев и запросил помощь, как впрочем в свое время кыргызское и армянское руководство, но не был проведен, как того требует устав, экстренный совет секретарей Советов Безопасности, ни установлен факт внешнего вторжения, а введение войск все-таки состоялось.

Анализ военных расходов на содержание организации, то основная доля приходится на РФ – пятьдесят процентов, тогда как остальные члены выплачивают по десять процентов. Почему такое неравенство в распределении затрат и почему Москву это устраивает.

Во-первых, через механизм ОДКБ Кремль удерживает свое военно-политическое присутствие в Центральной Азии, части Южного Кавказа и Восточной Европы.

Во-вторых, статья семь Договора запрещает странам-участницам размещать на своей территории иностранные военные базы без согласования с остальными. Поскольку Россия фактически является ядром организации, то вполне может наложить вето. К примеру, когда Казахстан хотел предоставить порт Актау для временного базирования пункта передислокации американских войск из Афганистана, то натолкнулся на запрет Москвы.

В-третьих, члены ОДКБ не могут наладить полноценное военное сотрудничество с другими государствами. Например, для РК выгодно развивать отношения в военной сфере и закупать современное вооружение у Турции, но из-за ограничений организации, он не может осуществить такие действия.

В-четвертых, Россия размещает свои базы в ЦА, потому что ей выгодно их иметь на территориях, граничащих с Китаем.

В-пятых, Кремль активно действует как инфраструктура, обеспечивающая торговлю оружием и обучение солдат и офицеров из центрально-азиатских республик, тем самым пополняя свой бюджет и получая лояльными к себе военные кадры [2].

Более заметна деятельность ОДКБ в борьбе с угрозами терроризма и экстремизма, незаконного оборота наркотиков. С начала своего возникновения и до 2019 года включительно было изъято триста восемьдесят тонн наркотиков, свыше четырнадцати тысяч оружия. Также по линии

пресечения нелегальной миграции выявлено свыше полутора млн. нарушений, задержано более четырех тысяч находящихся в розыске людей.

По мере развития организации усложнялись задачи, которые она должна была выполнять. Так, среди них новые типы угроз, связанных с:

- гибридными войнами;
- защитой киберпространства;
- информационной безопасностью;
- прогностическими функциями;
- расширением сотрудничества с международными военно-политическими организациями;
- обеспечения прозрачности деятельности [2].

Все эти проблемы стали предметом обсуждения на конференции «Коллективная безопасность в новую эпоху: опыт и перспективы ОДКБ», прошедшей незадолго до военного вторжения РФ в Украину.

На ней поднимались вопросы о сотрудничестве с НАТО, Москва выразила удивление по поводу того, что Альянс воспринимает организацией как российскую, считая, что «остальные только существуют» [3]. Кроме того, Кремлю не нравится, что НАТО не считает ОДКБ равным себе.

Московские и Минские участники заявили, что видят в НАТО угрозу для безопасности не только России и Беларуси, но и все членам Организации Договора о коллективной безопасности. То есть, уже тогда была сделана попытка втянуть страны-участницы в противостояние с западными государствами.

Генеральный Секретарь С. Зась заявил о растущих террористических угрозах в Центральной Азии, особо выделив январские события в Казахстане и ситуацию в Афганистане. При этом было заявлено, что талибы сейчас не показывают агрессивных намерений. Однако, о том, что правительство России активно пытается наладить диалог с запрещенной организацией и принимает ее делегацию в Москве не было даже упомянуто.

По поводу кровавых событий в РК было сказано, что это первый опыт ОДКБ с введением войск и выражена убежденность, что это помогло стабилизировать ситуацию с помощью совместных усилий.

Что эта конференция проходила в условиях подготовки войны с Украиной, дает основание полагать, что Россия не считает нужным даже ставить в известность своих партнеров о предпринимаемых ею действиях. Более того, Кремль убежден в своем праве действовать как пожелает, абсолютно не интересуясь ничьим мнением. Потерпев неудачу в своих планах по взятию Киева, Москва попыталась привлечь страны ОДКБ к участию в так называемой «военной операции», нарушая Устав и Соглашение.

Конечно, Россия не ожидала такого сопротивления от Украины и объединения Запада, ответившего невиданным количеством санкций и поставками вооружения.

Список использованной литературы

1. Алёшин В. А. Россия в коллективных структурах безопасности в ближайшем геополитическом пространстве. // Военно-политический журнал. — 2009. — № 7. — С.30-34.
2. Эффективность ОДКБ в контексте меняющейся системы региональной безопасности <https://cabar.asia/ru/effektivnost-odkb-v-kontekste-menyayushhejsya-sistemy-regionalnoj-bezopasnosti>
3. Скляр Л. «Извлечь уроки из ситуации в Казахстане». В ОДКБ назвали приоритеты на 2022 год // <https://eurasia.expert/v-odkb-nazvali-prioritety-na-2022-god/>

Түйіндеме

ҰҚШҰ-ға төнген негізгі қауіптер өзгеріссіз қалады: терроризмнің, экстремизмнің, ақпараттық соғыстардың, заңсыз көші-қонның, есірткінің заңсыз айналымының таралуы және т.б. ҰҚШҰ-ның заңсыз көші-қонға, есірткінің заңсыз айналымына, сондай-ақ заңсыз айналымына қарсы тұру бойынша арнайы операцияларды жүргізуде жақсы тәжірибесі бар терроризм жаттығулары. Қазақстандағы қаңтар оқиғасынан кейін ҰҚШҰ бұл бағытты күшейтетін шығар.

Summary

The key threats to the CSTO remain the same: the spread of terrorism, extremism, information wars, illegal migration, drug trafficking, etc. The CSTO has good experience in conducting special operations to counter illegal migration, drug trafficking, as well as counter-terrorism exercises. Probably, after the January events in Kazakhstan, the CSTO will strengthen this direction.

УДК 304

Шидерина Г.Н.,
Магистр переводческого дела
Учреждение университет «Туран»

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА КАЗАХСТАНСКОГО УЧАСТКА ВДОЛЬ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Китай, Азия, культурный туризм, инфраструктура.

Великий Шелковый путь – система караванных дорог, ведущих из Китая в страны Ближнего Востока и Европы. Значительная часть этого отрезка пролегла по территории Средней Азии и Казахстана. В последние годы обращают особое внимание культурному туризму.

Культурный туризм в современном мире признан одним из основных направлений туризма. Все сказанное в полной мере относится к уровню развития туризма в целом на казахстанском отрезке Великого Шёлкового пути. Сейчас Шёлковый путь является одним из ключевых и перспективных проектов ООН, направленных на возрождение и восстановление торговых, культурных связей между востоком и западом.

В качестве самостоятельного понятия «культурный туризм» был впервые выделен официально на международном уровне в 1982 году в материалах Всемирной конференции по культурной политике ЮНЕСКО в Мехико.

На территории Казахстана проходило несколько ветвей некогда величайшего торгового сообщения между Востоком и Западом, с VI в. выделяются два основных направления: Сырдарьинское и Тянь-Шанские [1]. Транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай» проходит по территории 5 областей Казахстана. Это Актюбинская, Кзыл-ординская, Южно-Казахстанская, Жамбылская и алматинская области [2]. Удобное географическое расположение делает Казахстан полноценным логистическим хабом на Евразийском континенте. По территории Казахстана проходит все виды транспорта, соединяющие Европу и США со Средней и Юго-Восточной Азией, то есть фактически Казахстан превращается в золотой мост между Востоком и Западом. Так было в древности со времени функционирования Великого Шелкового пути и сегодня, когда она снова возрождается.

В настоящее время Шёлковый путь является одним из ключевых и перспективных проектов ЮНВТО, направляя и координируя развитие туризма вдоль международной транспортной магистрали, а также способствуя продвижению и рекламе данного туристского бренда (<http://silkroad.unwto.org>). Кроме того, регионы и страны, расположенные вдоль Шёлкового пути, реализуют собственные проекты как по созданию и развитию инфраструктуры, так и по продвижению туристского бренда уникального феномена. Целью настоящего исследования является изучение развития туристской инфраструктуры на казахстанском отрезке Великого Шёлкового пути. На территории Казахстана проходило несколько ветвей некогда величайшего торгового сообщения между Востоком и Западом, с VI в. выделяются два основных направления: Сырдарьинское и Тянь-Шанские [1]. Транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай» проходит по территории 5 областей Казахстана. Это Актюбинская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Жамбылская и Алматинская области [4]. А вот определить территорию дорожного полотна с прилегающей к ней инфраструктурой по ширине коридора вызывает затруднение. В литературе мы не смогли найти ответ на вопрос о том, как локализовать территорию пути сообщения, в связи с чем мы условно откладывали отрезки по обе стороны от транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» с тем, чтобы выделить и определить территорию дорожного полотна с

прилегающей к ней инфраструктурой. В результате было выявлено, что буферная зона с охватом всей придорожной инфраструктуры, формируется отрезками по 10 км от каждой стороны транспортного коридора. Таким образом, нам удалось локализовать территорию транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай», ширина которого максимально составляет 20 км, а длина коридора, проходящего по территории Казахстана, 2787 км [4,5]. Единицей развития инфраструктуры туризма вдоль пути будет зона придорожной инфраструктуры, границы которой вдоль коридора будут совпадать с границами административных областей Республики Казахстан, а границами поперечного сечения будет 10 километровая зона по каждую сторону от транспортного коридора. Отсюда, мы выделили 5 зон придорожной инфраструктуры вдоль транспортного коридора «Западная Европа – западный Китай»: зона придорожной инфраструктуры Актюбинской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Джамбульской и Алматинской областей. Развитие инфраструктуры туризма вдоль Великого Шёлкового пути

Исходные данные и методы исследования. Для более детального изучения туристской инфраструктуры возникает необходимость уточнения её определения, структуры и выявления основных проблем, сдерживающих её развитие. Понятие туристской инфраструктуры не является новым, но следует отметить, что в научной литературе нет единого толкования этого термина. Неоднозначность и размытость содержательного смысла понятия «инфраструктура туризма» объясняется необоснованностью четких признаков отнесения к ней отдельных видов хозяйственной деятельности, а также неопределенностью круга объектов туристской инфраструктуры. Инфраструктура туризма – это многофункциональный комплекс, состоящий из систем управления, производственной и социальной инфраструктуры, предприятий и организаций, участвующих в обеспечении туристской деятельности и предприятий туристской индустрии: гостиничная инфраструктура, инфраструктура туроперейтинга, специализированная транспортная инфраструктура, учебная инфраструктура, информационная инфраструктура, научная инфраструктура, предприятия по производству товаров туристского спроса, специализированная туристская торговая инфраструктура [5]. Состав туристской инфраструктуры носит комплексный характер и состоит из 4 основных элементов: база ночлега, база питания, коммуникационная база и сопутствующая база. В связи с чем, комплексная оценка развития туристской инфраструктуры должна базироваться на всестороннем, последовательном анализе входящих в нее элементов. Наиболее полной и объективной будет та методика оценки туристской инфраструктуры, которая опирается на существующий инструментарий и учитывает показатели официальной статистики. Кроме того, эту методику можно дополнить анализом качественных показателей развития туристской инфраструктуры, полученных с помощью экспертных оценок и на основе результатов опроса, проведенного как среди туристов, так и предприятий туротрасли. В основе методики лежит определение индекса туристской

инфраструктуры зоны транспортного коридора, количественно характеризующего уровень его развития и представляющего собой среднее арифметическое индексов четырёх входящих в него блоков. Эти блоки отражают состояние структурных элементов туристской инфраструктуры зоны транспортного пути. На первом этапе расчёта индекса туристской инфраструктуры различные показатели представляются в виде нормализованных данных при помощи соотнесения фактических значений с наилучшими в выборке. На втором этапе индексы отдельных блоков рассчитываются как среднее арифметическое величин нормализованных показателей. На третьем, заключительном этапе проводится расчёт интегрального индекса туристской инфраструктуры [6]. Апробация методики на материалах трансконтинентального проекта «Западная Европа – западный Китай», а также на материалах административных областей Республики Казахстан, позволила выделить группы территорий по уровню развития в них туристской инфраструктуры. Границы интервалов групп формировались в зависимости от среднего значения индекса туристской инфраструктуры зон транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Опираясь на последние достижения в знаниях о туристском продукте, мы выяснили, что его главной составляющей является тур, который составляет примерно 50% затрат туриста и является первичной (обязательной) единицей туристского продукта, реализуемая клиенту как единое целое и представляющая собой продукт труда туроператора на определенный маршрут и в конкретные сроки. В целом тур состоит из: 1) туристского пакета и 2) комплекса услуг на маршруте. Туристский пакет предлагается туроператором и включает в себя обязательные (обычно необходимые и достаточные) услуги на маршруте [7]. Мы постарались посчитать стоимость туристского пакета на 1 день для одного человека для каждой оцениваемой зоны и включили в стоимостную оценку следующие показатели: транспортировка туриста к месту отдыха и обратно в пределах оцениваемой зоны между крупными городами (поездом), размещение в гостинице (3-4 звезды), питание (обед и ужин). Такие потребительские стоимости как трансфер и обязательная экскурсионная и культурная программа мы решили не включать в наш туристский пакет, так как иногда туристы пренебрегают данными услугами. Результаты исследований позволили распределить выделенные зоны придорожной инфраструктуры транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» по уровню развития в них инфраструктуры туризма в 2015 году. Высокий уровень развития инфраструктуры туризма зафиксирован в придорожной зоне Алматинской области, занимающей лидирующее положение по большинству составляющих индекса. В данном случае индекс составил 372,9. В уровень с рангом выше среднего не вошла ни одна из придорожных зон транспортного коридора. Такой разрыв в индексах между зонами объясняется отставанием в развитии инфраструктуры в целом, и не только туристской, большинства областей и регионов Казахстана. Отметим также, что Алматинская область с городом Алматы являются главным туристским

центром страны, намного опережая остальные территории Казахстана. Средний уровень развития туристской инфраструктуры выявлен в придорожных зонах Жамбылской и Южно-Казахстанской областях, где значение индекса туристской инфраструктуры составляет соответственно 186,7 и 214,5. Уровень туристской инфраструктуры ниже среднего отмечается в Кызылординской и Актюбинской областях, что обусловлено низкими показателями по многим составляющим индекса. Нельзя не отметить тот факт, что транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай» проходит через крупные города Казахстана, в которых уровень развития инфраструктуры намного выше остальных территорий вдоль пути. Из комплексной карты на рисунке 6 видно, что туристская инфраструктура городов в большинстве своём занимает больше половины туристской инфраструктуры каждой из придорожных зон. Минимальное значение составляет инфраструктура города Туркестан с 17%, в то время как вместе с областным центром, городом Шымкент, который также расположен в Южно-Казахстанской области вдоль транспортного коридора, инфраструктура данных городов составляет 84% всей туристской инфраструктуры придорожной зоны Южно-Казахстанской области. Городская туристская инфраструктура города Кызылорды составляет всего лишь 47% всей туристской инфраструктуры придорожной зоны Кызылординской области. Туристская инфраструктура города Алматы составляет 82% всей туристской инфраструктуры придорожной зоны транспортного коридора Алматинской области. Таким образом, ещё раз подчеркнем преобладающую роль и значение городской инфраструктуры вдоль международного транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Согласно международному проекту «Западная Европа – Западный Китай», данные города являются международными и региональными транспортно-логистическими центрами. Выводы Исследовав туристскую инфраструктуру и распределив выделенные придорожные зоны транспортного коридора по уровню развития туризма, могут возникнуть сомнения относительно того, правильно ли проведена оценка. Речь идёт о том, что каждая из выделенных зон имеет разную длину сообщения в пределах областей. Поэтому может показаться, что протяженность зоны придорожной инфраструктуры имеет существенное значение. В данном случае, можно привести ещё один аргумент в защиту проведенных исследований и показать количество объектов туристской инфраструктуры на 100 км в пределах каждой зоны. В результате исследований мы отметили что протяженность придорожной зоны туристской инфраструктуры транспортного коридора Актюбинской области составляет 590 км, Кызылординской области 817 км, Южно-Казахстанской области 454 км, Жамбылской области 495 км, Алматинской области 431 км. Минимальную протяженность имеет придорожная зона Алматинской области, которая в свою очередь имеет самый высокий индекс развития туристской инфраструктуры. В то время как, протяженность придорожной зоны Кызылординской области составляет максимум и равна 817 км, которая

имеет самый низкий индекс развития 133,4. В результате исследования мы определили, что вся туристская инфраструктура транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» состоит из 6181 объекта. Среднее значение количества объектов туристской инфраструктуры на 100 км вдоль всего коридора (2787 км) составляет 222 объекта. Количество единиц туристской инфраструктуры на 100 км в пределах каждой из придорожных зон транспортного коридора распределяется следующим образом: зона Актюбинской области – 92 объекта, зона Кызылординской области – 81 объект, зона Южно-Казахстанской области – 275 объектов, зона Жамбылской области – 185 объектов, зона Алматинской области – 652 объекта.

Развитие инфраструктуры туризма вдоль Великого Шёлкового пути распределились в соответствии с проведенной нами комплексной оценкой развития туристской инфраструктуры и подтверждают её истинность. Стоимость туристского пакета на 1 день для одного человека в пределах каждой из оцениваемых зон варьируется от 17784 тенге (47\$ или 43€) в зоне Южно-Казахстанской области (с остановкой в городе Шымкент) до 25146 (66\$ или 61€) в зоне Алматинской области (с остановкой в городе Алматы). Лидерство в стоимости туристского пакета зоны Алматинской области объясняется более высоким уровнем жизни и потребительских стоимостей данного региона, в частности города Алматы. Переходя к обсуждению и анализу полученных результатов, мы должны выяснить и остановиться на преимуществах и недостатках развития транспортного сообщения межнационального значения вдоль некогда существовавшего Великого Шёлкового пути, связывающего запад с востоком, на примере транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» с точки зрения развития туризма в пределах Республики Казахстан. Проблемы, сдерживающие развитие в регионах инфраструктуры туризма, можно классифицировать следующим образом: инфраструктурные проблемы, связанные прежде всего с состоянием материально-технической базы и административно-правовые проблемы. К инфраструктурным проблемам следует отнести: – недостаточное развитие объектов производственной инфраструктуры; – моральный и физический износ материально-технической базы объектов инфраструктуры сферы услуг; – старение и износ основных фондов туристской инфраструктуры; – неравномерность в развитии туристской инфраструктуры районов и крупных городов области; – недостаточность необходимой сервисной инфраструктуры на рекреационных территориях; – слабую информационную оснащённость территорий (отсутствие на многих территориях громкоговорящей связи, информационных стендов и указателей, в том числе и на иностранных языках) и др. Огромное значение в данном случае имеют различные международные и национальные проекты, способствующие стремительному развитию туристской инфраструктуры вдоль пути сообщения. Таковым является трансконтинентальный транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай», который был взят нами для комплексной оценки развития туристской инфраструктуры. В

рамках данного проекта предпринимаются значительные шаги по совершенствованию материально-технической базы. Кроме того, государство предпринимает значительные меры для развитию системы административно-правового регулирования. Республику Казахстан в 2014 году в местах размещения посетило 3 808 894 человек, в том числе: Актюбинскую область – 85017 человек, Кызылординскую область – 41487 человек, Южно-Казахстанскую область – 133306 человек, Жамбылскую область – 97376 человек, Алматинскую область вместе с городом Алматы – 957961 человек. В данном случае, отметим тотальное превосходство Алматинской области вместе с городом Алматы в посетителях. Здесь тоже есть о чём подумать. Единый транспортный коридор позволит увеличить количество туристов в Актюбинской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской областях, которые предпочитают в основном путешествовать в Алматинскую область. Развитие туристской инфраструктуры вдоль транспортного коридора позволит разработать интересный и привлекательный маршрут[7]. Государственные власти принимают значительные меры по упрощению визовых формальностей. Для туристов из стран СНГ действует безвизовый режим для въезда и путешествия по территории Казахстана, кроме Туркменистана, гражданами которого необходимо сделать визу после 30-дневного пребывания. Помимо этого, в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 26 июня 2015 граждане таких стран дальнего зарубежья, как Австралийский Союз, Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Федеративная Республика Германия и другие освобождаются от визовых требований на срок до 15 календарных дней с момента пересечения государственной границы в период с 16 июля 2015 года по 31 декабря 2017 года. Безвизовый режим действует для граждан Турецкой Республики. А вот для граждан Китая виза необходима после пребывания в течение 30 дней на территории Казахстана. Данные государства являются главными поставщиками иностранных туристов в Республику Казахстан.

В результате исследования было установлено, что вдоль казахстанской части международного транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» насчитывается 6181 объект придорожной туристской инфраструктуры. Среднее количество объектов туристской инфраструктуры на 100 км казахстанской части транспортного коридора составляет 222 единицы. По итогам проведения комплексной оценки максимальный индекс развития туристской инфраструктуры имеет придорожная зона Алматинской области, индекс которой составляет 372,9 из 400. В свою очередь, отметим значительное отставание и большую разницу в развитии придорожной туристской инфраструктуры вдоль транспортного коридора зон Жамбылской, Южно-Казахстанской, Кызылординской и Актюбинской областей с зоной Алматинской области [12]. Ещё одним примечательным трендом является преобладание доли городской туристской инфраструктуры над долей остальной части туристской инфраструктуры в пределах каждой

зоны с диапазонов процентов городской доли от 47 до 84. Методом использования современных онлайн систем бронирования была установлена стоимость туристского пакета в пределах каждой оцениваемой зоны транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай», которая колеблется от 43 до 61 евро на одного человека за один день. Нетронутым остаётся вопрос развития туристской инфраструктуры вдоль отрезков Великого Шёлкового пути соседних государств и стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе вдоль всего международного транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Это позволит рассматривать Шелковый путь как один из самых больших международных туристских кластеров, имеющий беспрецедентные перспективы в будущем.

Список использованной литературы

1. Байпаков К.М. Шёлковый путь в Казахстане: взаимодействие культур Евразии // Мир путешествий. – Ноябрь. – Алматы: ИП «Мир путешествий», 2009. – С. 18-21.
2. Возрождение Великого Шелкового пути в XXI веке: от теории к практике. Совместный проект Международного союза автомобильного транспорта и редакции polpred.com. — М., 2007. — 65 с.
3. Robela R.R. The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia: [Electronic document] // History: Reviews of New Books. – 2004. – Vol. 32, Iss. 2. – P. 77-78. 15 <http://silkroad.unwto.org/>
4. Возрождение Шелкового пути для формирования евроазиатских автотранспортных связей // Информационный документ, представленный министерством коммуникаций Китая на Сессии министров транспорта Экономической комиссии ООН в Азиатско-Тихоокеанском регионе (UNESCAP). — Октябрь 2006 г., Южная Корея.
5. Ердаuletов С.Р. Туризм Казахстана: учебное пособие. / Коллектив авторов под ред. Ердаuletова С.Р. – Алматы: Бастау, 2015. – 520 стр.
6. Величкина А.В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2. – С. 239-250.
7. Ботаева З.Ф. Древняя транснациональная торговая магистраль-великий шелковый путь // Сборник материалов с конференции «Наука и образование», Астана, 2014
8. Смаилов А.А. Казахстан в цифрах. Статистическая брошюра. Астана, 2013
9. Верхотуров Д. Китай создает Новый Шелковый путь // Эксперт Казахстан. — 2007. — 4 июня. — № 21 (123).
10. Ердаuletов С.Р. География туризма: Учебник для изучения курса «Основы туризмологии»: 2-е изд., доп. и перераб. – Алматы: Казак университеті 2010 – 412 с.

11.Казахская часть в Великом Шёлковом пути. Великий Шёлковый путь в Казахстане. www.kazakhstan.orexca.com/, 2013.

12.Можарова В.В. транспорт в Казахстане: Современная ситуация, проблемы и перспективы развития: Монография Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011- 2016 с.

13.Grabowski C. P., Geng W. European Silk Road Tourists' and Their Tour Guides' Perceptions of Product and Service Quality: [Electronic document] //www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J162v01n04_06). Verified 12.10.2008.

14.Satke R., Galdini F. Between East and West: Kazakhstan and China's new Silk Road / R. Satke, F. Galdini // Revista cidob d afers internacionals. – Barcelona, 2015. - №110. – P. 87-112.

15. <http://stat.gov.kz>

16. <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vizovyj-rezhim-rk-s-drugimi-gosudarstvami>

Түйіндеме

Қазіргі әлемде мәдени туризм туризмнің негізгі бағыттарының бірі ретінде танылды. Жоғарыда айтылғандардың барлығы Ұлы Жібек жолының қазақстандық учаскесіндегі жалпы туризмнің даму деңгейіне толығымен қатысты. Қазір Жібек жолы – Шығыс пен Батыс арасындағы сауда және мәдени байланыстарды жандандыруға және қалпына келтіруге бағытталған БҰҰ-ның негізгі және келешегі зор жобаларының бірі.

Резюме

Cultural tourism is one of the main directions of tourism in the modern world. All of the above is fully related to the level of tourism development in the whole Kazakhstan section of the Great Silk Road. Now the Silk Road is one of the key and promising projects of the UN, aimed at the revival and restoration of trade and cultural ties between the East and the West.

УДК .930.221(5)

Каримова З.К.
к.и.н., ассоц профессор,
Университет «Туран»

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МИГРАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ КИТАЯ В КАЗАХСТАН (XIX- XX ВВ.)

Ключевые слова: миграция, Китай, Казахстан, письменные источники, история, историография.

Возникновение независимых мусульманских ханств в результате народных восстаний во второй половине XIX века в Восточном Туркестане

серьезно беспокоили правительства ряда держав, которые имели свои политические и экономические интересы по отношению к данному региону[1]. В правительственных кругах царской России считали, что образование новых государств тюркоязычных народов в Восточном Туркестане представляют большую опасность для западной части Туркестанского края, где Российская империя все еще полностью не закончила свою завоевательную политику. Большие опасения были как у Российских властей, так и у правителей Цинской империи, поскольку, на протяжении многих веков тюркские народы проживающие в этом регионе тесно контактировали друг с другом, и создали единое историко-культурное пространство. Активно принимали совместное участие почти во всех исторических и политических событиях происходящих в регионе. Так, попытки оказания помощи восставшим братьям со стороны казахов, киргизов и узбеков народам Восточного Туркестана уже наблюдались. Так, по словам Н. Аристова, - «Киргизы - байджигиты, кыдай, суваны, атабаны, бугинцы и даже сарабайгинцы из долины р. Чу. тотчас по восстании мусульман в Чугучаке и Кульдже устремились за границу из желания помочь магометанским единоверцам... Все киргизы, которые кочевали близко к границе, зимой 1864-1865 гг. пользуясь отсутствием на границе наших отрядов, выставлявшихся только на лето, присоединились к инсургентам. Не только пограничные, но и почти вся масса киргизов, в том числе и казавшиеся дотоле весьма преданными, явно сочувствовала восстанию, сносились тайно с инсургентами и без сомнения приставали бы к инсургентам, если бы укочевка не была невозможна зимой за недостатком подножного корма для скота. Они не только принимали участие в восстании уйгур и дунган, но и оказывали им существенную помощь продовольствием» [2, 171 с.]. Поводом для вторжения в Илийский край, так же послужили, действия Йакуб-бека, занявшего войсками южный склон Музартского перевала и центр дунганского ханства г. Урумчи, который по некоторым сведениям, намеревался предпринять поход в Илийскую долину, с целью присоединения Илийского султаната к своим владениям [3]. Еще одной важной причиной оккупации Илийского края, по мнению исследователей, являлось то, что военные действия происходившие в приграничных районах мешали развитию торговых связей и приносили серьезный ущерб экономике.

Исходя из этих соображений, царское правительство приняло решение на особых совещаниях 10 февраля и 2 мая 1871 г. о занятии Кульджинского края, представлявший собой важную стратегическую позицию между Джунгарией и Кашгарией.

Поводом к открытию военных действий послужила попытка казахов из рода кызай в конце 1870 г. откочевать в Кульджу. Бегство волостного управителя кызаевцев прапорщика Тазабека в апреле 1871 г. в Кульджу и отказ Илийского султана выдать его в назначенный срок заставили генерала Г.А. Колпаковского усилить пограничные отряды и послать особый отряд.

Таким образом, в июне 1871 г. Илийский край, где после свержения цинской администрации утвердилась власть правителей Таранчинского султаната, был занят русскими войсками, и в последующие 10 лет находился под юрисдикцией Российской империи. Однако по истечении срока под давлением мировой общественности начались переговоры о возвращении края Китаю. Возник вопрос о дальнейшей судьбе уйгуров и дунган, которые принимали активное участие в национально-освободительных движениях против Цинских властей. В 1881 году был заключен Санкт-Петербургский мирный договор между двумя империями, в результате которого уйгуры и дунгане получили право в течение года принять решение о переселении на территорию Семиреченской области.

Летом 1881 года жителям Илийского края русскими властями были объявлены условия Санкт-Петербургского договора, а с августа по декабрь 1881 года специальные комиссии производили опрос и перепись населения, с целью выяснения числа желающих перейти в подданство России, и выселиться в ее пределы. Оказалось, что желают переселиться примерно 100 тыс человек - 1365 семей уйгуров, 1308 семей дунган и все казахи края [4]. Но, в силу определенных проблем связанных с экономическими и аграрными вопросами в Семиречьи до начала 1884 года переселилось всего 9572 уйгурских семей, насчитывавших 45373 человек, и 1147 дунганских семей, насчитывавших 4682 человек. По статистическим данным российских властей в Илийском крае остались 2565 уйгурских и 346 дунганских семей [5, 82 с.]. Так, в результате ряда политических событий произошла одна из крупных миграций народов из Восточного Туркестана в Западный Туркестан, т.е. в Семиречье.

Вопросы миграции уйгуров и других народов из Китая в Казахстан привлекали внимание исследователей из различных стран. Первыми трудами, описывающими массовое переселение илийских уйгуров и других мусульманских народов из Китая в Семиречье можно назвать исторические произведения авторов-очевидцев из Восточного Туркестана, которые были непосредственными свидетелями и участниками тех событий. Одним из таких работ является исторический труд Сайида Мухаммада Каший *«Шархи шикасте наме»*, написанный на классическом уйгурском (тюрко-чагатайском) языке в Восточном Туркестане [6]. Точная дата написания произведения не известна, но принимая во внимание сведения источника, можно полагать, произведение было написано в начале 1880-х годов, когда уже был подписан Санкт Петербургский договор 1881-года, и когда уже точно было известно в каких районах Семиречья будут расселены переселенцы. В *«Шархи шикасте наме»* автор в поэтической форме подробно рассказывает о событиях побудивших их к переезду, причинах, внутреннее состояние людей, которые с огромной болью в душе оставляют родные места и своих близких. В источнике, так же встречаются сведения о том, что группу переселенцев будут расселяют в местности Чилик. Сведения

источника о переселении были использованы А. Хидоятовым при написании статьи «О переселении илийских уйгуров в Семиречье» [7].

Другой источник, так же написанный очевидцем событий переселения называется «*Гулжаниң вақиәтләриниң баяни*» («Изложение событий в Кульдже»). Автор сочинения человек по имени Касим бек. Он был в числе переселенцев и более подробно останавливается на причинах побудивших его к переезду и сам процесс переселения. Сочинение написано на арабской графике на уйгурском языке, хранится в Институте рукописей Санкт Петербургского филиала Института Востоковедения РАН [8]. Но, в известный труд А. Мугинова «Описание уйгурских рукописей института народов Азии» произведение не вошло, видимо по этой причине, о нем не было известно широкому кругу исследователей [9]. В каталоге Л.В. Дмитриевой описание источника дается в разделе рукописные произведения из Синьцзяна [10]. Сведения источника по истории Кульджи во второй половине XIX и о переселении мусульман были переведены на английский язык и введены в научный оборот известным ученым Дэвидом Брофи в книге «Уйгурская нация: реформа и революция на российско-китайской границе» [11].

Среди работ местных историков можно упомянуть исторический очерк известного уйгурского общественного деятеля начало XX веков Н. Абдусемятова «*Таранчилар тарихи*». Литографический текст сочинения был издан в 1922 году в городе Верный (Алматы), где на основе сведений очевидцев и исторических сочинений автор рассказывает об истории Илийских уйгуров, в том числе и о масштабном переселении уйгуров в Семиреченский край [12].

Наряду с местными историками интересные сведения о массовом переселении мусульманского населения в 1881-1883 годов из Китая в Казахстан представляют российские дореволюционные исследователи П.П. Румянцева, Д. Федоров, И. Селицкого, Н. Аристов и т.д. В трудах этих авторов рассматриваются различные аспекты переселения уйгуров в Семиречье. Так, П.П. Румянцева останавливается на причинах миграции и дает более подробную информацию о расселении уйгуров и дунган, приводит статистические данные по численности переселенцев, видам их деятельности и т.д [13]. По мнению Н. Аристова в Семеречье были переселены 10.201 семей, в числе 47.911 душ [14], по данным И. Селицкого, - 11000 семей [15]. Не менее интересны сведения Д. Федорова, который утверждает, что до переселения 1881-1883-х годов на южном берегу реки Или уже существовали таранчинские (уйгурские) селения. В качестве примера приводит названия сел Кольжат, Кетмень, Дардамты, Актан, Хонихай [16]. Эти сведения подтверждаются данными из сочинении Билала Назима «*Газат дар мулки Чин*», который был посвящен восстанию 1864 года мусульманских народов Илийского края против маньчжурских правителей, в результате которой возник Илийский Султанат [17].

В советское время проблема миграции уйгуров и других народов из Китая долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Лишь, в 1949 и 1950 годах были защищены две кандидатские диссертации – М. Кабировым (Кабиров 1949) [18] и М. Тургуновым (Тургунов 1950) [19] по переселению уйгуров из Илийского края в Семиречье. В последующим на основе материалов одной из них была опубликована монография М.Н. Кабирова «Переселение илийских уйгуров в Семиречье» [20]. В данной монографии автор используя архивные материалы и сопоставляя их со сведениями дореволюционных исследователей делает попытку комплексного изучения вопроса, и впервые обращается к образцам устного народного творчества, используя народные песни посвященные тем событиям в качестве исторического источника.

В 1950-1970 годах тему переселения уйгуров и дунган затронули известные ученые Ю.Г.Баранова [21] и А. Хидиятов [7].

В первые годы независимости тема миграции уйгуров из Китая в Казахстан, как и проблема миграции в целом, специальному изучению не подлежала. Начало изучения межгосударственных миграций между Казахстаном и Китаем было положено книгой Г. Мендикуловой, написанной в соавторстве с Б. Атантаевой в 2008 г. «История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг.» [22]. В ней на основе документальных архивных и статистических материалов впервые в казахстанской историографии была реконструирована история казахстанско-китайских межгосударственных миграций в дореволюционный и советский периоды. Авторы книги подробно описывают как первое масштабное переселение 1881-1883 х годов, и вторую массовую миграцию казахов, уйгур и других народов из Синьцзяна в 1950-1960 гг.

В изучении миграционных процессов из Китая в Казахстан особое значение имеют труды С. Б. Кожировой, в которых исследованы почти все этапы миграционных волн в Среднюю Азию и Казахстан [23].

Отдельно следует выделить монографии и статьи Е.Ю. Садовской, в которых осуществлен глубокий анализ современных миграционных процессов в Казахстане, рассматриваются новые формы и виды миграций в постсоветский период. Очень важны и интересны данные автора об этнической структуре современных миграций из Китая в Казахстан [24].

Большой вклад в изучение миграционных процессов из Китая в Казахстан внес казахстанский ученый А.К. Камалов. Рассматривая вопросы миграции, исследователь утверждает, что основой миграции 1950-1970-х годов были события предыдущих времен, когда наряду с хозяйственными нуждами (поиски пастбищ для скота, воссоединение с членами семьи, коммерция и др.), большое значение для массовых миграций из Семиречья в Синьцзян имели политические коллизии на территории России (СССР) (восстание 1916-года, гражданская война, коллективизация, голодомор) [25].

Новый подход к изучению миграции 1950-1970-х гг. из Китая, связанный с изучением устных историй мигрантов, открыла статья У. Кларка

и А. Камалова), в которой впервые были использованы свидетельства ныне живущих в Казахстане мигрантов. Сравнительно - сопоставительный анализ устных историй с архивными данными позволят впервые создать полную картину миграционного процесса, выявить и охарактеризовать причины, ход и последствия миграции [26].

В 2022 году была издана коллективная монография «Устная история миграции 1950-1970 гг. из Китая в Казахстан», подготовленная в рамках грантового проекта МОН РК, которая подробно освещает многие вопросы миграции казахов, татар, уйгуров, дунган и русских из Китая в Казахстан [27].

Одной из самых свежих работ по миграции казахов, уйгуров и дунган из Китая в Семиречье является статья Д. В. Васильева и С.А. Асановой, которая рассматривает историю миграции китайских подданных с территории Синьцзяна (Восточного Туркестана) в 1860–1880-х гг. и мероприятия российской администрации, направленные на адаптацию мигрантов к новым социально-политическим и экономическим условиям [28].

Исходя из этого, можно утверждать, хотя история миграции народов из Восточного Туркестана в Западный Туркестан была достаточно рассмотрена отечественными и зарубежными учеными, некоторые ее аспекты (Н: миграция уйгуров в Туркменистан) все еще требуют более тщательного изучения.

Список использованной литературы

1. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – перв. пол. XIX вв. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983, Нарочницкий
2. Аристов Н. Наши отношения к дунганам, Кашгару и Кульдже. Материалы для статистики Туркестанского края СПб, 1873 г., вып. 2
3. Мұса Сайрамы. Тарих-и амнийа. – Үрүмчи: Милләтләр нәшрияти, 1989. – 434 б.
4. Баранова Ю.Г., Жандосов А.У., О вынужденной миграции и переходе в российское подданство различных групп мусульманского населения Кульджинского края Синцзяна // «Туған өлке», N1(6), 2006, С. 70-85.
5. Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата: Наука, 1951. 154 с.
6. Сайид Мухаммад Каший. Шархи шикаста наме // Рукопись Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН. Шифр С 1929
7. Идоятов А. Национально-освободительное движение Илийских уйгуров XIX веке // Переселение илийских уйгуров в Семиречье., Алматы, - 1978, - 108 с.
8. Касим бек. Гулжанин вакиатларинин баяни // Рукопись Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН. Шифр В 4018

9. Мугинов А.М. Описание уйгурских рукописей Инс-та народов Азии. – М.: Изд-во вост. лит, 1962. – 207 с.
10. Дмитриева Л.В., Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук, - М.: Вост. Лит., 2002. – 616 с.
11. Brophy David. Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russian-China Frontier. – Cambridge MA – London Eng.: Harvard University Press, 2016. – 347 с.
12. Абдусмятов Н. Таранчи түркләриниң тарихи. –Верный, - 1922. – 47 ЛЛ.
13. Румянцев П.П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. — СПб, 1914. — Т. V. Таранчи.
14. Аристов Н.А. Записки об этническом составе тюркских племен и народностей. Сведения об их численности. — СПб: Живая старина, 1897. — Вып. III–IV. — С. 168.
15. Селицкий И. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы (Экономическо-этнографические очерки и бытовая жизнь джаркентских таранчей и дунган). — Казань: Типография Императорского университета, 1905.
16. Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края / Сост. Ген. штаба подполк. Д. Федоровым ; Под ред. Ген. штаба ген.-майора Тихменева. - Ташкент : Штаб Туркест. воен. округа, 1903.
17. Билал Назим Ғазат дәр мүлки чин – Алматы: Изд. «Мектеп», - 1987. – С. 64-144.
18. Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Алма-Аты, 1949
19. Тургунов М.К. Переселение уйгуров-таранчей из Китая в Семиречье и последующее их землеустройство. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Ленинград. 1950. 19 с.
20. Кабирова М.Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата: Наука, 1951. 154 с
21. Баранова Ю.Г. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881-1883 гг. / Ю.Г. Баранова // Труды сектора востоковедения. Т. 1. – Алма-Ата. – 1959. – С. 49-50.
22. Мендикулова Г.М., Атантаева Б.Ж. История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860-1960-е гг. Алматы: изд-во “Са-га”, 2008. 232 с
23. Кожирова С.Б. Уйгуры Центральной Азии: история «миграционных волн». Центральная Азия: проблемы истории и современности. Академия гуманитарных наук, Варшава, Польша. 2007, №2-4 (11-13), с.103-110.
24. Садовская Е.Ю. Миграции в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. - Алматы: Ғылым, 2001. - 236 с.; Садовская Е.Ю. 59 Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в Казахстане. - Алматы: Ғылым, 2001. - 216 с.

25. Камалов А. К. Миграция 1950-1970-гг. из Китая в Казахстан: факторы и основные этапы // Отан тарихы №3 (95) 2021. – С. 144-152.
26. Clark W., Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers // Central Asian Survey. #23(2). 2004. 167-182 pp.
27. Устная история миграции 1950-1970 гг. из Китая в Казахстан. Ответ. ред. А.К. Камалов. Алматы: ИД «Мир», 2022. – 252 с.
28. Васильев Д.В., Асанова С.А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 34–46.

Түйіндеме

Мақалада ХІХ ғасырдың екінші жартысы және ХХ ғасырда халықтардың Қытайдан Қазақстанға миграциясына байланысты оқиғаларға тарихнамалық талдау жүргізеді. Автор осы оқиғалардың тікелей қатысушысы болған тарихшылардың қол жазбаларымен қатар зерттеуші-ғалымдар тарпынан жазылған арнайы ғылыми еңбектерге тарихнамалық шолу жасайды.

Abstract

The article provides a historiographical analysis of the events related to the migration of peoples from China to Kazakhstan in the second half of the 19th century and in the 20th century. The author makes a historiographical review of special scientific works written by researchers-scientists, as well as handwritten notes of historians who were direct participants in these events.

УДК 237

Абаева Айгерим Булатовна
Магистр политических наук
Университет «Туран»

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: современная система международных отношений, Версальско-Вашингтонская система, Ялтинско-Потсдамская система.

Современная система международных отношений — термин в теории международных отношений, обозначающий систему МО, пришедшую на смену Ялтинско-Потсдамской с распадом СССР и прекращением биполярного противостояния. На данный момент современная система МО еще находится в процессе концептуализации, что не позволяет говорить о существовании единого теоретического подхода.

Переходный период от биполярной системы — ряд процессов, связанных с демонтажем биполярной системы МО и становлением

современной системы. В настоящий момент продолжаются дискуссии о хронологических рамках этого процесса, однако большинство исследователей сходится в том, что переходный период начался в середине 1980-х годов и продолжается до сих пор.

Начало демонтажа биполярной системы МО связывают с развернутой руководством СССР во главе с М.С. Горбачёвым политикой, направленной на радикальное обновление страны («перестройка») в сочетании с внешнеполитическим курсом, направленным на преодоление конфронтации и сближение с Западом («новое мышление») [1].

Содержание начальной фазы переходного периода связано с преодолением биполярной дихотомии в международных отношениях и окончанием холодной войны. Основные события начальной фазы — попытка внутриполитических преобразований в СССР, приведшая к его распаду, серия «бархатных революций» в странах социалистического содружества, воссоединение Германии и преодоление раскола Европы.

Если начальная фаза связана с исчезновением основных атрибутов биполярности, то содержание второй фазы составляют процессы выстраивания новых международных институтов, моделей внешнеполитического поведения, принципов самоидентификации. События, относящиеся к этой фазе: Расширение ЕС и НАТО, в том числе за счет ряда бывших стран ОВД, стремящихся отдалиться от России и найти новую международно-политическую идентичность. Переосмысление роли НАТО в условиях исчезновения «угрозы с востока», отразившееся в новой Стратегической концепции альянса от 2010г. Формирование новых региональных институтов на постсоветском пространстве — СНГ, ОДКБ, Союзного Государства и др. Возникновение ряда конфликтов, в т.ч. на этнической и религиозной почве, в связи с распадом биполярности и образованием геополитического вакуума - события на территории бывшей Югославии, конфликт в Нагорном Карабахе, события в Ираке и т.д. Постепенное формирование современной внешнеполитической доктрины России и определение целей внешней политики в новых условиях. Возрастание влияния негосударственных субъектов международных отношений.

Завершающая фаза переходного периода характеризует текущее состояние международных отношений, когда полноценная система МО практически сформировалась, но не достигла достаточной стабильности и отчасти еще находится в процессе трансформации. Для текущего этапа характерно увеличение роли стран развивающегося мира, их стремление расширить свое влияние до уровня традиционных центров силы, таких как США, Европа, Китай [2].

Версальско-Вашингтонская система международных отношений - это набор международных договоров и институтов, которые были созданы после Первой мировой войны для установления мира, сотрудничества и правопорядка в мировой политике. Она получила свое название от двух

ключевых событий - Парижского мирного договора 1919 года, также как Версальский договор, и ряда соглашений, подписанных в результате Вашингтонской конференции 1921-1922 годов.

Парижский мирный договор 1919 Основные положения Парижского мирного договора включали: 1. Установление новых границ после распада империй, таких как Австро Венгрия, Османская и Российская империя. 2. Потеря Германией значительных территорий в пользу соседних стран. 3. Определение границ новых государств, таких как Польша и Чехословакия. 4. Создание механизмов коллективной безопасности, таких как Лига Наций, с целью предотвращения будущих конфликтов. 5. Установление репараций, которые Германия должна была выплачивать победившим державам в качестве компенсации за ущерб, причиненный войной.

Вашингтонская конференция Основные положения Вашингтонской конференции включали: 1. Были разработаны Лондонские договоры, которые определили ограничения численности флотов основных морских держав и предложили ограничения по строительству военных судов. 2. Была создано Комиссия по сокращению вооружений и разоружению с целью ограничения и контроля военной мощи и вооружений. 3. Разрешение территориальных споров 4. Было создано Всемирное экономическое совещание, чтобы обсудить проблемы экономического восстановления после войны и установить новую международную экономическую систему. 5. В результате конференции был подписан Вашингтонский договор, в котором участники обязались сократить свое военное строительство, соблюдать ограничения численности флота и сотрудничать в обеспечении общей безопасности [3].

США были недовольны итогами Парижской мирной конференции. Они чувствовали себя «обделенными», так как послевоенное устройство мира не отвечало их интересам. В марте 1920 г. сенат не ратифицировал Версальский договор, а вскоре США перешли во внешней политике на позиции изоляционизма и «полной свободы рук». Особенно усилилась внешнеэкономическая экспансия США. По этому вопросу они столкнулись не только с давним лидером в мировой торговле — Англией, но и с набиравшей силу Японией. Для урегулирования численности морских вооружений и положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также с целью компенсировать неудачи в Версале США добились созыва международной конференции на своей территории. Она проходила в Вашингтоне с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г.

В результате достигнутых на конференции соглашений Япония — основной соперник американцев в этом регионе — лишалась ряда преимущественных прав в Китае и части полуострова Шаньдун. Впервые соотношение американских и английских крупнотоннажных линкоров и авианосцев было установлено в пропорции 5:5. Автоматически терял силу англо-японский союзный договор 1902 г., затрагивавший интересы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Систему международных отношений, которая сложилась после окончания Второй мировой войны и просуществовала до начала 1990-х годов, принято называть Ялтинско-Потсдамской. На конференциях в Ялте и в Потсдаме руководителями государств «Большой тройки» – СССР, США и Великобритании – были разработаны основные принципы послевоенного устройства мира. Ялтинская конференция проходила 4 – 11 февраля 1945 года. К этому времени исход войны, по большому счёту, был уже ясен. Основное внимание Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль уделили не обсуждению вопросов ведения совместных военных действий, а определению новых границ на тех территориях, которые были оккупированы нацистской Германией. Также встал вопрос об определении сфер влияния союзников по антигитлеровской коалиции после окончания войны. Кроме того, необходимо было создать механизмы, которые бы обеспечили выполнение принятых решений в послевоенное время. Ясно было, что разгром общего врага вновь выдвинет на первый план те политические противоречия, которые существовали между СССР и странами Запада. Уже весной-летом 1945 года по предложению Уинстона Черчилля разрабатывались планы действий на случай начала войны Великобритании и США против СССР – операция «Немыслимое». По вопросу проведения новых границ Сталин, Рузвельт и Черчилль достигли соглашения. Был признан переход восточных областей Польши до линии Керзона (Западных Беларуси и Украины, а также Виленского края) в состав СССР. Союзники приняли решение об оккупации Германии. Её территория делилась на оккупационные зоны СССР, США и Великобритании.

В марте зона оккупации была выделена и для Франции. Также обсуждался вопрос об отделении от Германии Восточной Пруссии. На конференции было достигнуто так называемое «Соглашение о процентах» – договор о разделе на сферы влияния Юго-Восточной Европы: Греции, Югославии, Румынии, Венгрии, Болгарии. В случае вступления в войну против Японии Советский Союз получал право претендовать на включение в свой состав южной части острова Сахалин и Курильских островов и на аренду Порт-Артура и КВЖД. Хотя, обсуждая вопрос о репарациях, союзники так и не смогли прийти к соглашению относительно суммы, тем не менее, было решено, что 50 % всех платежей получит СССР, как наиболее пострадавшая сторона. В Ялте была подписана «Декларация об освобождённой Европе». Это документ предполагал, что после войны будет соблюдаться право народов на суверенное развитие, а союзники будут совместно помогать им в этом, уважая их политический выбор. В реальности, в зонах своего влияния каждая из сторон поддерживала те силы, которые были им идеологически близки, и Европа разделилась на Восток – социалистический лагерь и Запад – лагерь капитализма.

На конференции было принято и ещё одно важное решение: создать международную организацию, которая могла бы обеспечить соблюдение установленных границ государств и сфер влияния. Тем самым, устранялись

бы возможности для начала новой мировой войны. Эта организация получила название ООН – Организация Объединённых Наций. Предусматривалось, что каждая из великих держав станет постоянным членом руководящего органа ООН – Совета Безопасности – и будет обладать правом вето, то есть правом запретить принятие любого решения. Сталин добивался, чтобы членами ООН стали, кроме СССР в целом, все советские республики. Формально, согласно Конституции Советского Союза, они имели права суверенных государств, в том числе и право на выход из состава СССР. Но в итоге было принято компромиссное решение: членами-учредителями ООН становились лишь Белорусская и Украинская ССР, как республики, наиболее пострадавшие от войны. 25 апреля 45-ого года в Сан-Франциско начала работу международная конференция, которая должна была разработать Устав Организации Объединённых Наций. Он был подписан странами-учредителями 26 июня. День ООН ежегодно отмечается 24 октября. Именно в этот день в 1945 году Устав Организации Объединённых Наций вступил в силу. Острые споры вызвали претензии СССР на расширение своего влияния на Юге. Территориальные претензии к Турции и требования благоприятного для Советского Союза режима в проливах Босфор и Дарданеллы не были поддержаны британской и американской стороной. 16 июля в штате Нью-Мексико произошло первое в мире испытание ядерного оружия. Во время конференции Трумэн, как бы между прочим, сообщил об этом Сталину [4].

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений в значительной степени определила мировой порядок после Второй мировой войны и привела к возникновению новых международных институтов и структур. Однако она также способствовала возникновению напряженности и конфликтов, которые сформировали основу Холодной войны, и влияли на многие события и политические решения в последующие десятилетия [5].

Венская международная система, сложившаяся после Наполеоновских войн. Была нормативно закреплена в Вене Венским конгрессом 1814—1815 годов, участвовали представители всех европейских государств за исключением Османской империи. В рамках этой системы впервые было сформулировано понятие великие державы (тогда в первую очередь Австрия, Великобритания, Россия), окончательно оформилась многосторонняя дипломатия. Многие исследователи называют Венскую систему международных отношений первым примером коллективной безопасности, что было актуально на протяжении 35 лет, до начала Крымской войны. Также были систематизированы и унифицированы дипломатические ранги (посол, посланник и поверенный в делах) и четыре типа консульских учреждений. Были определены дипломатический иммунитет и дипломатическая вализа.

Список использованной литературы

1. Внешняя политика России. 1991–2016 / под общ. ред. А. В. Торкунова; отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевишников. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 6.

2. Бажанов Е. П. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2.

3. Краутхаммер Ч. Момент однополярности иностранных дел // Америка и мир. 1990/1991. Т. 70. № 1.

4. Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы МО// Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25

5. Внешняя политика России. 1991–2016 / под общ. ред. А. В. Торкунова; отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевишников. М.: МГИМО-Университет, 2017. – 538 с. [Vneshnjaja politika Rossii. 1991–2016 / pod obshh. red. A. V. Torkunova; otv. red. E. M. Kozhokin, A. L. Chechevishnikov. M.: MGIMO-Universitet, 2017. – 538 s.].

Түйіндеме

Халықаралық қатынастардың қазіргі жүйесі әлі де тұжырымдамалау процесінде, бірақ оның дағдарыстық компонентін қазір ажыратуға болады. Биполярлық жүйенің бұзылуына әкелген Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін күштердің арақатынасы өзгерді, өзара әрекеттесудің жекелеген принциптері өзгерді, бірақ қырғи қабақ соғыстың жалпы негізі, рухы мен институттары бүгінгі күнге дейін сақталып келеді. Әлемдік жүйенің бір бөлігі осы ережелерді халықаралық деңгейге экстраполяциялай отырып, «мемлекеттіліктің либерал-демократиялық құрылымының баламасыздығы» туралы идеологемалармен жұмыс істеуі керек болған жағдайда, Мәскеу шартты «Батыс блогына» кірмейтін көптеген елдермен тең дәрежеде халықаралық тәртіпті полицентрлік ресімдеуді қолдайды.

Summary

The modern system of international relations is still in the process of conceptualization, but its crisis component can be identified already now. After the collapse of the Soviet Union, which led to the scrapping of the bipolar system, the balance of forces changed, certain principles of interaction were transformed, but the general basis, spirit and institutions of the cold War continue to persist today. At a time when part of the world system continues to operate with ideologems about the "lack of alternative to the liberal democratic structure of statehood" with the extrapolation of these provisions to the international level, Moscow, along with many countries that are not part of the conditional "Western bloc", advocates a polycentric design of the international order.

ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА-ПУТИ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: водная безопасность, трансграничные реки, Сырдария, Иртыш, Или, Китай, инициатива «Пояса-Пути», сотрудничество.

Ограниченность водных ресурсов особенно сильно ощущается в Центральной Азии. Именно в этом регионе мира особо губительным образом проявляют себя глобальное изменение климата и хронический перерасход имеющихся резервов. При этом водные ресурсы в Центральной Азии не только ограничены, но и неравномерно распределены и по-разному используются. В то время как расположенные выше по течению больших рек Сырдарья и Амударья, богатые водными ресурсами государства (Таджикистан и Кыргызстан) ввиду отсутствия альтернатив используют воду в основном для выработки электроэнергии в зимнее время, государствам, расположенным ниже по течению (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) вода требуется главным образом для орошения сельскохозяйственных угодий в летний период. Особенно проблематичным положение становится прежде всего из-за ошибок в управлении водными ресурсами, допускаемых водопользователями (например, таких, как расточительный расход воды и неэффективное орошение с использованием устаревших ирригационных сооружений). Символом критичности сложившейся в регионе ситуации с водными ресурсами стала природная катастрофа в Приаралье, являющаяся, по сути, результатом ошибочной ирригационной политики. Ограниченность водных ресурсов, ошибки в управлении водным хозяйством и разнонаправленность интересов – все эти факторы обуславливают тот факт, что вопрос распределения водных ресурсов в Центральной Азии включает в себе большой конфликтный потенциал. Эффективное управление водными ресурсами, напротив, способно обеспечить стабильность и безопасность и является, таким образом, основной предпосылкой устойчивого экономического развития.

Согласно Посланию Президента РК Касым-Жомарта Токаева от 1 сентября 2023 проблема доступности и качества водных ресурсов остается актуальной проблемой для Казахстана. С учетом тенденции роста населения и экономики к 2040 году дефицит воды в Казахстане может достичь 12-15 миллиардов кубических метров. Наша страна зависит от ресурсов трансграничных водных источников, в частности из 8 водохозяйственных бассейнов 7 являются трансграничными. Поэтому проведение выверенной

водной политики, решение вопросов трансграничного водопользования – это важнейшие задачи в обеспечении водной безопасности РК. В настоящее время двумя основными проблемными темами между Казахстаном и Китаем являются «рациональное и справедливое» вододеление и предотвращение загрязнения водных ресурсов трансграничных бассейнов рек Иртыш и Или. Острота проблемы водообеспечения Республики Казахстан обусловлена ограниченностью водных ресурсов, неравномерностью распределения их по территории, значительной изменчивостью во времени, высокой степенью загрязнения. В последнее время в связи с обострением водных проблем в мире и в особенности в странах Центральноазиатского региона вопросы устойчивого водообеспечения Республики Казахстан являются стратегически важными.

Две наиболее важных трансграничных бассейна рек Или и Иртыш являются стратегически важным направлением гидрополитики Китая, ориентированным на развитие промышленности и сельского хозяйства в Синьцзяне [Но, 2017]. В настоящее время, китайская сторона для развития Синьцзян уйгурского автономного округа и его нефтяной промышленности вокруг города Карамай перебрасывает из бассейна Иртыша около 800 миллионов м³ воды ежегодно [Медеу А.Р., Мальковский, Толеубаева, 2012]. В частности, неизбежное увеличение заборов воды в Китае, могут существенно осложнить ситуацию: уменьшится сток Черного Иртыша, сократится приток к Бухтарминскому водохранилищу, пострадают качество иртышской воды и общая экологическая обстановка; а опыт Сырдарьи показывает, что возможно и уменьшение пропускной способности русла основной водной артерии [Медеу А.Р., Мальковский, Толеубаева, 2012]. Река также обеспечивает питьевой водой столицу Астану, так же, как и три других главных города - Караганду, Семей и Павлодар.

Тем не менее надо отметить, что ряд заключенных двусторонних соглашений между Китаем и Казахстаном в сфере ТВР демонстрирует готовность Китая к переговорам. Переговорный процесс между Казахстаном и Китаем в водном вопросе относительно по вопросам использования трансграничных рек Иртыша и Или был организован в 1998 год. В результате проведенных переговоров была создана совместная рабочая экспертная группа по трансграничным рекам [Сарсембеков, 2004]. Начиная с 1998 года, между Казахстаном и Китаем прошли пять раундов переговоров по проблемам управления трансграничными реками. Работа по согласованию Соглашения касательно вододеления трансграничных рек Иртыш и Или находятся на стадии разработки и еще потребуются немало усилий, чтобы эти соглашения были подписаны на правительственном уровне [Зонн, 2018].

Геополитическая значимость Казахстана для КНР в свете обеспечения безопасности СУАР, самого беспокойного китайского региона, вынуждает Китай идти на определенные уступки по тем вопросам, по которым ранее Поднебесная не стала бы искать компромисс. Стабильная политическая обстановка вокруг СУАР будет способствовать экономическому росту, равно

как и умиротворению региона. Кроме того, не надо забывать, что Казахстан выступает поставщиком углеводородного сырья и транзитером в КНР газа из Туркмении. В рамках китайской стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» и реализации инициативы «Один пояс – один путь» объясняется особое внимание Китая к позиции Казахстана, стремление привлечь его к инфраструктурным и экономическим проектам. В этой связи наряду с финансовой выгодой Китай заинтересован в формировании позитивного имиджа своей страны. Исходя из этой логики, достигнутый определенный прогресс по вопросу ТВР можно частично объяснить стремлением КНР улучшить свою репутацию, известную неуступчивостью по проблеме пользования водами трансграничных рек. Наибольшими возможностями для участия в ЭПШП на Центрально-Азиатском пространстве обладает Казахстан, который своей приоритетной задачей ставит развитие транзитного потенциала за счёт привлечения части грузопотока по направлению Китай – Европа. Для достижения этой цели в 2016 году был подписан план сотрудничества в сопряжении ЭПШП с казахстанской национальной программой «Нурлы Жол». Этот акт председатель КНР Си Цзиньпин назвал одним из наиболее значимых результатов ОПОП в политической сфере [Laguette, 2018]. Однако в последнее время началась работа по изучению физического воздействия ЭПШП, пересекающего хрупкие полузасушливые ландшафты северо-запада Китая и Центральной Азии [Rolland, 2017], что показывает, как часто игнорируется физический и социальный ландшафт региона, а инфраструктурные проекты представляют значительные экологические риски [Sternberg et al., 2017].

Анализ официальных двусторонних деклараций, опубликованных обеими странами с момента официального появления ЭПШП в 2013 году, демонстрирует как политические и экономические устремления инициативы повлияли на управление трансграничными водами, лишив перспективы «успешных» переговоров в подписании Соглашения по водodelению. Это связано с усилением формализации трансграничных отношений и подчинением водного вопроса другим областям, которые считаются более важными с точки зрения китайско-казахстанского сотрудничества. В рамках соглашений сотрудничество по укреплению ЭПШП является приоритетным, при этом положения, касающиеся решения вопросов трансграничных вод, всегда ставятся ниже других областей, таких как безопасность, торговля энергией и развитие транспортного и сельскохозяйственного секторов [Zheng, 2018].

Казахстан был одной из первых стран, поддержавших эту инициативу, согласовав свое участие со своей амбициозной целью стать транспортным и логистическим центром в Евразии. Эту цель недавно подчеркнул президент Касым-Жомарт Токаев в своем обращении к нации. По меньшей мере 11 международных транспортных коридоров проходят через Казахстан, и страна стремится увеличить долю транспорта и логистики в своем ВВП до 9% в

течение следующих трех лет. Китай и Казахстан активно занимаются производственным потенциалом и инвестиционным сотрудничеством, сформировав список из 52 проектов общей стоимостью более 21,2 млрд долларов США. Такое сотрудничество также распространяется на зеленые, цифровые, научные и технологические области.

Проект модернизации Шымкентского НПЗ и запуск нефтехимического комплекса в Атырауской области помогли Казахстану, Программы по возобновляемым источникам энергии, включая ветряную электростанцию Жанатас, Тургусунскую ГЭС и фотоэлектрическую электростанцию в Алматы, дают возможности Казахстану перейти к низкоуглеродному развитию в достижении углеродной нейтральности к 2060 году. По официальным данным, к концу 2022 года общая установленная мощность проектов возобновляемой энергетики с участием китайских предприятий в Казахстане превысила 1000 мегаватт.

Таким образом, дискурс, представленный общественности в официальных двусторонних декларациях и сообщениях государственных СМИ, заключается в том, что переговоры по бассейнам Или и Иртыша являются успешными и являются признаком растущего сотрудничества между двумя странами [Brassett, 2023]. Казахстанские эксперты из правительственных министерств подчеркивают готовность Китая сотрудничать по экологическим вопросам, в то время как эксперты из Казахстана ученые резко критикуют переговоры и считают, что судьба озера Балхаш повторяет судьбу Аральского моря [Киселева, 2021]. Двусторонние переговоры, проходящие в этом контексте, приводят к тому, что казахстанскому правительству приходится искать тонкую грань между гарантиями того, что оно не оскорбит своего более могущественного соседа, но с другой стороны, и не полной уступкой требованиям Китая. Таким образом, публичное стремление улучшить распределение воды посредством переговоров, вероятно, останется важной частью попыток государства показать, что ситуация находится под контролем.

Отсутствие успеха в подписании Соглашения о водodelении в бассейнах трансграничных рек на официальных переговорах не уменьшает возможностей, которые открываются в рамках инициативы «Пояс-Путь». Между тем, растущие инвестиции Китая в сельское хозяйство как в животноводстве (Илийский район), так и в пшеничном секторе (Иртыш) также позволяют предположить, что взаимосвязь (нексус) между водой, энергией и продовольствием может стать катализатором усиления координации выгод обеих стран. Таким образом, решения по управлению трансграничными водами должны будут учитывать влияние инициативы «Один пояс – один путь» на все взаимосвязи, а не фокусироваться исключительно на распределении воды как таковом [Zheng, 2021]. В рамках этой взаимосвязи растет необходимость инвестиций ЭПШП для решения проблемы неэффективности в сельскохозяйственном секторе, поскольку он остается основным водопользователем как в бассейнах Или, так и в

бассейнах Иртыша. В бассейне Иртыша высокое водопотребление сельского хозяйства и низкий уровень модернизации промышленности ограничили рентабельность сельского хозяйства в бассейне. Таким образом, инвестиции ЭПШП в модернизацию сельского хозяйства в бассейне могли бы повысить эффективность и улучшить водную безопасность Казахстана, оказывая меньшее давление на его трансграничные водные ресурсы. Фактически, ЭПШП также предоставляет новые возможности, которые потенциально могут повлиять на управление водными ресурсами за пределами официальных переговоров. В рамках инициативы «Пояса-Пути» Китай мог бы способствовать принятию «нексусного подхода» к управлению водными конфликтами в Центральной Азии. Нексусный подход признает, что водная, энергетическая и продовольственная системы неразделимы. На производство продуктов питания приходится 70 процентов общего мирового забора пресной воды, что делает его крупнейшим потребителем воды [Stucki, 2016]. Вода также необходима для производства, транспортировки или использования всех форм энергии. Между тем, цепочка производства и поставок продуктов питания потребляет около 30 процентов всей мировой энергии. Энергия необходима для производства, транспортировки и распределения продуктов питания, а также для добычи и очистки воды.

Возможности, представленные ЭПШП, позволяют предположить, что инициатива может повлиять на управление трансграничными водами за счет повышения эффективности распределения и использования воды в бассейнах Или и Иртыша. При правильной реализации это могло бы повысить устойчивость к последствиям изменения климата и способствовать более тесному сотрудничеству для будущих разработок в сельское хозяйство или инфраструктуру.

Таким образом, усилия в области систем производства продовольствия и энергии могут помочь смягчить водный дефицит в Центральной Азии. Хотя сельское хозяйство потребляет 70 процентов пресной воды в Центральной Азии, 50–80 процентов ее расходуется впустую из-за неисправных ирригационных систем [Сериккалиева, 2019]. Модернизация сельского хозяйства поможет держать под контролем региональные водные конфликты. Китай может многое предложить на этом фронте. Во-первых, обладая достаточными валютными резервами, Китай мог бы инвестировать в отсталую сельскохозяйственную инфраструктуру Центральной Азии, особенно в модернизацию ее ирригационных систем.

Однако, в целях снижения зависимости ЦАГ от Китая в виде накопления странами неприемлемого уровня долга ввиду того, что многие проекты BRI финансируются за счет кредитов китайских банков, стратегически важным направлением политики стран Центральной Азии, в частности Казахстана, является сопряжение BRI с инициативой ЕС по развитию устойчивых связей во всем мире. «Все страны выиграют, если инициатива «Один пояс, один путь» и инициатива европейской связности будут объединены, особенно страны Центральной Азии, не имеющие выхода к морю. Европейская и

китайская стороны должны способствовать превращению Центральной Азии в крупный транспортный коридор. Это в интересах всех стран", - сказал узбекский дипломат.

Хотя страны, участвующие в инициативе «Пояс и путь», увидели положительное влияние на улучшение инфраструктуры, сохраняются некоторые серьезные проблемы, включая устойчивость долга и экологические соображения. Не решая ключевого вопроса о трансграничных реках с Китаем, ресурсы которых являются стратегическими для нашей страны, представляется весьма сложным достижение целей устойчивого развития.

Список литературы

1.Хо, С. (2017). Политика Китая по трансграничным рекам в отношении Казахстана: проблемы и стимулы для сотрудничества, Водные ресурсы, 42:2, 142-162, DOI: 10.1080/02508060.2017.1272233

2.Сообщение Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана: "Экономический курс Справедливого Казахстана". Доступно на <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588>

3.Киселева, Т. 2021. Проблема Балхаша: Нужен ли Казахстану второй Арал. 365info.kz. Получено 13 июня 2021 г., с <https://365info.kz/2021/04/problema-balhasha-nuzhen-li-kazahstanu-vtoroj-aral>

4.Ларуэль, М. (2018). Инициатива "Пояс и путь" Китая и ее влияние на Центральную Азию (с. 67-76). Университет Джорджа Вашингтона.

5.Медеу А.Р., Малковский И.М., Толеубаева Л.С. (2012). Водная безопасность Республики Казахстан: проблемы и решения // Вопросы географии и геоэкологии. - № 4. - С. 7-17.

6.Ролланд, Н. (2017). "Инициатива 'Пояс и путь' Китая: неудовлетворительная или игровой изменитель?" Квартальный обзор Вашингтона 40, № 1): 127–142.

7.Брассет, Дж., Акмади, М. и Штернберг, Т. (2023) Взгляд за переговоры: влияние "Пояса и пути" на трансграничное водное управление между Китаем и Казахстаном, Международный журнал развития водных ресурсов, 39:3, 361-381, DOI: 10.1080/07900627.2022.2090905

8.Сарсембеков Т., Нурушев А., Кожиков А., Оспанов М. (2004). Использование и защита трансграничных рек в странах Центральной Азии - Алматы: Издательский дом "Атамура", 2004 г. - С. 272.

9.Сериккалиева, А. (2019). Инициатива "Пояс и путь": Сельскохозяйственные проекты в Казахстане. Евразийский институт исследований. Еженедельный бюллетень, 225. <https://eurasian-research.org/wp-content/uploads/2020/07/Weekly-e-bulletin-16-09-2019-22-09-2019-No-225.pdf>

10. Stucki, V., Wegerich, K., Rahaman, M. M., & Varis, O. Ред., (2016). Вода и безопасность в Центральной Азии - решение головоломки Рубика. Раутледж.

11. Дженг, С. (2018). Китайско-казахстанское сотрудничество по трансграничным водным ресурсам в рамках инициативы "Пояс и путь". Тихоокеанский журнал, 26 (5), 63–71. 2014.12.011

12. Зонн И.С., Жилцов С.С., Семенов А.А., Костяной А.Г. (2018). Трансграничные реки Казахстана и Китая. Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление • № 4 (27).

13. Дженг, С. (2021). Исследование сотрудничества по трансграничному распределению водных ресурсов Китай-Казахстан: Анализ готовности и реализации политики. Водные ресурсы международные, 46(1), 19–36. <https://doi.org/10.1080/02508060.2021.1871718>

Түйіндеме

Азиядағы су ресурстарының шектеулілігі және мемлекеттердің ұлттық мүдделерінің алшақтығы Орталық Азиядағы су ресурстарын бөлу мәселесінде жоғары қақтығыс әлеуеті бар екенін анықтайды. Суды тиімді басқару тұрақтылық пен қауіпсіздікті қамтамасыз ете алады және осылайша тұрақты экономикалық дамудың негізгі шарты болып табылады. «Белдеу және жол» бастамасы ұсынатын мүмкіндіктер бұл бастама Сырдария, Іле және Ертіс өзендері бассейндерінде суды бөлу және пайдалану тиімділігін арттыру арқылы трансшекаралық суды басқаруға әсер етуі мүмкін екенін көрсетеді. Ауыл шаруашылығын жаңғырту аймақтық су жанжалдарын бақылауға көмектеседі. Бұл тұрғыда Қытайдың ұсынатыны көп. Біріншіден, жеткілікті валюталық резервтерге ие бола отырып, Қытай Орталық Азияның артта қалған ауыл шаруашылығы инфрақұрылымына, әсіресе климаттың өзгеруінің әсеріне төзімділікті арттыру жағдайында оның суару жүйелерін жаңғыртуға инвестиция сала алады.

Resume

The limited water resources in Central Asia and the divergence of national interests of states determine the fact that the issue of distribution of water resources in Central Asia contains a high conflict potential. On the contrary, effective water management can ensure stability and security and is thus a key condition for sustainable economic development. The opportunities provided by the BRI suggest that the initiative could impact transboundary water management by improving the efficiency of water distribution and use in the Syrdarya, Ili and Irtysh river basins. Modernization of agriculture will help control regional water conflicts. China has a lot to offer in this regard. First, with sufficient foreign exchange reserves, China could invest in Central Asia's lagging agricultural infrastructure, especially modernizing its irrigation systems in the context of increasing resilience to the impacts of climate change.

Тлеубекова Корлан
PhD докторант
КазНУ имени аль-Фараби

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОСТЫ: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ДИНАМИКИ КАЗАХСТАНСКО- БРИТАНСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ И ТОРГОВЛИ

Ключевые слова: Казахстан, Великобритания, экономический союз

Казахстан, как крупнейшее евразийское государство, расположенное в Азии и частично в Европе, включил в свои стратегические интересы как западное, так и восточное направления. Однако с самого начала суверенной истории внешней политики Казахстана большое внимание и значение уделялось европейскому вектору. Это было обусловлено высокой степенью экономической и политической интеграции в регионе. Одним из ключевых партнеров Казахстана в Европе изначально стала Великобритания.

Развитие партнерских отношений с Великобританией отвечает стратегическим интересам Казахстана. Внимание к британской стороне вызвано тем, что Великобритания, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, будучи одним из экономических лидеров во всей Европе, в определенной мере может способствовать продвижению казахстанских интересов на международной арене. Не менее важен для Казахстана и успех демократических реформ в этой стране. Интерес Великобритании к Казахстану вызван наличием на территории огромных запасов нефти, газа и других полезных ископаемых.

В октябре 1991 г. состоялся первый в истории двусторонних отношений визит Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева в Соединенное Королевство, заложивший фундамент для интенсивного развития двусторонних взаимоотношений. В ходе этого визита Н.А.Назарбаев представил РК, уделив особое внимание инвестиционным возможностям молодого государства.

Казахстан и Соединенное Королевство развивают прочные экономические и торговые отношения, подкрепленные значительными инвестиционными потоками и стратегическим сотрудничеством в различных секторах. Двусторонние связи между двумя странами демонстрируют динамичный рост, при этом Великобритания является одним из основных торговых партнеров Казахстана и крупным инвестором в его экономику.

После Brexit казахстанско-британские отношения столкнулись со множеством проблем и возможностей. С одной стороны, последствия Brexit вызвали обеспокоенность по поводу экономических и геополитических сдвигов. Казахстан пережил значительный спад в торговле с Европой после

своего вступления в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в 2015 году, и были опасения, что Brexit может еще больше подорвать экономику Казахстана. Эта ситуация усугублялась опасениями, что улучшение отношений между ЕС и Россией может привести к тому, что Казахстан еще больше повернется в сторону Китая, что потенциально усугубит внутреннее беспокойство по поводу китайского влияния. Выход Великобритании из ЕС рассматривался как потенциальный удар по усилиям Казахстана по поддержанию сбалансированной внешней политики и перспективам его экономического роста, учитывая роль Великобритании как крупного инвестора и моста в Европу [1].

Тем не менее, Великобритания выразила оптимизм по поводу будущего своего стратегического партнерства с Казахстаном после Brexit. Посол Великобритании в Казахстане подчеркнул, что основы стратегического партнерства между Великобританией и Казахстаном останутся неизменными. Британские компании продолжают торговать и инвестировать в Казахстан, а поток казахстанских студентов в учебные заведения Великобритании остается высоким. Выход Великобритании из ЕС привел к усилиям по обеспечению преемственности в двусторонних отношениях посредством новых соглашений, которые повторяют действие Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве (ЕРСА) между ЕС и Казахстаном [2].

Основными направлениями казахстанско-британского торгово-экономического сотрудничества являются энергетика, разведка и добыча полезных ископаемых, строительство, социальная инфраструктура, здравоохранение, транспорт и связь, консалтинговые услуги. Значительно активизировалось сотрудничество в финансовой и банковской сферах. Основные статьи казахстанского экспорта представлены минеральными продуктами, феррохромом, сталью, медью, шерстью, кожевенным сырьем, удобрениями, драгоценными и полудрагоценными металлами. В структуре импорта преобладают оборудования и технические аппаратуры, транспортные средства, оптические приборы, химические, алкогольные и табачные продукции, текстиль, продукция пищевой промышленности и др. На сегодняшний день, Казахстан пользуется преимуществами более чем 550 британских предприятий, действующих на его территории, включая такие крупные компании, как Shell и Ernst & Young, что свидетельствует о сильном британском деловом присутствии. Двусторонний товарооборот между Казахстаном и Великобританией значительно увеличился, увеличившись на 60% и достигнув 1,8 миллиарда долларов. Заметным достижением в сотрудничестве двух стран является соглашение о дорожной карте стратегического партнерства в области важнейших полезных ископаемых на 2023-2024 годы, а также меморандум о сотрудничестве в области высшего образования между Министерством высшего образования и науки Казахстана и Департаментом бизнеса и торговли Великобритании [3].

В ноябре 2021 г. состоялось 8-е ежегодное заседание казахстанско-британской Межправительственной комиссии. Казахстан является

единственной страной Центральной Азии, которой удалось институционализировать сотрудничество с Соединенным Королевством через такой широкий механизм взаимодействия, как межправительственная комиссия [4].

Ранее, в ходе девятого заседания Казахстанско-британской межправительственной комиссии, обе страны обязались укреплять свое партнерство в секторах торговли, инвестиций, фармацевтики, энергетики и образования. На этой встрече было подчеркнута намерение расширять экономическое, технологическое и инвестиционное сотрудничество, уделяя особое внимание возобновляемым источникам энергии, важнейшему сырью и редкоземельным металлам. Объем двусторонней торговли только в 2022 году вырос на 58,7%, демонстрируя процветающие экономические отношения [5].

Казахстан и Великобритания развивают все более крепкие взаимовыгодные связи, обладающие большим потенциалом. Валовой приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в РК из стран Европейского союза (ЕС) и Великобритании за 2021 год достиг почти 11,2 млрд долл. США - сразу на 23,8% больше по сравнению с 2020-м и на 0,9% больше по сравнению с «докоронакризисным» 2019-м. При этом в 2019 году доля стран ЕС и Великобритании от совокупного объёма иностранных инвестиций в РК составляла 45,3%, в 2020-м выросла до 52,6%, а за 2021 год уменьшилась до 47,3%.

Большинство действующих компаний из стран ЕС и Великобритании — 887 предприятий - работают в сфере торговли и авторемонта. Следом идут профессиональная, научная и техническая деятельность (419 компаний), а также финансовая и страховая деятельность (283 предприятия) [6].

По итогам 2022 года Великобритания занимает шестое место среди основных инвесторов в экономику Казахстана. В 2022 году товарооборот между Казахстаном и Великобританией составил 1,8 млрд долларов. Это на 58,5% больше, чем годом ранее (1,2 млрд долларов), передаёт [Orda.kz](https://orda.kz) со ссылкой на Министерство нацэкономики. Экспорт из Казахстана в Великобританию за год вырос на 70,9% и составил 1,5 млрд долларов. Рост экспорта в Великобританию обоснован увеличением поставок таких товаров, как: нефть сырая - на 643,1 млн долларов, медь и катоды из меди - на 76,4% или на 45,3 млн долларов, алюминий необработанный - на 43,9 млн долларов. Импорт в Казахстан из Великобритании за январь-декабрь 2022 года вырос на 24,3% и составил 384 млн долларов [7].

Динамику казахстанско-британских отношений наглядно демонстрирует количество контактов на высоком уровне. Со стороны Казахстана государственные и политические визиты осуществлялись на президентском уровне: первый Президент РК – Елбасы Н.А.Назарбаев посещал Великобританию 9 раз (в 1991 г., 1992 г., 1994 г., 1997 г., 2000 г., 2006 г., 2012 г., 2013 г. и 2015 г.). Кроме того, Первый Президент РК – Елбасы Н.А.Назарбаев встречался с британскими Премьер-министрами в рамках

международных мероприятий (с Д.Кэмероном – 17 октября 2014 г. на полях Миланского саммита АСЕМ, Т.Мэй – 4 сентября 2016 г. на полях Саммита G20 в Ханьчжоу (Китай) и 19 октября 2018 г. на полях саммита «Азия-Европа» в Брюсселе).

Со стороны Великобритании, с Казахстаном познакомились члены королевской семьи – наследник британского престола Принц Чарльз (1996 г.), Принцесса Анна (1993 г.), Герцог Глостерский (2000 г., 2017 г.), Принц Эндрю – Герцог Йоркский, являвшийся специальным представителем Великобритании по вопросам торговли и инвестиций (2003 г., 2006 г., 2007 г. и 2010 г.) и принц Майкл Кентский (2009г.). Только в 2013 г. состоялся первый в истории двусторонних отношений государственный визит Премьер-министра Великобритании Д.Кэмерона в Казахстан, по итогам которого было принято Совместное заявление о стратегическом партнерстве двух стран [8].

На уровне глав МИД создана эффективная структура двустороннего взаимодействия – Стратегический диалог. Курс на последовательное укрепление стратегического партнерства двух стран был подтвержден в ходе визита в Лондон делегации МИД РК во главе с Заместителем Министра иностранных дел Р.Василенко 24 октября 2019 г. В рамках визита прошла встреча с Госминистром Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании К.Пинчером [8]. В Стратегии «Казахстан-2030» отмечалось, что вовлечение компаний из США, России, Китая, Великобритании и других ведущих государств в разработку Каспийского шельфа и Карачаганакского месторождения усилит заинтересованность ведущих держав в Независимости Казахстана. Можно сделать вывод о том, что данный стратегический расчет Н.А. Назарбаева полностью оправдался. В Казахстане представлены практически все ведущие энергетические корпорации мира, инвестировавшие десятки миллиардов долларов [9].

Таким образом, интересы Казахстана и Великобритании взаимосвязаны и направлены на развитие дружественных и взаимовыгодных отношений. Сегодня можно говорить об интенсивном взаимодействии в сфере политики, экономики и культуры. Благодаря постоянным визитам и встречам на высоком уровне, деятельности официальных и деловых кругов, Великобритания признает Казахстан как динамично развивающуюся страну и как надежного партнера. Великобритания стала одним из главных торгово-экономических партнеров Казахстана в Европе. Инвестиционные возможности Великобритании оказали огромную помощь в развитии казахстанской экономики.

Список использованной литературы

1. Samuel, R. Brexit's Impact on Kazakhstan / Ramani Samuel. — Текст : электронный // The Diplomat: [сайт]. — URL:

<https://thediplomat.com/2016/07/brexits-impact-on-kazakhstan/> (дата обращения: 19.02.2024).

2. Shayakhmetova, Zh British envoy optimistic about future of UK-Kazakhstan strategic partnership after Brexit / Zh Shayakhmetova. - Текст: электронный // The Astana times : [сайт]. — URL: <https://astanatimes.com/2020/02/british-envoy-optimistic-about-future-of-uk-kazakhstan-strategic-partnership-after-brexit/> (дата обращения: 19.02.2024).

3. Nakispekova, A. Kazakhstan and UK Strengthen Economic Ties. - Текст: электронный // The Astana times: [сайт]. URL: <https://astanatimes.com/2023/11/kazakhstan-and-uk-strengthen-economic-ties/> (дата обращения: 19.02.2024).

4. Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенным Королевством Великобритании. - Текст: электронный // GOV.KZ: [сайт]. - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/495?lang=ru> (дата обращения: 19.02.2024).

5. Report, S. Kazakhstan, UK Pledge to Strengthen Economic, Commercial Ties / S. Report. Текст : электронный // The Astana times : [сайт]. URL: <https://astanatimes.com/2023/02/kazakhstan-uk-pledge-to-strengthen-economic-commercial-ties/> (дата обращения: 19.02.2024).

6. Почти половина прямых иностранных инвестиций в РК приходится на страны ЕС и Великобританию. - Текст: электронный // Finprom: [сайт]. URL: <https://finprom.kz/ru/article/pochti-polovina-pryamyh-inostrannyh-investicij-v-rk-prihoditsya-na-strany-es-i-velikobritaniyu> (дата обращения: 19.02.2024).

7. В какие отрасли казахстанской экономики инвестируют британцы. — Текст: электронный // Orda.kz: [сайт]. URL: <https://orda.kz/v-kakie-otrasli-kazahstanskoj-ekonomiki-investiruyut-britancy/> (дата обращения: 19.02.2024).

8. Губайдуллина М.Ш. Каким было сотрудничество Казахстана и Великобритании в годы правления Елизаветы II // Zakon.kz, 09 сентября 2022 (<https://www.zakon.kz/mir/6024388-ukhod-korolevy-kak-skazhetsia-na-kazahstane-smena-pristola.html>)

9. Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенным Королевством Великобритании. Текст: электронный // GOV.KZ: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/495?lang=ru> (дата обращения: 19.02.2024).

10. Рогов, И.И. Становление и развитие современной казахстанской государственности / И. И. Рогов. Нур-султан, 2019. 360 с.

Түйіндеме

Бұл мақалада Қазақстан мен Біріккен Корольдік арасындағы кеңейіп келе жатқан экономикалық одақ талданады, елеулі инвестициялар мен сауда көлемі есебінен стратегиялық әріптестіктің өсуі, Ұлыбританияның негізгі еуропалық әріптес ретіндегі рөлі атап өтіледі. Мақалада Brexit-тен кейінгі

Қазақстан-Британ ынтымақтастығының болашағын қалыптастыратын өзара мүдделерді көрсететін сын-қатерлер мен мүмкіндіктер талқыланады.

Summary

This article analyzes the expanding economic union between Kazakhstan and the United Kingdom, emphasizes the growth of strategic partnership through significant investments and trade volumes, and emphasizes the role of the United Kingdom as a key European partner. The article discusses the challenges and opportunities after Brexit, reflecting mutual interests shaping the future of Kazakh-British cooperation.

УДК 327

Бақытқызы А.,
«Тұран» университеті,
«Халықаралық қатынастар»
мамандығының 2 курс магистранты,
Ғылыми жетекші, PhD Төлен Ж.М.,
«Тұран» университеті,
“Аймақтану және халықаралық қатынастар”
кафедрасының меңгерушісі

“COVID-19 ПАНДЕМИЯСЫ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ МЕМЛЕКЕТТЕРІНІҢ ГЕОСАЯСАТЫ”

Кілт сөздер: пандемия, коронавирус, Орталық Азия, Қазақстан, Қырғызстан, геосаясат, даму, экономика.

Белгілі бір елдің өмірі бір кеңістікпен, мемлекетпен байланысты екендігі белгілі. Халықтардың сол кеңістікте өмір сүріп, оны бақылап, көрші мемлекеттермен қалыпты стратегия жүргізе алу өнерін геосаясат деп атайды. Соңғы он жылдықта адамзат баласының ең үлкен қасіреті – COVID-19 пандемиясы. Бүкіл әлемді дүрсілкіндірген індет барлық салада өз ізін қалдырғанын көріп жүрміз. Ал Орталық Азия елдеріне геосаяси салдары қандай деңгейде болғанын анықтау осы мақаланың негізгі сұрағы.

Орталық Азия елдері бүкіл әлем сияқты коронавирустық індет мәселесіне, оның экономикалық және әлеуметтік салдарына тап болды. Инфекцияның алғашқы жағдайлары Қазақстанда 2020 жылдың 13 наурызында, Өзбекстанда 15 наурызында, Қырғызстанда – 18 наурызында ресми тіркелді. Бұл республикалардың билігі COVID-19-дың алғашқы құрбаны болған елдердің тәжірибесін талдай отырып, вирустың алғашқы жағдайлары анықталғаннан кейін қатаң карантиндік шараларды енгізу жолын таңдады. Әсіресе, Қазақстан, Өзбекстан және Қырғызстан билігі COVID-19 вирусының барын және одан қайтыс болғандарды растай отырып, індеттің

бастапқы кезеңінде мемлекеттік деңгейде қатаң шаралар енгізді. Мектептер жабылды, оқушылар онлайн оқытуға көшірілді, барлық ойын-сауық пен спорттық іс-шараларға тыйым салынды, діни конфессиялардың қызметтері, соның ішінде мешіттердегі жұма намаздары тоқтатылды. Қырғызстан, одан кейін Қазақстан мен Өзбекстан 21 наурызда мұсылмандардың дәстүрлі Наурыз мерекесін тойлаудан бас тартты. Қазақстан мен Қырғызстанда төтенше жағдай (төтенше жағдай) белгіленді, бірқатар ірі қалалар мен жекелеген облыстарда күшейтілген төтенше жағдай режимі енгізілді. 19 наурызда Қазақстанның ірі қалалары – Алматы, Астана және Шымкентте карантин енгізілді. Бұл қалалар мен олардың маңайындағы адамдардың қозғалысын бақылау үшін жол торлары орнатылып, қарулы күштердің биологиялық қорғаныс бөлімшелері дезинфекциялау жұмыстарын жүргізе бастады. 20 сәуірден бастап Қазақстанда эпидемияға қарсы режим жеңілдетілді – құрылыс және жол құрылыс компаниялары, құрылыс базарлары, көлік ұйымдары, автосалондар, автожуу, химиялық тазалау және т.б – нотариустарға дейін жұмыс істей бастады. Сонымен қатар, бірқатар облыстарда эпидемиологиялық жағдайдың нашарлауына байланысты карантиндік режим күшейтілді. Елдегі карантиндік шаралар 10 мамырға дейін ұзартылды.

Эпидемиямен күресудің ұқсас сценарийі Қырғызстанда қабылданды, онда одан да қатаң шектеулер, атап айтқанда, көшеде дәлелді себепсіз жүру үшін ғана емес, сонымен қатар бетпердесіз жүргені үшін айыппұлдар қолданылды. Сонымен қатар, президент С.Жээнбековтың жарлығымен Бішкекте коменданттық сағат енгізілді. Пандемиядан кейінгі қалпына келтіру жұмыстарында Қазақстан Республикасы аса белсенділік көрсетті. Атап айтсақ, 2022 жылғы 16 маусымда Алматыда «COVID-тен кейін Орталық Азияны қалпына келтіру жолында» тақырыбындағы Тұрақты даму мақсаттары бойынша екінші өңірлік саммит өтті. Саммитті Қазақстан Республикасының Үкіметі Қазақстандағы БҰҰ Даму бағдарламасымен бірлесе отырып, Еуропалық Одақ пен Азия даму банкінің қаржылық қолдауымен ұйымдастырды.

Өзбекстан Республикасының төртінші премьер-министрі Абдулла Арипов пандемиядан кейінгі ТДМ жетістіктерінің тиімділігін арттыру бойынша ұтымды ұсыныстарды айтты. Атап айтсақ:

- біріншіден, мемлекеттің экономикаға қатысуын қысқарта отырып, оның рөлін дәйекті түрде реформалау — билік органдарының басқарушылық қызметінің тиімділігін, олардың азаматтар алдында есеп беруін арттыру, шешімдер қабылдаудың ашықтығын қамтамасыз ету, сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес, электрондық үкіметті белсенді түрде енгізу;

- екіншіден, жеке меншік секторының өсуін ынталандыру және тұрақты әрі сапалы жұмыс орындарын құру — жер, еңбек және қаржы ресурстарын бөлу тетіктерін жақсарту, қызметкерлердің құқықтарын қорғауға назар аудары отырып, осы саладағы нормативтік-құқықтық базаны жетілдіру;

• үшіншіден, азық-түлік қауіпсіздігі мәселелерін шешу, әлемдік бағалардың күрт өсуінің теріс әсерін жұмсарту жөнінде бірлескен шараларды алдын ала қабылдау;

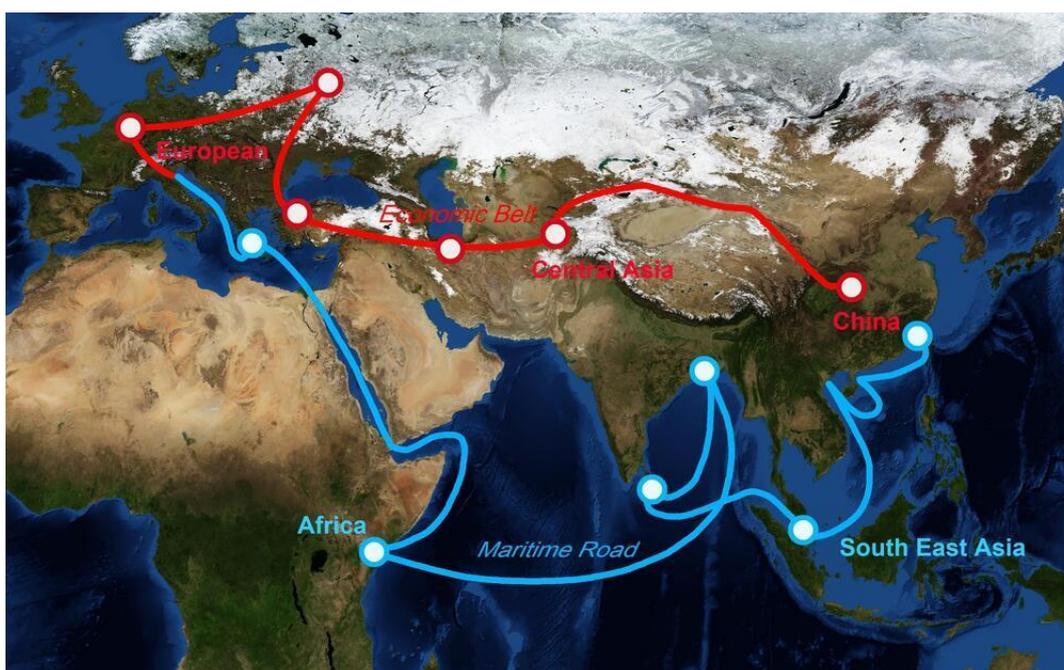
• төртіншіден, бірлескен күш-жігерді балама көлік дәліздерін дамытуға, азық-түлік, тоқыма, фармацевтика, машина жасау өнімдерін өндіру сияқты және басқа да салалық бағыттарда жаңа қосылған құн тізбектерін құруға бағыттау;

• бесіншіден, денсаулық сақтау мен білім беру саласындағы, гендерлік теңдіктің ұлттық стратегиясын іске асырудағы ауқымды реформаларды ілгерілетіп отырып, адами капиталды дамыту бағдарламаларына инвестиция салу.

• алтыншыдан, «білім алмасу» мен жасыл инвестицияларды қоса алғанда, инклюзивті жасылға көшу саласында пәрменді қадамдар қабылдау [1].

Әлеуметтік-экономикалық зардаптармен қатар, коронавирустық пандемия геосаясат саласына да әсер етті. Бұған COVID-19-дың шығу тегі туралы мәселені саясаттандыру себеп болды. Америка Құрама Штаттары Қытайды коронавирусты таратушы ретінде айыптады. Осылайша, Қытайдың халықаралық имиджі мен сыртқы экономикалық позициясы Батыста, АҚШ-та өте төмен деңгейге түсті. Осы жағдайлардың барлығы Қытай бастамаларының жүзеге асуына нұқсан келтірді. Сонымен қатар, Қытайдың Орталық Азия мемлекеттерімен геосаяси жағдайына өзгерістер алып келді. Оның ең негізгісі «Бір белдеу – бір жол» бастамасының «батыс» бағыты айтарлықтай кешігуді бастан кешіргенін атап өтуге болады.

1 – кесте. «Бір белдеу – бір жол» жобасының жоспарлы сызбасы

«Бір белдеу, бір жол» жобаларының 60 пайызға жуығына COVID-19 пандемиясы кері әсерін тигізді. Статистикалық мәліметтерге сүйенсек, 2020 жылдың бірінші тоқсанында «Бір белдеу, бір жол» бастамасына қатысушы елдерге Қытайдың құйған инвестициясы 11,7 пайызға өсті, ал тауар айналымы 3,2 пайызға артқан. «Қытай-Еуропа» бағыты бойынша теміржол арқылы жүк тауарларын тұрақты түрде тасымалдау рейстері мен жүк айналымы 2020 жылдың төрт айында өткен жылдың осындай кезеңімен салыстырғанда 24 және 27 пайызға жоғары болды. ҚХР Орталық Азия-Оңтүстік Азия желісі бойынша экономикалық интеграцияны нығайту үшін қадамдар жасалды. Мәселен, Қытай мен Қырғызстан аумағында сауда-логистикалық орталық салу мәселесіне қайта оралуға шаралар жасалды. Пәкістан-Қазақстан-Қырғызстан-Қытай-Пәкістан көлік дәлізінде Қырғызстан үшін Карачи және Гвадар порттары бойынша талқылау жұмыстары жүргізілді. COVID-19 індеті кезінде жаһандық саяси және экономикалық процестердің одан әрі дамуы үшін тосқауылдардың бірі бірқатар беделді мәлімдемелермен атап өтілген және санкциялық қарама-қайшылық деңгейіне жеткен АҚШ-Қытай қайшылықтары болды. Алайда, пандемия бұл үрдістерді тудырмады, тек жеделдетті, өйткені қарым-қатынастардың нашарлауы коронавирустық індеттен бұрын басталған еді. Қытайдың Huawei және ZTE инновациялық технологияларының флагмандарымен болған жанжал, шпиондық мәліметтер, сауда соғысы және т.б. осының дәлелі. Орталық Азия елдері өздерінің сыртқы саясатында «Ресей – Қытай – АҚШ» үшбұрышында бейтараптықты сақтауға тырысып бағуда. Себебі, коронавирустық індет, одан кейінгі үлкен жаһандық мәселе Ресей-Украина қақтығысы үлкен қысым тудыруда.

Жаһандық коронавирустық инфекцияның салдарына байланысты өз мәселелерімен тығырыққа тірелген көптеген елдер Орталық Азия мемлекеттеріндегі әртүрлі жобаларға демеушілік жасауды, несие беруді және қолдау көрсетуді тоқтатты. Әлемде болып жатқан оқиғалардың аясында Орталық Азия өңірінің барлық дерлік елдері өз бюджеті бойынша субсидияланатынын ескерсек, оларға көмек көрсеткен елдер мен қаржы институттарының рөлі артты. Орталық Азияның бірқатар мемлекеттері халықаралық қаржы институттарына жүгінуге мәжбүр болды, сол арқылы сыртқы қарыздарын көбейтті, ал бұл сәйкесінше олардың барлық саяси-экономикалық беделіне нұқсан келтірді. Сонымен бірге, қарыздық міндеттемелердің өсуі аймақтағы ХВҚ, ДБ, USAID және т.б. сияқты донорлардың саяси беделін арттыратыны сөзсіз. Азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету қажеттілігі аймақ елдерін, бір жағынан, өздерінің азық-түлік ресурстарын қорғауға, екінші жағынан, сыртқы жеткізілімдерді белсенді түрде қарастыруға итермеледі. Сонымен қатар, аймақта коронавирустық вакцинаға сұраныс өсті. Вакциналау шаралары да өз деңгейінде әлеуметтік-экономикалық мәселелерді туындатты. Осы жағдайлардың бәрінде Ресей мен Қытайдың Орталық Азия аймағындағы геосаяси маңыздылығын арттырып, азық-түлік және гуманитарлық көмек бойынша сұраныстарын күшейтті.

Қорытындылай келе, пандемияның Орталық Азия елдерінің Қытай, Ресей және Америка державалары, сонымен қатар Еуропа мемлекеттерімен геосаяси байланысына айтарлықтай әсері болғанын байқаймыз. Яғни, державалар арасындағы саяси ойындардың шеңберіндегі байланыс олардың Орталық Азия мемлекеттерімен қарым-қатынас деңгейін өзгерткен.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. COVID-тен кейін қалпына келтіру. Алматыда ТДМ бойынша саммит // 16 маусым 2022 жыл / <https://primeminister.kz/news/reviews/covid-ten-keyin-kalpyna-keltiru-almatyda-tdm-booyynsha-sammit-otip-zhatyr-1754142>
2. Коронавирусная инфекция COVID-19 // Официальная статистика / <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&mid=%2Fm%2F06bnz&gl=RU&ceid=RU%3Aru>
3. Р. Нурбай. Экономическое развитие Казахстана: обзор и прогнозы // 18 тамыз 2022 жыл / https://www.inform.kz/ru/ekonomicheskoe-razvitiye-kazahstana-obzor-i-prognozy_a3968410
4. «Один пояс — один путь»: что нужно знать о проекте // <https://www.kommersant.ru/doc/6282836>
5. Е. Владимир. Китай обвинил США в давлении на ВОЗ и авторов доклада по происхождению COVID-19 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1101>

Резюме

Статья посвящена комплексному рассмотрению влияния пандемии COVID-19 на геополитику Центральной Азии. Прежде всего было дано общее объяснение понятия геополитики. Кроме того, были даны ответы на основные вопросы, которые побудили его написать статью, остановившись на каждой стране в отдельности.

Summary

The article is devoted to a comprehensive consideration of the impact of the COVID-19 pandemic on the geopolitics of Central Asia. First of all, a general explanation of the concept of geopolitics was given. In addition, answers were given to the main questions that prompted him to write the article, focusing on each country separately.

Кабылдаева Т.К.,
«Тұран» университеті, «Халықаралық қатынастар»
2 курс магистранты,
Ғылыми жетекші, Төлен Ж.М. PhD
«Аймақтану және халықаралық қатынастар»
кафедрасының меңгерушісі.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНДЕГІ КӨШБАСШЫЛАР МЕН ЖЕКЕ ТҮЛҒАНЫҢ РӨЛІ

Тірек сөздер: авторитаризм, посткеңестік авторитаризм, Орталық Азия, көшбасшы, жеке тұлғаның рөлі, саяси элита, билік, президент.

Кіріспе

Орталық Азия елдеріндегі көшбасшылар мен жеке тұлғалардың рөлі осы аймақтың саяси, әлеуметтік және экономикалық динамикасының негізгі аспектісі. 1990 жылдардың басында Кеңес Одағы ыдырағаннан бері Орталық Азия елдері тәуелсіздікке көшу, жаңа саяси жүйелерді орнату және әлемдік саясат пен экономикада өз орнын табу мәселелеріне тап болды. Бұл тұрғыда көшбасшылардың рөлі саяси тұрақтылықты қалыптастыру, экономикалық дамуды қамтамасыз ету мен әлеуметтік келісімді қолдау үшін шешуші фактор болды.

Орталық Азия – дәстүрлі қоғамдық құрылымдар мен құндылықтар қазіргі әлемнің қиындықтарымен үйлесетін бай тарихи және мәдени мұрасы бар аймақ. Бұл ортада көшбасшылар мен тұлғалар ұлттың жеке басын қалыптастыруда, ішкі және сыртқы тәртіпті орнатуда, сондай-ақ аймақтың болашағын анықтайтын шешімдер қабылдауда маңызды рөл атқарады.

Дегенмен Орталық Азиядағы күрделі геосаяси жағдайларды және аймақтағы әртүрлі мүдделердің болуына байланысты көшбасшылар мен тұлғалардың рөлі саяси тұрақтылық пен қауіпсіздікке әсер етуі тұрғысынан жиі талданады. Сондықтан Орталық Азия елдеріндегі көшбасшылық динамикасы мен тұлғалардың ықпалын түсіну тарихи дәстүрлерді де, қазіргі заманғы сын-тегеуріндерді де ескере отырып, кешенді талдау мен зерттеуді талап етеді.

Бұл жұмыста әртүрлі зерттеу әдістерін қолдана отырып, Орталық Азия елдеріндегі көшбасшылар мен жеке тұлғалардың рөліне талдау жасалады, бұл олардың көшбасшылық ерекшеліктерін анықтауға, сондай-ақ олардың аймақ елдерінің дамуына әсерін бағалауға мүмкіндік береді. Тарихи контексттерді, саяси құжаттарды, социологиялық деректерді және басқа дереккөздерді талдай отырып, Орталық Азиядағы көшбасшылықтың негізгі аспектілерін және оның қазіргі қоғам үшін маңыздылығын айқындауға тырысамыз.

Әдебиетке шолу

Орталық Азиядағы көшбасшылардың рөлі зерттеушілердің көптеген қызығушылығын тудырады. Бұл мақалада Ч.Салливан, Бруно Х. де Кордье, К.Е. Мещеряков сияқты ғалымдардың еңбектері талданды. Бұл жұмыстар Орталық Азиядағы көшбасшылардың рөлін талдаудың әртүрлі тәсілдерін ұсынып, бұл мәселені түсінуді қамтамасыз етеді.

Зерттеу әдістері

Орталық Азия елдеріндегі көшбасшылар мен жеке тұлғалардың рөлін зерттеу үшін әртүрлі әдістер қолданылды, мысалы: өмірбаяндарды талдау, контент-талдау, салыстырмалы талдау, тарихи талдау әдістері.

Негізгі бөлім

Орталық Азиядағы көшбасшылық жағдайында аймақтағы саяси басқарудың әртүрлі сипатын көрсететін бірқатар маңызды оқиғалар болды. Мәселен, Қазақстандағы басшылықтың ауысуы ерекше назар аударады. Ұзақ уақыт президент болған Нұрсұлтан Назарбаев өзінің билігін күшейткені соншалық, тіпті ол отставкаға кеткеннен кейін мемлекеттің астанасы оның құрметіне Нұр-сұлтан деп өзгертілді [1]. Алайда, бұл символдық әрекет биліктің біркелкі ауысуына әкелмеді. Назарбаевтың мұрагерін бекітуге арналған 2019 жылғы президенттік сайлау саяси сабақтастықтың даулы сипатын және азаматтардың заңды басқаруға деген ұмтылысын көрсететін жаппай наразылықтар тудырды [1]. Қазақстан постназарбаев саясатының айла-амалдарымен күресіп жатқанда, көрші Түрікменстан қатаң диктатураның үлгісі ретінде қызмет етуді жалғастыруда, ал Гурбангулы Бердімұхамедов басшылықтың жоғары орталықтандырылған және авторитарлық моделін жалғастыруда [1]. Осы мысалдарға қарағанда ерекше айырмашылық байқалатын мемлекет Өзбекстан болса керек, ол неғұрлым прогрессивті бағытты ұстанатын сияқты, ал Шавкат Мирзиев үкіметі Батыс елдерімен ашық қарым-қатынас жасай отырып, өзінің бұрынғы абсолютизмдік позициясынан кетуді білдіреді [1]. Бұл бір-біріне ұқсамайтын бағыттағы билік Орталық Азиядағы саяси эволюцияның күрделілігін көрсетеді, мұнда әрбір республика басшылығының траекториясы бірегей тарихи контексттерді де, кеңірек геосаяси әсерлерді де көрсетеді.

Орталық Азиядағы көшбасшылықтың күрделі құрылымында мәдени және әлеуметтік негіздер рөлде тұрғандардың жеке басын қалыптастыруда шешуші рөл атқарады. Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан Президенті лауазымына келуі осы құбылыстың үлгісі, өйткені оның сайлау алдындағы сөзі саяси манифест қана емес, сонымен қатар ұлттың мәдени этносы мен әлеуметтік динамикасының көрінісі болды. Оның Ресейге қарсы көңіл-күйге толы риторикасы басым ұлтшылдық тенденцияларға сәйкес келіп қана қоймай, Қазақстанның ежелгі мұрасын дәріптей отырып, ұжымдық тарихи сананы қозғады [2]. Мәдени бірегейлік пен тарихи дискурсқа мұндай стратегиялық үндеу жергілікті нарративтердің көшбасшылық стильдерге терең әсерін көрсетеді, өйткені Тоқаев сияқты көшбасшылар өз сайлаушылары арасында ортақ тағдыр мен заңдылық сезімін қалыптастыру үшін осы элементтерді өздерінің қоғамдық тұлғасын қалыптастыруда шебер

колданады [2]. Аймақта постколониалдық зерттеулердің өркендеуі интеллектуалдық оянуды білдіреді, ол өз кезегінде посткеңестік тәуелсіздіктің аумағын басшылыққа алып, өз елдерінің әлемдегі бірегей орнын бекіткен көшбасшылардың дамып келе жатқан жеке басының эволюциясын көрсетеді және қалыптастырады. Бұл тұрғыда көшбасшылық пен саяси бағыттардың өзгеруінен туындаған өзбек тарихнамасындағы идеологиялық көзқарастардың өзгеруі көшбасшының жеке дамуы мен басым мәдени және әлеуметтік орта арасындағы динамикалық өзара әрекеттесуді тағы бір рет көрсетеді [2]. Бұл мысалдар аймақтық ерекшеліктер тек фон емес, Орталық Азиядағы көшбасшылықты қалыптастыру процесінде белсенді ингредиенттер екенін айқын көрсетеді. Орталық Азиядағы көшбасшылық динамикасы аймақтың аласапыран тарихымен терең байланысты, онда жекелеген көшбасшылар саяси және әлеуметтік ландшафтты қалыптастыру үшін айтарлықтай күшке ие болды. Мысалы, Өзбекстанда Ислам Каримовтың қайтыс болуы оның ісін жалғастырған Шавкат Мирзияевтің билігі тұсында алдыңғы репрессиялық саясаттан кетуге бағытталған бірқатар реформалардың басталуына алып келді. Мирзиевтің Каримов режимі кезінде азаматтарды қорқытумен аты шыққан ұлттық қауіпсіздік қызметінің әлсіретуі мен саяси қуғын-сүргіннің басты нысаты саналатын атышулы – «Жаслық» түрмесін жоюы [1] мен кейбір саяси тұтқындарды босату сияқты іс-әрекеттері басшылықтың адам құқықтары мен басқаруға деген көзқарасының өзгеруін білдірді. Сонымен қатар Мирзиёевтің мақта квотасы жүйесін жоюы Каримов кезінде Өзбекстанның халықаралық беделіне нұқсан келтірген мәжбүрлі еңбекке қатысты айыптаулардан қазіргі режимді алшақтатуға бағытталған [1]. Ал Түркіменстанда керісінше үкімет азаматтық қоғамды қатаң бақылауда ұстайтын және сыртқы саясатта бейтараптық саясатын ұстанған көшбасшылық мұрагерліктің басқа көрінісін ұсынады [1]. Бұл Гурбангулы Бердімұхамедовтың басшылығының тұрақты, бірақ репрессиялық моделін көрсетеді, мұнда басқарудағы өзгерістер Өзбекстандағы өтпелі кезеңмен салыстырғанда онша айқын емес, осылайша тарихи оқиғалардың Орталық Азия елдеріндегі көшбасшылық модельдерін қалыптастырудың әртүрлі тәсілдерін көрсетеді [1].

Нәтижелер мен талқылаулар

Орталық Азия саясатының күрделі көрінісінде көшбасшылар саяси институттарға олардың көп қырлы рөлін көрсететін әртүрлі әдістер арқылы әсер етеді. Бұл аймақтағы саяси көшбасшылық, саясаттану анықтамасы бойынша, тек әкімшілік қабілеттер ғана емес, сонымен қатар оларды ортақ бағытқа бағыттай отырып, әртүрлі әлеуметтік күштерді біріктіру және біріктіру мүмкіндігі [3]. Бұл әсіресе 1990-шы жылдардағы саяси трансформациялар контекстінде резонанс тудырады, бұл кезде көшбасшылар дамып келе жатқан саяси ландшафтты қалыптастыру үшін қарапайым басқарудан тыс қосымша нақты функцияларды қабылдауға мәжбүр болды [4]. Саяси көшбасшының ықпалы оның ізбасарлары мен әлеуметтік

процестерге әсер ету қабілетімен анықталады [5]. Бұл анықтама Орталық Азия саясатында айқын көрінеді, мұнда көшбасшылар күрделі саяси ортада ғана емес, сонымен қатар өздерінің саяси ұйымдарында, топтарында немесе жалпы қоғамда жетекші рөлдерді алуға мүмкіндік беретін жеке ықпалды пайдаланады [6]. Мұндай динамика көбінесе көшбасшыны саяси процестің тірегіне айналдырады, оның жеке қасиеттері мен кішігірім топтарда немесе үлкен әлеуметтік қозғалыстарда қолданатын құрметіне негізделген билікті бейнелейді [7]. Осылайша, Орталық Азияның саяси көшбасшылары өздерінің саяси мақсаттарына жету үшін өздерінің жеке беделін және көшбасшылықтың әлеуметтік-психологиялық динамикасын пайдалана отырып, өздерінің саяси институттарына әсер етуде шешуші рөл атқарды [8][9]. Көшбасшылардың Орталық Азия елдеріндегі саяси институттарға әсер ету жолдары 1-кестеде ұсынылған.

Кесте 1 – Көшбасшылардың Орталық Азия елдеріндегі саяси институттарға әсер ету жолдары.

Авторитарлық режимді орнату	Орталық Азия көшбасшылары авторитарлық режимдерді орнату және оппозицияны басу арқылы өздерінің саяси ұстанымдарын жиі нығайтты.
Жеке культті қалыптастыру	Орталық Азияның кейбір көшбасшылары халық алдында өздерінің сөзсіз күші мен заңдылығын растай отырып, жеке культтарды белсенді түрде дамытты.
Сайлау процесерін манипуляциялау	Көшбасшылар сайлауды манипуляциялау және саяси оппозицияны бақылау арқылы ұзақ мерзімді басқаруды қамтамасыз ету үшін сайлау процесерін пайдаланды.
Партиялық құрылымдарды қалыптастыру	Орталық Азияның кейбір көшбасшылары өздерінің саяси агенттеріне қолдау көрсету және өз билігін нығайту үшін өздері бақылайтын партиялық құрылымдар құрды.
Конституциялық өзгерістерді қабылдау	Көшбасшылар кейде Конституцияға өз өкілеттіктерін кеңейту немесе ұзақ мерзімді басқару мерзімдерін белгілеу арқылы өзгерістер енгізіп, оларға үлкен саяси тұрақтылық берді.

Әкімшілік пайдалану	ресурстарды	Орталық Азия көшбасшылары өздерінің билігін қолдау, қолдауды жұмылдыру және саяси оппозицияны басу үшін әкімшілік ресурстарды жиі пайдаланды.
Ескертпе: [3] дереккөз негізінде автормен құрастырылған.		

Бұл кесте Орталық Азиядағы көшбасшылардың саяси институттарға әсер етуінің, олардың билігін қалыптастырудың және олардың билігінің тұрақтылығын қамтамасыз етудің әртүрлі тәсілдерін көрсетеді.

Орталық Азия республикалары контекстінде қоғам мен экономиканы қалыптастырудағы көшбасшылардың рөлін, әсіресе аймақтық саяси көшбасшыларды 2005 жылға дейін халықтың сеніміне ие болуға ұмтылған тарихи тенденцияны ескере отырып, бағаламауға болмайды [10]. Көшбасшылар мен олардың сайлаушылары арасындағы бұл тығыз байланыс дамуға ықпал етудің маңызды бөлігі болды, өйткені көшбасшылар экономиканың маңызды секторларын бақылайтын аймақтық мүдделерді қорғаушылар ретінде қабылданды [10]. Алайда, бұл билік саяси оппозицияны және тәуелсіз аймақтық бұқаралық ақпарат құралдарын «түншықтыратын» көшбасшылар көргендей, келіспеушілікті басуға әкелді, бұл қоғам мен экономиканың органикалық эволюциясына кедергі ретінде қарастырылуы мүмкін [10]. Соған қарамастан, мемлекеттік билікті орталықсыздандыру осы аймақтық көшбасшылардың рөлін күшейтті, осылайша олардың тиісті юрисдикцияларында өзгерістерді жүзеге асыру және дамуды ынталандыру қабілетін арттырды [10]. Бұл биліктің шоғырлануының саяси әртүрлілік пен БАҚ бостандығын шектеу сияқты кемшіліктері болуы мүмкін болса да, бұл көшбасшыларға қоғам мен экономикаға неғұрлым елеулі және тікелей үлес қосуға мүмкіндік береді, бұл әсіресе Қазақстанның, Тәжікстанның, Түрікменстанның және Өзбекстанның өзгермелі саяси ландшафтында өзекті.

Орталық Азия елдеріндегі саяси өзгерістердің күрделі динамикасына олардың көшбасшылары қатты әсер етеді, олар мемлекеттің билік құрылымдарын бақылауда да, қалыптастыруда да шешуші рөл атқарады [10]. Орталық Азияның саяси көшбасшылығы әртүрлі деңгейлер мен масштабтағы көшбасшылар күрделі түрде өзара әрекеттесетін өзіндік желімен сипатталады [10]. Бұл желі тек иерархиялық емес, сонымен қатар көшбасшылар бір уақытта бәсекелесіп, бір-бірімен ынтымақтасуы керек қатынастар спектрін қамтиды [10]. Мұндай өзара әрекеттесу тек саяси элитамен шектелмейді; көшбасшылар сонымен қатар әртүрлі әлеуметтік топтарды тартып, оларды саяси процеске біріктіреді және басқарудың қоғамның кең сегментін көрсетуін қамтамасыз етеді [10]. Мұндай инклюзивті тәсіл біртіндеп тұрақты, өзін-өзі көбейтетін құрылымдарға айналатын аймақтың саяси институттарының дамып келе жатқан сипатын көрсетеді [10].

Сурет 1 – Көшбасшылықтың Орталық Азия елдеріндегі саяси өзгерістер динамикасына әсері.

Ескертпе: [10] дереккөз негізінде құрастырылған.

Бұл диаграмма әртүрлі көшбасшылардың Орталық Азия елдеріндегі саяси өзгерістердің әртүрлі аспектілеріне қалай әсер еткенін анық көрсетеді. Бұл тұрақтылық әсіресе өзбек тарихнамасында байқалғандай, идеологиялық көзқарастар басшылық пен саясаттағы өзгерістердің әсерінен бірнеше өзгерістерге ұшыраған аймақтың тарихи контекстін ескере отырып маңыздылыққа ие. Осылайша, қалыптасып келе жатқан саяси көшбасшылық институты – бұл бәсекелестік, ынтымақтастық және әлеуметтік интеграцияның үйлесімі, олар Орталық Азия арқылы өтетін саяси өзгерістерді қалыптастырады.

Қорытынды

Зерттеу Орталық Азия елдеріндегі саяси көшбасшылықтың күрделі көрінісіне айқындайд және көшбасшылардың аймақтың саяси және әлеуметтік ландшафтын қалыптастырудағы шешуші рөлін көрсетеді. Мақалада аймақтағы саяси басқарудың әр түрлі сипаты көрсетілген, әр республика басшылығының траекториясы бірегей тарихи контексттер мен кеңірек геосаяси әсерлерді ұсынады. Осы мақаланың негізгі бөлімінде өз көшбасшыларының ықпалында болған Орталық Азия елдеріндегі саяси өзгерістердің динамикасын түсінудің маңыздылығы атап көрсетілген. Мақалада мәдени және әлеуметтік негіздер басшылықта отырғандардың жеке басын қалыптастыруда шешуші рөл атқаратыны көрсетілген, ал көшбасшылар әртүрлі әлеуметтік топтарды тартып, оларды саяси процеске біріктіреді және басқарудың қоғамның кең сегментін көрсетуін қамтамасыз етеді. Инклюзивті тәсіл біртіндеп тұрақты, өзін-өзі көбейтетін құрылымдарға айналатын аймақтағы саяси институттардың дамып келе жатқан сипатын

көрсетеді. Сонымен қатар саяси институттарды қалыптастырудағы көшбасшылардың рөлі мен мәдени және әлеуметтік динамиканың саяси өзгерістерге әсері туралы көбірек зерттеу қажеттілігі сияқты зерттеулердегі шектеулер мен олқылықтар көрсетілді. Соңында, көшбасшылықтың саяси институттарға әсерін зерттеу және Орталық Азиядағы саяси динамиканы қалыптастырудағы сыртқы ойыншылардың рөлін талдау сияқты болашақ зерттеу бағыттары ұсынылады. Тұтастай алғанда, бұл зерттеу мақаласы Орталық Азия елдеріндегі көшбасшылар мен жеке тұлғалардың рөлін жан-жақты талдау және осы саладағы білімнің тұрақты дамуына ықпал етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Ч. Саливан. Преимущество власти в Центральной Азии и ее будущее в периоды неопределенности // 4 желтоқсан 2020 жыл / <https://cabar.asia/ru/> 15.12.2023
2. The European Handbook of Central Asian Studies. History, Politics, and Societies / eds. by Jeroen J.J. Van den Bosch, Adrien Fauve, Bruno J. De Cordier. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2021. – 1021 p. // Восток свыше. 2022. № 1-2. С. 154-159.
3. Политическое лидерство • Обществознание, Политика // foxford.ru/wiki/ 23.12.2023
4. С.В. Брюков. Политическое лидерство и его влияние на формирование клиентарных механизмов региональной политической власти // <https://cyberleninka.ru/> / 01.01.2024
5. В.В. Комлева. Лидерство как фактор устойчивого развития общества. // <https://cyberleninka.ru/article/n/liderstvo-kak-faktor-ustoychivogo-razvitiya-obschestva-rossiyskie-i-zarubezhnye-issledovaniya> / 03.01.2024
6. Политическое лидерство — типология, функции и формы. // skysmart.ru/articles/obshestvoznaniye/politicheskoe-liderstvo / 13.01.2024
7. Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии в 1991-2009 гг. : особенности и проблемы / С. -Петерб. Гос. Ун-т. Фак. Междунар. Отношений. - СПб. : СПбГУ, 2010. - 302 с
8. Политическое лидерство. // <http://read.virmk.ru/> 22.01.2024
9. Политическое лидерство. // <http://polit-discourse.ru/articles/1371/> 07.02.2024
10. Лекция 5. Особенности политического лидерства в Центральной Азии. // nicbar.ru / 08.02.2024

Резюме

Центральная Азия-это регион, понимание сложной политической и социальной динамики которого вызывает интерес у многих ученых и экспертов. Цель статьи-акцент на роли лидеров и личности в странах Центральной Азии, их историческом развитии, культурных и социальных особенностях, влиянии на политические, социальные процессы. В

исследовании исследуется влияние культурных и социальных факторов на формирование личности лидеров, а также дается всесторонний обзор основных этапов эволюции лидерства в регионе. В статье также исследуется влияние на политические институты, общество и экономику, анализируя последствия действий лидеров в отношении динамики политических изменений в странах Центральной Азии.

Abstract

Central Asia is a region whose complex political and social dynamics are of interest to many scholars and experts. The article focuses on the role of leaders and personalities in Central Asian countries, their historical development, cultural and social characteristics, and their influence on political and social processes. The study explores the influence of cultural and social factors on the formation of leaders' personalities and provides a comprehensive overview of the main stages of leadership evolution in the region. The article also explores the impact on political institutions, society and economy by analysing the consequences of leaders' actions on the dynamics of political change in Central Asian countries.

УДК 327.5

Nurakhmetov T.

4th year student of Turan University

Scientific supervisor: associate professor Tussayeva A.

TURKIC STATES AND REGIONAL COOPERATION: THE ROLE OF THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES (OTS)

Keywords: Turkic states, Integration, The Organisation of Turkic States, Regional cooperation, Central Asia, the Turkic Investment Fund, Turkic bonds.

The Organization of Turkic States (OTS), formerly known as the Turkic Council, plays a pivotal role in facilitating and strengthening this cooperation. The Turkic states, including Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Türkiye, and Uzbekistan and observer members, have historically been connected through a tapestry of Turkic languages and cultural traditions. This common heritage forms the bedrock upon which the OTS is built. The organization is committed to promoting unity among member states and enhancing their collective influence on the international stage. By fostering political, economic, and socio-cultural integration, the OTS has served as a platform for constructive dialogue, enabling member states to forge a sense of shared identity and mutual understanding.

At its core, the OTS aims to promote political cooperation among member states. Regular high-level meetings and summits provide a forum for discussing critical regional and global issues, enabling Turkic nations to develop a unified stance on important matters. This political coordination has empowered these states to navigate complex international relations more effectively and project their

collective voice. Moreover, there are several initiatives launched by Turkic states that would boost the economy, transitional capacity, and integration of involved countries [1].

The establishment of the OTS as a regional mechanism has formalized collaborative relations among the Turkic States within a multilateral framework, a process that began at the end of the last century. This institutionalization serves as an effective tool for establishing guidelines for cooperation in the Turkic region, ensuring effective management, preventing any setbacks, and implementing measures for its further development and diversification. With the sustained political commitment of its member states, this robust framework has led to significant achievements in various areas of cooperation within the organization in a relatively short period. The success of this performance can be attributed to the principles and structure of the organization, as well as its results-driven approach in political, economic, cultural-educational, and human domains. Additionally, its role as an overarching organization alongside other Turkic cooperation entities, TURKPA, and TURKSOY [1], has contributed to the advancement of Turkic collaboration at governmental, legislative, cultural, and academic levels.

The amalgamation of social and cultural elements preceding political integration within the OTS has highlighted the pivotal role of unified Turkic identity and shared cultural values as primary catalysts for this integration. This cohesion is encapsulated in the Turkic World Vision-2040 document [2], laying a collective roadmap for the future. The main idea of the document is to show the commitment of the participating countries to long-term cooperation. This vision aims to foster improved discussions within the organization on global and regional foreign policy matters of mutual concern within the political sphere. In advocating for a comprehensive approach, the OTS emphasizes intensified cooperation across multiple fronts, including counterterrorism, border security, migration management, and combatting various forms of criminal activity in the security realm. Furthermore, it envisions the eventual facilitation of unrestricted movement of capital, goods, and services, and increased intra-regional investments in the economic sphere. Parallel to these efforts, the OTS aims to drive collective endeavors aimed at enhancing the economic potential of the region. Such initiatives encompass the consolidation of the Middle Corridor, advancement of the Zengezur Corridor, development of critical energy infrastructure projects, and interventions across diverse domains to bolster regional prosperity [2].

At the recent summits of the heads of Turkic states, many economic projects were proposed that would contribute to the development of the participating countries. One of the most striking projects was the Turkic Investment and Development Fund, proposed at the beginning of 2021 by President Kassym-Jomart Tokayev to the Secretary General of the Turkic Council [3].

In a momentous gathering held in March 2023, the leaders representing the Organization of Turkic States (OTS), comprising Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Türkiye, and Uzbekistan, concluded discussions to inaugurate the Turkic Investment Fund. Spearheaded by Turkish President Recep Tayyip

Erdogan, this initiative is a pivotal step toward fostering enhanced economic cooperation among the member nations [4]. Following this landmark decision, Istanbul was designated as the official headquarters of the Fund, marking May 30, 2023, as a historic day. This strategic move underscores the aspirations for strengthened ties and increased synergy in economic endeavors within the OTS framework. Notably, the inaugural President of the Fund is Baghdad Amreyev, who previously served as the Secretary General of the Organization of Turkic States, bringing forth a wealth of experience and leadership to this new role [4].

Additionally, the founding of the Turkic Investment Fund is anticipated to unlock diverse avenues for sustainable development, encouraging joint ventures, and facilitating a robust network for financial support and collaborative projects among the member states. This move, in fact, echoes a collective ambition to further solidify economic bonds and promote mutual prosperity within the OTS. It can be also asserted that the establishment of a collaborative investment fund will garner public interest, demonstrating the commitment of the organization's member nations not solely to political aims but also to fostering advancements within the financial realm. This pivotal initiative can be regarded as the initial substantive stride in this domain. [5]

Furthermore, the formation of this fund has the potential to stimulate the progression of alternative financial instruments. For instance, the issuance of joint bonds could serve as a means to support the infrastructure initiatives that the OTS members have previously suggested. The inquiry into the methodology for the issuance of these bonds remains unresolved. A prominent solution involves the establishment of a collaborative private enterprise aimed at garnering investments through bond issuance. The Astana International Financial Centre (AIFC) in Kazakhstan emerges as a potential venue to initiate such a collaborative endeavor. This joint venture offers several merits, such as the prospective issuance of corporate bonds and the operational framework governed by English law, potentially appealing to foreign investors acquainted with common law systems. Moreover, there exists a theoretical contemplation of issuing bonds akin to EU bonds; however, significant impediments, encompassing political and legal complexities, hinder the feasibility of this approach

The region's progression as a transit hub is experiencing substantial growth. Considerable investments from foreign sources are being allocated towards infrastructure development, notably spearheaded by the People's Republic of China through initiatives like the Belt and Road Initiative (BRI), emerging as the primary investor. It proves advantageous for Turkic nations to align their interests with such a significant “player”. Moreover, there can be mentioned the active involvement of countries such as Afghanistan, Pakistan, and Georgia in infrastructure development. Collaborative endeavors showcase the potential for countries to attain substantial outcomes, creating a mutually beneficial scenario—a clear demonstration of a win-win situation for the involved nations. These all emphasize the crucial geographical position of Turkic countries in fostering regional cooperation in terms of logistics and not only.

Among those engaged countries, Kazakhstan and Uzbekistan are striving to position themselves as vital transportation centers within the region, aligning with their involvement in the BRI. The ongoing construction of the Turkmenbashi-Navoi railway aims to link the Fergana-Osh-Kashgar route in the east with the Baku-Tbilisi-Kars railway over the Caspian Sea in the west. Additionally, Uzbekistan plans to build a north-south railway line that could extend to the Oman Sea via Afghanistan and Pakistan [2].

Recent events between Russia and Ukraine, followed by sanctions on Russia, have brought energy resources and their shipment into the focus of European nations. The fuel resources from countries of Central Asia were considered as one of the alternatives for Russian oil. Kazakhstan already has been exporting its oil, but through neighboring Russian territory that certainly raises concerns of the Western countries. In response, in 2023, Kazakh oil enterprises were seen acquiring tankers, presumably to transport oil across the Caspian and Black Seas.[6] Redirecting hydrocarbon resources from Central Asia and the Caucasus through Türkiye, as an alternative to Russia, is crucial for the energy security of the EU. The connectivity provided by the Caspian Sea holds significant importance in achieving this objective. However, the realization of such a strategy hinges upon enhanced collaborations among Turkic nations. Azerbaijan must further enhance energy cooperation with Kazakhstan and Turkmenistan to ensure their active participation in the established energy collaboration mechanisms between Türkiye and Azerbaijan. This scenario vividly demonstrates the influence of regional cooperation among the members of the OTS on the energy security of the global powers [2].

Despite the initiatives launched by countries, there are challenges and risks both political and economic. To reveal and deeply understand them the experts' analysis was conducted with the help of online interviews.

The following 3 questions were prepared for the interview:

1. What is your overall assessment of the current state of regional cooperation among Turkic States?
2. What are the main challenges that hinder effective collaboration among Turkic States?
3. What can we expect from the Organization of Turkic States in the foreseeable future?

Descriptions of answers are shown in Table 1.

Table 1 – Experts’ opinion about challenges and risks of OTS

Experts	# 1	# 2	# 3
Zh. Agybai, LLM senior lecturer at the Department of Regional Studies and IR of Turan University	Enhance the common civilization of Turkic people	To establish an effective function of this organization (OTS)	Develop investment corridors to each other, mediation systems, and diversification of energy sectors

A.Mambetova, Lecturer in International Relations	Cooperation in terms of culture and language remains strong, economic cooperation remains weak	The Influence of Russia	It has potential considering the current geopolitical situation
E.Gusseinov, Specialist in European and International Relations	Cooperation between the countries of the organization is not strong but is gradually developing	The membership of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the EurAsEC and Türkiye's political conflicts	Development in transportation, trade, and intensifying cultural ties

The first expert Zhangeldi Agybai claims that «founding this organization would enhance the common civilization of Turkic people. Currently, the perspective aim is to preserve the unity of the Turkic world, based on mutual trust and brotherhood, and to pass it to the next generation. The Turkic world interacts with global powers they now recognize and considerably respect our unity and key tenets of our Organization». About the main challenges that hinder effective collaboration, the expert considered that to establish an effective function of this organization, such as the mechanism of financial funds, and council of security questions considering the problems of narco-trafficking, terrorism and extremism, and migration issues. In addition, for 3rd question expert's answer: «In the context of this organization, Turkic states may develop investment corridors to each other, mediation systems, and diversification of energy sectors».

The IR lecturer Altynay Mambetova's response to the 1st question was «Even though cooperation in terms of culture and language remains strong, economic cooperation remains weak. For example, investment levels from Turkey to Kazakhstan remain at low levels. The same applies to trade between countries.» To the 2nd Altynay M. replied «In my opinion, the influence of Russia is too high because of the Soviet legacy. For example, the Russian language is still widely spread in the region. In terms of economic integration, there is the Eurasian Economic Union so there are more ties with Russia in trade as well. However, with the start of the war in Ukraine, we can notice more attempts from Turkey to increase its influence and presence in Central Asia.» Altynay M. also shared her expectations on the future of the OTS «I believe it has potential considering the current geopolitical situation. Economic cooperation can be improved. For example, if we analyze the gross inflow of direct investment in Kazakhstan from Turkey in 2022 it was only 380 mln. USD. In comparison, it was 5 108 mln for the United States of America and 1 532 mln. USD for Russia for the same period.»

The specialist in European and International Relations Eldaniz Gusseinov argues: «Cooperation between the countries of the organization (OTS) is not strong

but is gradually developing. The participating countries are now on the path to finding various niches for development, since the organization itself was based on a cultural and linguistic basis, various kinds of business forums were held, but this did not have a strong effect. However, from February 24, 2022, the organization began to be rethought, but precisely in the transport and logistics context. The main reason is that the transit of cargo began to pass directly through the participating countries. One can also note the political interaction of the Turkic states. It is common to hear joint statements reinforcing positions on specific issues». For the second question, the expert says that the most obvious challenge and obstacle is the membership of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the EurAsEC. The two countries have their obligations in the economic union and some initiatives proposed by the OTS may not entirely fit into the framework of existing agreements. It can also be added that Türkiye's political conflicts, in particular with the EU, are hindering integration. On the question about the future of the organizations, Eldaniz G.'s response: «In the future, we can expect continued development in the transport direction, strengthening trade relations between the participating countries and intensifying cultural ties».

In conclusion, it can be noted that different levels of democratization of society and religious judgments also hinder close cooperation. The geographical location of the Central Asian countries also plays a role, since the countries are located in the “vice” between two powers such as China and Russia, which consider their interests in the region to be vital.

References

1. M.Mustofaev. Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges // <https://dergipark.org>.
2. C.DEMİR. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power // <https://gsd.msu.edu.tr>
3. E.Ekberova. President Kazakhstana predlozhit sozdat Turkskiy investitsionniy fond // <https://www.aa.com.tr>
4. M.Mamirkhanova. Soglasheniye o sozdanii Turkskogo investitsionnogo fonda prinyal Mazhilis // <https://www.zakon.kz>
5. official website of The Organization of Turkic States // <https://www.turkicstates.org>
6. N.Gizitdinov. Kazakhstan Diversifies Oil-Export Routes With Tanker Purchases // <https://www.bloomberg.com>

Түйіндеме

Мақалада түркі мемлекеттерінің қазіргі интеграциялық жағдайы талданады. Түркі инвестициялық қоры және мысал ретінде облигацияларды қолдану арқылы қаржы нарығын дамытудың ықтимал перспективалары қарастырылды. Сонымен қатар, аймақтың транзиттік өлке ретіндегі маңыздылығы талқыланды. Зерттеу аясында халықаралық қатынастар

сарапшыларымен сұхбат жүргізіліп, ұйымның талқылары мен перспективалары талқыланды.

Резюме

В статье анализируется нынешнее положение интеграции Тюркских государств. Был рассмотрен Тюркский инвестиционный фонд и возможные перспективы развития финансового рынка на примере облигаций. Кроме того, была обсуждена важность региона как транзитной зоны. В рамках исследования было проведено интервью с экспертами международных отношений, обсуждались вызовы и перспективы развития организации.

УДК 327.82

Исаева К.Е.
Магистрант университета «Туран»
Научный руководитель Торланбаева К.У.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: концепции, «китайская угроза», имидж, партия Гоминдан, меморандум, инициатива «Один пояс и один путь», программа «Нұрлы жол».

Цель: выявить и проанализировать стратегию Китайской Народной Республики на современном этапе.

Своеобразие исторических традиций, различия в культуре, вероисповедовании, социальном строе и уровнях развития стран обуславливают сложность отношений Китая с соседними и с более отдалёнными государствами. Если в ранних внешнеполитических концепциях КНР проявлялось влияние политического экстремизма и теоретической неопытности китайских руководителей, стереотипное понимание ими методов ведения политической борьбы, то возрастание роли Китая в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века придало китайской внешней политике большую уверенность, определило ее успех в разных регионах. В странах Запада же, и в первую очередь в США в 90-х годах XX в. заговорили в средствах массовой информации о «китайской угрозе»[1].

На международной арене Китай играет важнейшую роль. Он участвует в разных политических форматах, таких, как BRICS и «Большая двадцатка». Китай участвовал в мероприятиях ООН, в том числе путем отправки миротворческих сил, демонстрируя, таким образом, новые подходы к реформированию ООН.

Внешнеполитическая стратегия Китая основывается на нескольких факторах: это создание привлекательного внешнего облика параллельно с

привлечением партнёров к экономическому сотрудничеству и противодействием геополитическим конкурентам[2]. КНР тщательно сохраняет свой имидж на мировой арене, активно финансируя разные проекты, щедро помогая развивающимся экономикам и внимательно следя за выполнением этих проектов.

Огромное значение во внешнеполитической стратегии Китая имеют отношения с США. Соотношение мирового лидерства в политике США и Китая рассматриваются в нескольких ракурсах, прежде всего в контексте важнейших долгосрочных тенденций взаимоотношений двух стран с окружающим миром[3]. Здесь внимание сосредотачивается на внешнеполитическом позиционировании общего плана каждой из двух стран, рассматривается специфика этого вопроса в двух конкретных сферах – экономической и военно-политической.

Вопросы партнёрства-противостояния США и Китая следует рассматривать с учётом позиций их важнейших внешних контрагентов, среди которых Индия, Япония, Южная Корея, Иран, Европейский Союз. Все они, так или иначе, выступают как объекты политики США и Китая, которые «отрабатывают» на них свои подходы к решению задач международно-политического лидерства, могут на этой почве вступать в жёсткую конкуренцию или сотрудничество[3].

В американских стратегических документах (Стратегия национальной безопасности, Стратегия национальной обороны, Обзор ядерной политики) Китай рассматривается как конкурент и потенциальный противник, пока региональный, но с возможностью расширения своего влияния за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона. Соответственно планы американского военного строительства ориентированы в долгосрочной перспективе на сдерживание Китая[4].

Как отмечает украинский политолог Д. Ликарчук, в Китае, наряду с традиционалистами, воспринимающими США как соперника и врага, есть влиятельные группы, видящие в США источник капитала, новых технологий и возможностей для укрепления своих собственных позиций[5].

С точки зрения цивилизационного выбора и геополитики отношения с Россией являются для Китая наиболее естественными и благоприятными. Обе страны долгое время проявляют обоюдный интерес к развитию сотрудничества, в основе которого, лежит ряд благоприятных факторов[6]:

- обе страны рассматривают США и Запад в целом как стратегических противников;

- Россия и Китай являются ядерными государствами, авторитарными демократиями с похожим ментально-цивилизационным критическим отношением к главным постулатам либеральной демократии;

- ни Китай, ни Россия в процессе утверждения на международной арене не может обойтись без признания и поддержки Азии и региональных альянсов, таких, как ШОС, ОДКБ, поскольку и Китай, и Россия являются азиатскими государствами, хотя и с глобальными амбициями.

Внимание руководства КНР к развитию сотрудничества с Россией объясняется следующими причинами:

- необходимостью преодоления отставания от США в военно-технологическом отношении в условиях проводимого Пекином развития вооружений с целью перегнать США как ведущий центр силы в мире. Только Россия может обеспечить США необходимые условия безопасности и поделиться военными технологиями;

- энергетической безопасностью. Относительно дешёвые российские газ и нефть жизненно необходимы для всё ещё затратной китайской промышленности и масштабной социальной сферы;

- политико-идеологическая составляющая российско-китайских отношений обусловлена необходимостью для Китая заручиться поддержкой России как последовательно антизападного государства со схожими Китаю ценностями. Руководство КНР встало на путь формирования китаецентрической оси государств с участием Китая, России, Ирана, вероятно Саудовской Аравии, с теневым присутствием КНДР и меньших государств.

Китай претендует на суверенитет над Тайванем – островом, на котором укрылось правительство партии Гоминдан после победы в 1949 году коммунистов в гражданской войне. Существует реальная вероятность военного решения проблемы Тайваня. Более 70 лет Китай и Тайвань увеличивали свои военные потенциалы, причём Тайвань при этом пользовался помощью Соединённых Штатов. В разные годы перспектива вооруженного столкновения двух китайских государств то усиливалась, то отступала в зависимости не только от позиции руководства КНР и Тайваня, но и от США.

Современная президент Тайваня Цай Инвэнь выступает за его независимость и жёстко критикует сближение с КНР. Что же касается экономического развития она, хотела бы сохранить статус-кво в экономическом сотрудничестве с КНР. Позицию КНР по вопросу Тайваня в ноябре 2023 г. озвучил спикер Министерства обороны КНР Чжан Сяоган, который заявил: «В мире существует только один Китай и Тайвань является его неотъемлемой частью. Национальный суверенитет и территориальная целостность никогда не были и не будут разделены»[7].

Важным направлением внешнеполитической стратегии КНР является Восточная Азия. Китай расширяет и усиливает свои двусторонние отношения, активно участвует в многосторонних процессах, активно участвует в региональных организациях. Начало XXI ст. стало настоящим прорывом в отношениях со странами АСЕАН (Ассоциации стран Юго-Восточной Азии). Меду Китаем и странами АСЕАН подписаны Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море, Совместная декларация о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности, Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве, Меморандум о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства[8].

В начале марта нынешнего года Китай предложил мирный план урегулирования российско-украинского конфликта. Двенадцать пунктов этого плана содержат декларации об уважении суверенитета всех стран и необходимости соблюдения международного права. Китай поддержал и Черноморскую зерновую инициативу. Однако на фоне обстрелов Россией жилых домов, детских садов и больниц цинично звучит призыв к обеим сторонам защищать гражданское население. При этом в плане нет упоминания об агрессивных действиях России, словно агрессор и его жертва должны нести солидарную ответственность. Анализируя документ, украинский политолог А. Грубинко отмечает, что «в Китае уже поняли, что эскалация войны в Украине им невыгодна...В Китае доминирует разочарование способностью современного российского государства к эффективной внешней политике, прежде всего её военно-политического сегмента, что на руку Украине и создаёт неплохие шансы для дальнейшего восстановления контактов с китайской властью и восстановления украинско-китайских отношений при условии надлежащей активности и настойчивости украинской стороны»[9].

Визит Си Цзиньпина в Москву в марте этого года показал, что Китай, акцентируя внимание на углублении отношений с Россией для создания антизападной коалиции, оставляет за собой возможность корректировки подходов своей внешней политики в зависимости от конкретной ситуации. Незыблемыми остались подходы КНР относительно неприменения ядерного оружия. Реальную позицию Пекина часто следует читать между строк текстов официальных заявлений. Так, обнародованное после визита Си в Россию заявление китайского МИД в связи с решением Путина разместить ядерное оружие в Белоруссии содержит слова о том, что «следует избегать войн между государствами, имеющими ядерное оружие, и следует снижать стратегические риски». Так дипломатично осудили в Пекине решение Москвы. Китаю интересны российские ядерные технологии, но неинтересно их применение.

Отдельного внимания заслуживает место отношений Китая с Казахстаном во внешнеполитической стратегии Китая. Сотрудничество двух стран обусловлено объективными факторами. Во время визита К.-Ж. Токаева в КНР в феврале 2022 г. было заявлено о важности китайско-казахстанских отношений для мира и стабильности в регионе и во всём мире. На основе инициативы «Пояс и путь» и программы «Нұрлы жол» Казахстан и Китай будут развивать взаимовыгодное сотрудничество в новых геополитических реалиях[10]. В то же время, как считает китайский учёный Чжан Хунцзян, влияние России в Казахстане настолько велико, что Китай не сможет доминировать в Центральной Азии в ближайшие годы[11].

Однако КНР придаёт большое значение сотрудничеству с Казахстаном в решении вопросов безопасности и готова принимать участие в стабилизации обстановки в Казахстане. Пекин стремится не допустить вмешательства других стран во внутренние дела центральноазиатских стран и

воспрепятствовать попыткам подрыва безопасности в этом регионе[12]. Визит Си Цзиньпина в Казахстан в сентябре 2023 г. показал, что КНР собирается усиливать разностороннее китайско-казахстанское сотрудничество.

Итак, подводя итог анализа внешнеполитической стратегии Китая, отметим, что первичным ареалом распространения его интересов является Индийско-Тихоокеанский регион, что стало вызовом гегемонии США. Вторым кругом внешнего влияния Китая стал Ближний Восток и страны Африки, третьим – Европа. Важным внешнеполитическим средством Китая стал традиционный для него курс на распространение экономического влияния. Китай удачно использует международный режим свободной торговли. Достижение им репутации второго центра силы в мировой политике достигается путём сохранения рынков сбыта своей продукции.

Список литературы

1. Timoteo M. Vague Notions in Chinese Contract Law: The Case of Heli. EUR. Rev. Private L. 2010. V. 18. P. 944-965.
2. Zhang Hongyu. “Three-Confidence” Theory and the Building of Chinese Discourse Right in Diplomatic Translation. China: An International Journal. 2016. Vol. 36. № 1. P. 94.
3. Bates G. China Matters: Getting it Right for Australia. Melbourne: Black Inc/LaTrobe. 2017.
4. National Security Strategy of the United States of America. 2017 URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
5. Лікарчук Д. С. Зовнішня політика Китаю: конфлікти, перспективи, нові сценарії URL: <https://doi.org/10.32782/2663-6170/2021.25.5>
6. Грубінко А. Наміри дракона URL: <https://ukrline.info/2023/03/30/namiry-drakona>
7. Міноборони КНР: Тайванське питання є найбільшим ризиком для відносин із США URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-world/3729582-knr-tajvanske-pitanna-e-najbilsim-rizikom-dla-kitajskoamerikanskih-vidnosin.html>
8. Zhang Hongyu. “Three-Confidence” Theory and the Building of Chinese Discourse Right in Diplomatic Translation. China: An International Journal. 2016. Vol. 36 № 1. P. 94.
9. Грубінко А. Наміри дракона URL: <https://ukrline.info/2023/03/30/namiry-drakona>
10. Селайшкин К. Текущие проблемы в китайско-казахстанских отношениях и пути их решения. Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2019. № 9. С. 104-114.
11. Чжан Хунцзян. Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях. Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 152.

12. Monthly Statistics of the General Administration of Customs // General Administration of Customs of the People's Republic of China. (site). URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/302276/4471436/index.html> (accessed 10.08.2022).

Түйіндеме

Мақалада мен Қытайдың Америка Құрама Штаттарымен, Тайваньмен, Ресей Федерациясымен, Шығыс Азиямен, Қазақстан Республикасымен қарым-қатынасын қарастырдым.

Халықаралық аренада Қытай маңызды рөл атқарады. Сияқты әртүрлі саяси форматтарға қатысады және "Үлкен жиырма". Қытай БҰҰ іс-шараларына, соның ішінде бітімгершілік күштерді жіберу арқылы қатысты, осылайша БҰҰ-ны реформалаудың жаңа тәсілдерін көрсетті. Қытайдың сыртқы саяси стратегиясы бірнеше факторларға негізделген: бұл серіктестерді экономикалық ынтымақтастыққа тартумен және геосаяси бәсекелестерге қарсы тұрумен қатар тартымды көрініс жасау. ҚХР әртүрлі жобаларды белсенді қаржыландыра отырып, дамушы экономикаларға жомарттықпен көмектесіп, осы жобалардың орындалуын мұқият қадағалай отырып, әлемдік аренада өзінің имиджін мұқият сақтайды.

Summary

In the article, I examined China's relations with the United States of America, Taiwan, the Russian Federation, East Asia, and the Republic of Kazakhstan.

China plays an important role in the international arena. He participates in various political formats, such as the BRICS and the Big Twenty. China participated in UN events, including by sending peacekeeping forces, thus demonstrating new approaches to UN reform. China's foreign policy strategy is based on several factors: This is the creation of an attractive appearance in parallel with attracting partners to economic cooperation and countering geopolitical competitors. The PRC carefully preserves its image on the world stage, actively financing various projects, generously helping developing economies and closely monitoring the implementation of these projects.

УДК

Жеңіс А.
Студентка 4 курса
ОП 6В03101 «Международные отношения»
Университет «Туран»
Научный руководитель: Рахматулина Д.М.,
магистр социальных наук, университет «Туран»

РОЛЬ МЯГКОЙ СИЛЫ В XXI ВЕКЕ

Ключевые слова: «сила», «мягкая сила», «жесткая сила», политический реализм, цифровая дипломатия, внешняя политика

Современные международные отношения характеризуются использованием концепции «мягкой силы». Это способ достижения своих целей без применения физической силы и угроз. «Мягкая сила» включает в себя дипломатию, культурный обмен и экономическое влияние. Цель «мягкой силы» состоит в построении долгосрочных взаимоотношений с другими странами, основываясь на доверии и сотрудничестве, на убеждении и воздействии на других людей.

В условиях глобализации современная система международных отношений основывается на многополярности, меняющимся балансом сил и новыми региональными лидерами во главе. Для сохранения суверенитета, отстаивании своих национальных интересов, прежде всего, необходимо выстроить успешную внешнюю политику, базирующуюся на сотрудничестве и партнерстве. Соответственно, в данном случае, необходимо развивать концепцию «мягкой силы» как основу международных отношений с целью обеспечения как национальной, так и международной безопасности.

Объектом исследования данной научной статьи выступают международные отношения в многополярном мире.

Предмет исследования: концепция «мягкой силы» и ее роль в многополярном мире в XXI веке.

Целью данной научной статьи является изучение концепции «Мягкой силы» и анализ ее воздействия на международные отношения.

Для достижения вышесказанной цели необходимо решить следующие задачи:

- Изучение теоретических основ концепции «мягкой силы»;
- Выявление роли и значимости данной концепции в международных отношениях;
- Определить влияние «мягкой силы» США на Республику Казахстан.

Степень изученности темы. В ходе написания научной статьи было использовано достаточно большое количество литературных источников. Автором концепции «Мягкая сила» является Джозеф Най, в связи с чем основой для проведения исследования послужила именно его работа «The Powers to Lead: Soft, Hard, and Smart; Soft Power: The Means to Success in World Politics». Также огромный вклад в изучение данной концепции внесли такие ученые как Эдварда Лок «Soft Power and Strategy: Developing a 'Strategic' Concept of Power» [1], Джулио Галаротти «Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used» [2], Брэнтли Уомакк «Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power» и многие другие.

Теоретико-методологической основой данной исследовательской работы являются методы сравнения, анализа, обобщения. А также сравнительно-

исторический анализ, помогающий раскрыть сущность концепции «мягкой силы» на рубеже XX-XXI веков. Далее, на основе системного подхода была выявлена значимость «мягкой силы» на систему международных отношений. В современном мире происходит значительное изменение в понимании термина «сила». С точки зрения реалистов и неореалистов сила определяется объемом ВВП, численностью населения и военной мощью, однако на смену приходит либеральная парадигма, характеризующаяся использованием только мирных средств путем сотрудничества и переговоров, в связи с чем происходит перестановка баланса сил и создание новых международных и региональных организаций, и это прямым путем влияет на обстановку в мировом сообществе.

Формирование концепции «мягкой силы» Джозефом Наем происходило в четыре ключевых этапа, которые связаны с соотношением политических сил и сфер влияния в международном сообществе. Первый этап характеризуется глобальным геополитическим, экономическим, идеологическим и военным столкновением двух самых мощных держав XX века — СССР и США. Иными словами, Холодная война. Эта ситуация стала толчком для разработки Д.Наем концепта «мягкой силы». Второй этап связан с распадом СССР 26 декабря 1991 года и объявлением США в качестве нового гегемона и установлением однополярного мира. Здесь мы можем наблюдать определение базовых компетенций характеристики «мягкой силы». Следующий этап затрагивает появление «умной силы» («smart power»), как сочетание «мягкой» и «жесткой» сил влияния с целью урегулирования международных конфликтов. На четвертом и заключительном этапе появляется «острая сила» («sharp power»), связанная с возникновением информационной войны и манипулятивных методов влияния на международную обстановку [1].

Для определения концепции «мягкой силы», во-первых, необходимо дать определение понятию «сила». Согласно мнению Джозефа Нае: «Сила словно погода. Все зависит от нее, говорят о ней, но лишь только некоторые понимают ее. Сила подобна любви, легче прожить ее, нежели дать ей точное определение. В словарях мы увидим, что сила означает влияние на поведение других, чтобы получить желаемый результат» [2].

Примечательно, что до концептуализации «мягкой силы» Джозефом Наем существовал концепт «культурно-идеологической гегемонии» в работах Грамши.

Для политического реализма характерна концепция «жесткой силы», означающая способность убеждать и менять позицию людей силой. Это может быть как военная, так и экономическая мощь. В отличие от «жесткой силы», концепция «мягкой силы» базируется на убеждении или, в большей степени, на способности влиять на людей аргументом, привлекать их, и данное привлечение обычно приводит к согласию. Сила, по мнению сторонников реализма, определяется в рамках возможностей государства, как основного актора в международных отношениях. В свою очередь, сила

состоит из таких факторов как: численность населения, размер территории, обеспечение ресурсами, экономический потенциал, военная мощь и политическая стабильность [3].

На самом деле, между «мягкой силой» и «жесткой силой» есть связь в том, что эти две концепции обладают способностью достигать своей цели путем влияния на других людей. Однако, существенная разница заключается в самой природе и характере этих двух концепций. Реалисты достигают своей цели способом принуждения и давления, когда сторонники либерализма или «мягкой силы» делают фокус на привлекательности их культуры, ценностей или способностью манипулировать повесткой дня политического выбора таким образом, что другие не могут выразить некоторые предпочтения, потому что они кажутся слишком нереалистичными. Типы поведения между двумя концепциями варьируются от принуждения до экономического побуждения, от постановки повестки дня до чистого притяжения. Под манипулированием политической повестки дня понимается влияние общественным мнением с целью внедрения стереотипов, нужным власти [2].

При выявлении роли и значимости концепта «мягкой силы» важно отметить преимущества и недостатки, влияющие на международные отношения в многополярном мире.

«Мягкая сила» делает акцент на трех важных аспектах, такие как как: во-первых, образование и культура как основные ценности общества; во-вторых, идеологическая значимость; в-третьих, внешняя политика, основанная на дипломатии и мирном урегулировании конфликтов путем переговоров либо достижением временных компромиссов.

Конечно, исключительным плюсом данной концепции является то, что в качестве основного инструментария выступает публичная дипломатия и в некоторой степени цифровая дипломатия. Таким образом, международные отношения строятся мирным и ненасильственным путем.

Однако любая концепция имеет свои пробелы, здесь можно отметить про то, что «мягкая сила» — это своего рода технология, при которой государство (в частности сверхдержава) при отстаивании своих личных национальных и геополитических интересов прибегает к воздействию на сознания граждан, и другие государства будут следовать данному шаблону. На данный момент только Соединенные Штаты Америки эффективно используют данной метод с целью защиты своих национальных интересов.

Кроме того, Джозеф Най открыто заявлял, что «мягкая сила» — это довольно легкий и дешевый инструмент, чтобы другие страны попали в политическую зависимость Вашингтона. Также это ограничение выбора других стран в выборе перспектив и самовольное преклонение интересам США [4].

Штаты, чувствуя гордость за обладание статуса «мирового лидера», используют не только военный арсенал, но и «умные подходы» для продвижения идеальной американской жизни и навязывания их

демократических принципов. В настоящее время при помощи процесса либерализации на мировой арене появляются новые полюса влияния, такие как: Китай, Индия, Евросоюз и Бразилия, Соединенные Штаты Америки [6], в свою очередь, находясь в условиях многополярности, вынуждены развивать свою «мягкую силу». В данной ситуации, сверхдержава опирается на два принципа, такие как: добровольное участие и взаимная симпатия. В качестве примера можно привести, что США стали ядром гуманитарной помощи, ярко провозглашая их демократические ценности и привлекая молодежь следовать за «американской мечтой», выделяя большое количество стипендий, программ обмена и многих других возможностей.

Республика Казахстан — это самая развитая страна Центральной Азии, согласно оценкам международных наблюдателей. Государство обладает богатыми природными ресурсами и приятным инвестиционным климатом. Также ключевую роль играет геополитическое расположение Казахстана на стыке Востока и Запада, где скрещиваются трансграничные транспортные коридоры и коммуникационные линии, в связи с чем в стране относительно приятный инвестиционный климат и это привлекает зарубежные инвестиции.

Ярким примером развития политики «мягкой силы» США является культурная и гуманитарная деятельность в Казахстане, заключенная в «Стратегии США для Центральной Азии 2019-2025: Продвижение суверенитета и экономического процветания». Хотя США имеет ограниченное влияние на Казахстан по сравнению с Россией, миллиардные инвестиции в местный экономический сектор (рост на 87,7% в первой половине 2021 года) позволяют Соединенным Штатам быть в авангарде стратегического партнерства [5].

Согласно исследованиям ученых Андрея Шенина и Айгерим Раимжановой «Genesis and Evolution of the U.S.-Kazakhstan Relations in the 1990s», Казахстан получил дивиденды от партнерства с Соединенными Штатами в плане экономического роста через инвестиции, но в то же время, Соединенные Штаты столкнулись с особыми трудностями на пути распространения демократических ценностей в результате конфронтации с Москвой и Пекином, а также географической удаленности региона. По данным мнениям, такое утверждение ученых продемонстрировало, как в Казахстане происходит столкновение экономических интересов и борьба за идеологическое господство между великими державами, что также означает борьбу за умы и сердца молодежи в Казахстане [5].

В заключении, концепция «мягкой силы» стала важным инструментом в проведении внешней политики в международных отношениях. Особую роль играет ненасильственный метод и урегулирование конфликтных ситуаций дипломатическим путем, однако в каждой теории есть свои плюсы и минусы. На примере взаимоотношений Казахстана и США можно заметить, что Республика Казахстан является государством, впитывающий западную культуру, образование и ценности, но и Америка, будучи сверхдержавой,

может использовать экономические рычаги, ставя экономику Казахстана в шаткое положение [6].

Список использованной литературы

1. Русакова О.Ф., Жакьянова А.М. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов. [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru>
2. Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.; Nye J. The paradox of American power. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.;
3. Giulio M Gallarotti. Soft Power: What it is, why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. [Electronic source]. URL: <https://www.researchgate.net>
4. Нямаахуугийн Батжаргал , Готовын Туяа. Позитивные и негативные грани «мягкой силы». [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/aida>
5. Айгерим Бахтиярова, Санат Кушкумбаев. Проекция американской «мягкой силы» в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-saa.kisi.kz>
6. Многополярный мир. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruxpert.ru>
7. Беседовал В.К. США используют экономические рычаги для дестабилизации Казахстана – экономист. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/ ssha>
8. Карлыгаш Мухтарова, Ермухамбет Конуспаев, Клара Макашева, Карим Шакиров. Позиции Казахстана в экономическом сотрудничестве с другими странами центральной Азии. [Электронный ресурс]. URL:
9. Курмангужин Р.С. "Мягкая сила" Казахстана. [Электронный ресурс]. URL: <https://spp.almau.edu.kz/149>
10. Бекбергенова М. "Мягкая сила Казахстана". Зачем казахстанские вузы будут открывать филиалы в странах Центральной Азии. [Электронный ресурс]. URL: <https://informburo.kz>
11. Арланов Е. О секретах и подводных камнях «мягкой силы» США в странах Центральной Азии. [Электронный ресурс]. URL: <https://kz24.news/article>

Түйіндеме

XXI ғасырда сыртқы саясат пен дипломатияны жүргізудің зорлық-зомбылықсыз әдістеріне негізделген "жұмсақ күш" тұжырымдамасы халықаралық қатынастардың дамуында маңызды рөл атқарады. Бұл тұжырымдаманың авторы-Джозеф Най, ол "күш" ұғымына анықтама беріп, айналымға жаңа "жұмсақ күш" енгізді. Америка өзінің экономикалық және саяси күшін пайдаланып, осы тұжырымдаманы іске қосады. Осылайша басқа елдерді Вашингтонға тәуелді етеді. Нәтижесінде, бұл АҚШ, Қытай және

Ресей арасындағы идеологияның қақтығысы болып жатқан Қазақстан Республикасында көрініс табады.

Summary

In the XXI century, the concept of "soft power" based on non-violent foreign policy and diplomacy plays a significant role in the development of international relations. The author of this concept is Joseph Nye, who defined the concept of "force" and introduced a new "soft force". America, with its economic and political power, is driving this concept, making other countries dependent on Washington. As a result, this is reflected in the Republic of Kazakhstan, where there is a clash of ideology between the US, China and Russia.

УДК 327.5

Лычакова Елизавета,
ОП Регионоведение, 2 курс
Научный руководитель: Торланбаева К.У.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: интеграция, перспективы развития, регионализация, Центрально-Азиатский регион, взаимовыгодные отношения, глобализация.

Проблемы и перспективы развития интеграции в странах Центральной Азии являются актуальной темой. Это связано с желанием стран достичь максимального развития в экономическом, а также политическом плане. Специалистами были рассмотрены не только проблемы, которые имеются на сегодняшний день, но и перспективы развития стран Центрально-Азиатского региона как отдельного сообщества.

Актуальность темы обусловлена необходимостью взаимовыгодного сотрудничества, налаживанию экономических связей, решению водных проблем, миграции, ростом риска связанного с демографическим фактором, региональной диспропорцией, а также террористическими рисками в странах Центральной Азии.

Историографической базой послужили научные труды исследователей в сфере регионоведения, политологии и востоковедения, таких как Новосельский Г.Я., Темкина И.М., Адамкулова Ч.У., Смагулова Д.К. и др. Статья Темкина И.М. «Современные трактовки интеграционного процесса в ЦА» посвящена проблемам понимания интеграционных процессов, происходящих в странах Центральной Азии. Работа Адамкулова Ч.У. «Интеграционные процессы в Центральной Азии» отмечает слабые стороны

развития политического и экономического взаимодействия между нашими государствами, которые могли бы быть более эффективными. Перспективам интеграционных процессов в центрально-азиатском регионе посвящено исследование Смагуловой Д.К. «Интеграционные процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы».

Объектом исследования нашей работы выступают страны Центральной Азии, тогда как предметом выступают проблемы и дальнейшие перспективы процесса интеграции стран Центральной Азии.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать проблемы, которые мешают развитию интеграции стран Центральной Азии.

Для достижения данной цели выделены такие задачи, как:

- анализ проблем предыдущих лет и выявление различных закономерностей в интеграции стран ЦА;
- анализ и последующий прогноз благоприятных перспектив в развитии взаимоотношений стран ЦАР по данным специалистов в сфере политологии и регионоведения.

Анализ. По мнению Смагуловой Д.К., автора статьи «Интеграционные процессы стран Центральной Азии: проблемы и перспективы», развитие интеграции стран Центральной Азии способно повысить свой уровень, но для достижения ожидаемых и благоприятных результатов страны должны переосмыслить свой подход к интеграции [1, с. 117-119].

Центральная Азия включает в себя несколько государств. В нее входят страны бывшего СССР - Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан, а также Афганистан, часть территории Китая и южная часть Российской Федерации. В историко-культурном отношении этносы Центральной Азии довольно близки. Народы, проживающие на данной территории, имеют общие исторические корни, религиозные взгляды и мировоззрение. Тогда возникает вопрос: почему же страны до сих пор не смогли прийти к общему решению касательно объединения в одну организацию или усилению интеграционных процессов?

Многие эксперты считают, что интеграция рассматриваемых стран, невозможна и обосновывается теорией о том, что создание кооперативного сообщества требует от стран общего решения многих вопросов.

Во-первых, у многих стран существует свое понятие о Центральной Азии. По словам одного из экспертов в области политологии Рустама Бурнашева, Центральная Азия для Казахстана значительно отличается от Центральной Азии Узбекистана. Узбекистан предлагает формирование взаимного сотрудничества по своему периметру. Этот факт свидетельствует о том, что Узбекистан формирует «свою» Центральную Азию [2].

Во-вторых, сложности в интеграции регионов при существовании крупной структуры. В данном случае, такой структурой является ЕАЭС (Евразийский экономический союз), в которую входит большая часть стран Центрально-Азиатского региона. В следствии этого не имеет смысла создавать еще одну структуру, которая в любом случае, будет уступать в

качестве и эффективности существующей. Другая проблема эффективен ли этот союз для процесса интеграции между странами ЦА?

В-третьих, возможность дестабилизации стран региона из-за роста угроз наркотрафика, экстремизма и терроризма вырастает нежелание стран сотрудничать между собой, во избежание серьезных последствий для экономической и политической сферы. Так, например, Узбекистан принципиально не готов к развитию экономического сотрудничества с Таджикистаном, даже несмотря на возможность приобретения дешевой электроэнергии.

Далее стоит рассмотреть экологический фактор, который сильно влияет на взаимоотношения между странами. Уязвимость водных ресурсов: Центральная Азия является регионом с низким количеством пресной воды и высокой степенью загрязнения водных ресурсов. Конфликты между странами периодически возникают из-за доступа к ограниченным водным ресурсам и отсутствия единого подхода к их управлению [1, с. 118].

Вышеперечисленные вопросы – это объективные ограничения. Они являются тормозом в процессе образования Центрально-Азиатской интеграции. Кроме этого размер территории, наличие природных ресурсов и способ их использования, различные транспортные маршруты сказываются на странах и возможностях глобализации очень негативно. Страны становятся различными по уровню развития как политически, так и экономически.

Ярким примером может служить Казахстан. В сравнении с другими государствами рассматриваемого региона, он является самым развитым, а также имеет огромные перспективы в дальнейшем развитии. По данным Всемирного банка по итогам 2020 года, ВВП Казахстана составил 170 млрд. долларов [2].

Также стоит отметить Узбекистан. Государство претендует на место лидерства в регионе. Оно является наиболее конкурентоспособным после Казахстана. Очень сильно заметен рост страны в экономическом плане. Однако отказ от проведения широкомасштабных реформ, посвященных построению внешнеполитических связей, дает негативные последствия. В связи с этим, государство навряд ли сможет стать центром региона.

В статье Новосельского Г.Я. и Темкиной И.М. «Современные траектории интеграционного процесса в ЦА: анализ и прогноз» отмечается тот факт, что регионы преодолевали несколько этапов для осуществления планов объединения и взаимовыгодного сотрудничества [4, с.20]. Первый этап связан с необходимостью поддержания связей между молодыми государствами с 1991 года, т.е. подписание Договора о создании единого пространства между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан. Второй этап - начало XXI века - попытки развития региональной интеграции без участия внешних сил, т.е. России и Китая. Третий этап - смещение фокуса к евразийскому интеграционному пространству.

Но как мы видим, на сегодняшний день не все мероприятия, посвященные данному вопросу, давали серьезные результаты. Однако создаются проекты, в которых страны ЦА выступают как единый регион.

Так, например, проект «С5+1». Главная суть заключается в развитии межнациональных и взаимовыгодных отношений Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии и Таджикистана, как единой системы, с другими странами. В данном проекте уже участвовали США, Корея, Япония, а также страны Евросоюза [5, с. 9-10]. Результаты дают надежду на то, что подобные интеграции будут продолжаться. А страны ЦА не останутся обделенными в данном вопросе.

Если рассматривать вопрос о международном сотрудничестве подробно, можно заметить, что представители стран создают как можно больше возможностей для его реализации. С самого начала распада СССР страны стараются поддерживать дружественные отношения не только между собой, но и с мировыми державами (Китай и Россия).

Таким образом создавались такие организации, как ЦАС (Центрально-Азиатское сотрудничество). Договор о его создании был подписан Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном в 1991 году. В 1994 вступил в данную организацию и Таджикистан, а в 2004 – Россия.

Создаются организации, в которые вступают страны для безопасного и перспективного всестороннего развития. Примером может служить, созданная в 2001 году, Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС). В организацию входят Россия, Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан. Они заинтересованы в первую очередь в экономическом взаимовыгодном сотрудничестве. Целью было поставлено всестороннее развитие всего региона в сфере экономики, использования всевозможных ресурсов для достижения более высокого уровня развития.

Переходя к вопросу о перспективах и возможностях ЦАР, стоит отметить его достоинства. Наиболее яркими из них являются: низкая стоимость наёмных рабочих; достаточно выгодное, хотя и спорное, геополитическое расположение (находиться в центре материка и есть возможность сотрудничать со странами Европы через друг друга, тем самым создавать выгодные условия для всего региона); наличие огромных запасов природных ресурсов [5, с. 8].

Если процесс интеграции будет развиваться в положительной динамике, то страны Центрально-Азиатского региона безусловно смогут достичь огромных результатов, связанных не только с повышением уровня внутренней экономики, но также и с хорошей репутацией в повсеместном плане на мировой арене.

Конечно, перспективы всегда были, есть и будут. Однако, как было сказано выше, основная проблема, которая препятствует развитию успешной интеграции и налаживанию взаимоотношений между странами ЦАР - разный уровень развития в экономическом плане. На данный фактор влияет развитие экономики, то есть на сколько налажены торговые отношения региона,

уровень внутреннего валового продукта (ВВП), качество и количество ресурсов, и конечно – качество работы политических институтов.

Как упоминалось ранее, Казахстан является экономически развитым регионом. У страны налажены хорошие отношения со многими мировыми державами. Кроме этого он является суверенным государством и не участвует в конфликтах между другими государствами – сохраняет нейтралитет.

Противоположностью Казахстана эксперты считают Кыргызстан. Экономическое положение страны находится в упадке. В региональном ВВП его доля составила всего 2,7% [4, с. 21].

В связи с обострением проблемы уровня развития между странами, эксперты в области регионоведения высказывают свою точку зрения следующим образом. Они говорят, что процесс регионализации невозможен пока страны не пришли к одинаковому уровню развития. В статье Пулатходжаева З.С. «Процесс формирования международного субрегиона в Центральной Азии» автор говорит о том, что мнения экспертов расходятся на счет формирования интеграционных процессов бедными странами [6, с.84]. Одни убеждены в том, что такие страны должны вступать в масштабные международные организации или напрямую принимать участие в глобализации. Но сторонники регионализма напротив считают, что региональные интеграционные отношения способны оказывать положительное влияние. Такие постепенные вступления будут служить уроками и нарабатываемым опытом для глобальной интеграции.

Заключение. Исходя из всех данных приведенных выше, можно сказать, что предыдущий опыт в составлении интеграции и участие в подобных процессах, дает странам возможность и дальше развиваться по всем направлениям. Регионализация необходима для достижения более высокого уровня в способности достижения взаимовыгодных отношений. Несмотря на то, что некоторые эксперты не дают точных ответов на вопрос «стоит ли пытаться создать интеграцию странам Центральной Азии?» мы можем сказать одно. Перспективы и возможности есть. Постепенное продвижение и развитие сначала небольшой организации, опыт в формировании общих идей развития могут помочь странам достичь чего-то большего.

Однако проблемы в уровнях развития остаются не решенными. Во многих сферах виден значительный рост в развитии отдельных регионов. Государства хотят сохранить свой суверенитет и независимость. Подстраиваться под кого-то, зависеть от кого-либо - это не то, чего ожидают страны в будущем. Но без взаимовыгодного сотрудничества рост и развитие просто невозможно [7, с.189-191].

Выводом на все вышесказанное мы можем сделать тот факт, что страны бывшего СССР, находящиеся в Центральной Азии, безусловно имеют огромные перспективы для регионализации и созданию интеграционных организаций. Проекты по продвижению могут стать известными по всему

миру. Но многие аспекты развития и современных проблем не могут гарантировать сто процентный успех.

Несмотря на это, сотрудничая между собой, страны ЦА могут выйти на более высокий уровень. Этому могут способствовать создание совместных инфраструктур, развитие логистической сферы взаимовыгодного сотрудничества, рост торговли и инвестиций и многое другое.

Интеграция стран Центрально Азии является основным показателем устойчивого и постепенного развития экономико-социальной сферы региона в условиях современной глобализации. Опыт предыдущих лет показывает высокую заинтересованность государств в совместной работе, совместном развитии и продолжении как экономического, так и политического роста.

Список использованной литературы

1. Смагулова Д.К. Интеграционные процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Евразийская Экономическая Интеграция № 4(17), 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (Дата обращения: 12.02.2024)

2. Новая Центральная Азия. Какое будущее ждет регион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/> (дата обращения: 20.02.2024)

3. Жапаров А. ВВП стран Центральной Азии достиг 290 млрд долларов, вклад Кыргызстана меньше 3% [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://rus-> (Дата обращения: 12.02.2024)

4. Новосельский Г.Я., Темкина, И.М. Современные трактовки интеграционного процесса в ЦА: анализ и прогноз [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика №1 (3), 2013. Режим доступа: <file:///C:/Users> (Дата обращения: 17.02.2024)

5. Адамкулова Ч.У. Интеграционные процессы в Центральной Азии: состояние, риски и перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecogofond.kz> (Дата обращения: 16.02.2024)

6. Пулатходжаев З.С. Процесс формирования международного субрегиона в Центральной Азии // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. №5(7) 2020. С. 82-90 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 10.02.2024)

7. Алиева Р.Р. Интеграция - фактор устойчивого развития и стабильности государств Центральной Азии // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2015. С. 187-198 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения 17.02.2024).

Түйіндеме

Орталық Азия елдерінің интеграциясы қазіргі жаһандану жағдайында аймақтың экономикалық және әлеуметтік саласының тұрақты және кезеңді

дамуының негізгі көрсеткіші болып табылады. Өткен жылдардың тәжірибесі мемлекеттердің бірлесе жұмыс істеуге, бірлескен дамуға және экономикалық және саяси өсуді жалғастыруға жоғары мүдделілігін көрсетеді.

Summary

The integration of the countries of Central Asia is the main indicator of the sustainable and gradual development of the economic and social sphere of the region in the conditions of modern globalization. The experience of previous years shows the high interest of states in working together, joint development and continuation of both economic and political growth.

УДК 327.9

Әлпейісова М.Ш.

Магистрант 2 курса ОП «Международные отношения»

Университет «КазНУ»

Научный руководитель: к.и.н., ст. преподаватель Утегенова А.Р.

Университет «КазНУ им. Аль-Фараби»

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: культурная политика, мягкая сила, сотрудничество, Южная Корея, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, влияние.

Южная Корея, с ее богатым культурным наследием и стремительным экономическим ростом, активно использует культурную политику для укрепления своего влияния в мировом масштабе. Одним из ключевых направлений внешней политики страны является взаимодействие со странами Центральной Азии. В этой статье мы рассмотрим суть и влияние культурной политики Южной Кореи в странах Центральной Азии. Южная Корея активно наращивает культурные связи со странами Центральной Азии через разнообразные программы и инициативы. Открытость культурному обмену и уважение культурных особенностей укрепляют имидж страны как толерантной и открытой к мировым культурным разнообразиям.

Одним из наиболее важных аспектов культурной политики Южной Кореи является «поп-культура», включая кей-поп, кино и телевизионные сериалы. Эти аспекты стали глобальным явлением, и их влияние ощущается и в странах Центральной Азии. Корейская музыка, мода и кинематография завоевывают сердца людей, создавая культурные связи и обогащая местное культурное пространство. Немаловажным является, что Южная Корея активно поддерживает обучение корейскому языку и предоставляет

стипендии для студентов из стран Центральной Азии. Это не только способствует языковой интеграции, но и укрепляет образовательные связи между странами. Обмен студентами и учебные программы создают плацдарм для взаимного понимания и обогащения знаний. Культурная политика Южной Кореи также оказывает влияние на экономические отношения. Популярность корейских товаров и услуг в Центральной Азии способствует развитию торговых связей и привлекает инвестиции. Это создает благоприятные условия для развития экономического партнерства и взаимного выигрыша. Современные технологии стали важным инструментом в продвижении культурных ценностей [1]. Южная Корея активно использует цифровые платформы для распространения своей культуры. Виртуальные музеи, онлайн-выставки и стриминговые платформы для корейского контента позволяют достичь широкой аудитории в странах Центральной Азии. Культурная политика Южной Кореи несет в себе не только культурные аспекты, но и политическую значимость. Развитие «мягкой силы» позволяет Южной Корее активно участвовать в формировании общего пространства ценностей, способствуя созданию долгосрочных партнерств.

Стратегия «мягкой силы» и план «корейская волна» работали сообща, чтобы помочь Южной Корее создать позитивный имидж во всем мире и помочь в решении важных геополитических задач [2]. Это также улучшило условия безопасности многих корейцев, проживающих за рубежом, поскольку благодаря благоприятному имиджу, Корея и корейцы воспринимаются в позитивном ключе. В результате они сталкиваются с меньшей дискриминацией и имеют больше шансов интегрироваться в общество, в котором они живут. Здесь особенно выделяется роль корейских знаменитостей и звезд. Они стали символом Кореи в странах, где популярна «корейская волна», послание, которое представляют эти звезды, оказало значительное влияние на умы многих последователей «корейской волны». В результате звезды «корейской волны» стали жизненно важными информационными ресурсами для страны, и ожидается, что они будут играть более активную, хотя и заниженную политическую роль, представляя корейцев на региональной и глобальной арене. Потенциал «мягкой силы» Кореи сегодня не так ограничен, как это было десять лет назад, благодаря «корейской волне» и «поп-культуре». Также, обладая нынешним интеллектуальным талантом, Корея вполне может создать большой потенциал «мягкой силы», чем когда-либо прежде. С одной стороны, Республика Корея всегда привлекала страны Центральной Азии с точки зрения расширения своей экономики и торговых партнеров, а с другой – как модель для воплощения экономического чуда, передовых технологий и инвестиций. Многие люди в Центральной Азии восхищаются успехом Республики Корея, экономическим чудом, передовыми технологиями и культурой [3].

Кроме того, «мягкая сила» Республики Корея более привлекательна и не рассматривается как угроза местной культуре в государствах Центральной

Азии. Это можно объяснить уже существующим опытом совместного проживания с корейцами в течение нескольких десятилетий, в течение которых корейцы не только выучили русский, но и изучили местные языки и стали членами местных сообществ. В регионе проживает более 300 000 потомков корейцев, с заметной концентрацией в различных странах Центральной Азии. По данным министерства иностранных дел Республики Корея, в регионе Центральной Азии самая большая часть этнических корейцев проживают в Узбекистане – 178 000, затем 110 000 в Казахстане, 19 000 в Кыргызстане, 1000 в Туркменистане и 800 в Таджикистане. Немаловажным выделяется, что в 2017 году исполнилось 80 лет со дня создания корейской диаспоры в Центральной Азии [4].

Корейцы в качестве административных выселенцев из Дальнего Востока были переселены в регион в 1937 г., что предписывало им ограничение в передвижении пределами Средней Азии вплоть до 1957 г. После распада СССР активная миграция продолжилась среди уже 4-го поколения корейцев, которые, по разным оценкам, устремились в Казахстан и Россию. Многие корейцы Центральной Азии уже практически не говорят на корейском языке, а мягкая сила Республики Корея пользуется популярностью практически у всех этнических групп Центральной Азии [5].

Основываясь на фундаменте взаимовыгодных экономических связей и общей культурной близости, Южная Корея и страны Центральной Азии развили тесное сотрудничество с тех пор, как они установили дипломатические отношения в 1992 году. Можно отметить, что Республика Корея одним из первых государств Азиатско-Тихоокеанского региона признала независимость всех республик Центральной Азии. Республика Корея имеет дипломатические представительства во всех столицах пяти республик, в Алматы с 2016 г. функционирует Генеральное консульство. Государства Центральной Азии также имеют свои дипломатические представительства на уровне посольств в Сеуле. Важно выделить, что в августе 2021 г. президент Казахстана К.Ж. Токаев издал указ об открытии Генерального консульства в Пусане.

Также для укрепления взаимных отношений за прошедшие годы было проведено в общей сложности 16 саммитов между Кореей и Узбекистаном, 14 с Казахстаном, 5 между Кореей и Туркменистаном, 2 с Кыргызстаном и 3 с Таджикистаном [6]. Если количество саммитов демонстрирует динамику и глубину сотрудничества, то количество официальных визитов первых лиц подчеркивают сферы заинтересованности. Визиты первых лиц не характеризуются интенсивностью, но любой визит приурочивается к определенному мероприятию, как открытие совместного предприятия или культурного центра. Президенты всех республик Центральной Азии совершали визиты в Сеул, а лидеры Республики Корея были только в Казахстане и Узбекистане, Туркменистане, на уровне премьер-министра в Кыргызстане и Таджикистане.

В Министерстве иностранных дел Республики Корея есть агентство под названием КОИСА – Корейское агентство международного сотрудничества, которое занимается инициативами по оказанию бесплатной помощи государствам [7]. КОИСА поддерживает инициативы в республиках Центральной Азии с 1994 года. Например, с 1995 по 2018 год Агентство выделило 94,32 миллиона долларов США на развитие 29 проектов в Узбекистане. Во время официальных визитов высших должностных лиц всегда четко выражались взаимные ожидания и стремление к сотрудничеству. Но, ожидания могут варьироваться и меняться в свете глобальных тенденций в международной политике, региональных изменений и изменений во внутренней политике государств.

Подводя итог, можно отметить, что культурная политика Южной Кореи в странах Центральной Азии открывает новые горизонты сотрудничества и взаимопонимания. Она не только способствует развитию культурных связей, но и укрепляет экономическое и образовательное взаимодействие. Важно продолжать акцентировать внимание на уважении и включении местных традиций, чтобы обеспечить устойчивое и взаимовыгодное партнерство между Южной Кореей и странами Центральной Азии. Культурная политика Южной Кореи может представлять собой сложный и многогранный процесс, который оказывает глубокое влияние на общество, экономику и политику региона. Но также, культурная политика Южной Кореи в странах Центральной Азии имеет огромный потенциал для дальнейшего развития. Необходимость постоянного обновления и расширения программ, а также учета изменяющихся культурных и общественных тенденций, поможет укрепить позиции Южной Кореи в регионе и способствовать взаимному обогащению. А также укреплять устойчивое и взаимовыгодное партнерство между Южной Кореей и странами Центральной Азии.

Список использованной литературы

1 Хонг Ю. Корейская волна. Как маленькая страна покорила весь мир. – М., 2021.

2 Буланаква М.А. Евразийский вектор внешней политики Республики Корея: фактор Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. Номер 4. С. 70-87.

3 30-летие установления дипломатических отношений между Южной Кореей и странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.kf.or.kr/korcenRus/na/ntt/selectNttInfo.do?nttSn=114802&bbsId=133>

4 Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mofa.go.kr/eng/index.do>

5 Корейцы в Казахстане: раствориться среди народа той страны, куда выслали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-almaty-korean-language-article/31114870.html>

6 Официальный сайт Korea-net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.korea.net/>

7 Официальный сайт KOICA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.koica.go.kr/sites/koica_kr/index.do

Түйіндеме

Мақалада Оңтүстік Кореяның Орталық Азия елдеріндегі мәдени саясатының маңызы мен бағыттары қарастырылған. Оңтүстік Кореяның Орталық Азия елдерімен мәдени ынтымақтастыққа белсенді қатысуы тараптардың қарым-қатынасына оң әсер етеді. Оңтүстік Кореяның Орталық Азия елдеріндегі мәдени саясатының одан әрі дамуы үшін зор әлеуеті бар. Өзара түсіністік пен құрметке негізделген мәдени саясат стратегиясының тұрақты және өзара тиімді аспектілері Оңтүстік Корея мен Орталық Азия арасындағы ұзақ мерзімді перспективада ынтымақтастық пен серіктестік үшін негіз болады.

Summary

The article examines the importance and directions of South Korea's cultural policy in Central Asian countries. South Korea's active participation in cultural cooperation with Central Asian countries has a positive impact on the relations between the parties. It is noted that South Korea's cultural policy in Central Asian countries has great potential for further development. Sustainable and mutually beneficial aspects of the cultural policy strategy based on mutual understanding and respect are becoming the basis for long-term cooperation and partnership between South Korea and Central Asia.

ӘОЖ 303

Оразбекова А.Р.

«Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті»

КеАҚ колледжі,

«Жалпы білім беру пәндері» кафедрасының оқытушысы

КӘСІПТІК ТЕХНИКАЛЫҚ БІЛІМ БЕРУДЕ ТАРИХТЫ ОҚЫТУДЫҢ ИНТЕРАКТИВТІ ТӘСІЛДЕРІ

Түйін сөздер: Интерактивтік формалар мен тәсілдер, интерактивтік оқытудың мәні.

XX ғасырдың 60-70 жылдарында АҚШ-та, Батыс Еуропа елдерінде, Жапонияда, Тынықмұхиты аймағының кейбір елдерінде білім берудің экономикалық өсудің маңызды факторы ретіндегі рөлін және оның

мемлекеттік деңгейде айрықша көңіл бөлуді және қамқорлықты талап ететін сала екендігін терең түсіне бастаған кезде, «білім беру саласындағы мемлекеттік саясат» термині, немесе «мемлекеттік саясат» сөзі бұрыннан келе жатқан «ішкі саясат», «сыртқы саясат», «экономикалық саясат», «ғылыми-зерттеу саясаты» секілді ұғымдардың қатарынан өз орынын тапты [1, 186-187 б].

Бүгінде Қазақстанда білім беру жүйесін жетілдірудің маңызды бағыттарының бірі—кәсіби құзыреттілікті және оқытудың кәсіби-шығармашылық бағытталғандығын қалыптастыруда дамыған елдердің тәжірибесін пайдалану болып табылады, осыған орай «елдегі білім берудің жағдайын объективті бағалау өзекті мәселе болып табылады».

Заманауи білім беру жүйесі үйренушілерге пайымдау, әртүрлі көзқарастарды және ұстанымдарды салғастыру, фактыларды, заңдарды, ғылыми заңдылықтарды білуге, өзіндік бақылауларына, жеке және өзге де тәжірибелерге сүйене отырып дербес көзқарас қалыптастыру және дәлелдей алу мүмкіндіктерін беруге негізделе құрылады. Көрсетілген факторлар білім беру саласында осы қайшылықтарды шешуге тырысатын және социумның жаңа сұраныстарын қанағаттандыратын әртүрлі әлеуметтік-педагогикалық бастамаларды жандандырады. Олардың көпшілігін білім беру технологиялары санатына жатқызуға болады.

Бүгінде тарихты оқыту мақсаты бағдарламалық білімді беруге емес, осы пәннің танымдық міндеттерін шешу мысалындағы әрекеттерді орындаудағы жинақталған тәсілдерді қалыптастыруға бағытталған.

Лекциялық дәрістерде кез-келген студент мини-дискуссияға қатысуға, лекторға сұрақ қоюға және лекция тақырыбы бойынша оның сұрақтарына жауап беруге дайын болуы қажет. Осылайша тек оқытушының монологы болып қана қоймай, лекциялардағы жұмыс қыза түседі.

Семинар сабақтарына өздігінен дайындалу барысы студенттің әр сабақтың тақырыбы бойынша барлық тапсырма түрлерін міндетті орындауынан тұрады. Студент сабақ жоспары бойынша сұрақтарға жауап беруге, негізгі түсініктер мен категорияларды берік игеруге, өзін-өзі тексеру сұрақтарына жауап беруге және әр сабақтың тақырыбы бойынша мәселелік тапсырмаларды (тарихи міндеттерді шешу, мәселелік сұрақтарға жазбаша жауап, логикалық схемалар және т.б.) жазбаша орындауға дайын болуы керек. Тек оқу-әдістемелік кешеннің (ОӘК) барлық тапсырмаларын орындау ғана студентті осы пән бойынша қорытынды сынаққа жіберуге негіз бола алады. Осылайша, ОӘК студенттерді аудиториялық дәрістерге мұқиятты түрде дербес дайындалуға бағыттайды, дәрістердің тиімділігін, сондай-ақ оқыту сапасын арттыруға мүмкіндік береді.

«Білім беру» мен «дамуға қол жеткізу» арасында үлкен айырмашылық бар. Білімді жаттап қана алу көп өтпей студенттердің бұл мәліметтерді ұмытуына алып келеді. Тек пайымдалған және іс жүзінде жан-жақты тексерілген білім ғана адамның нағыз табысына айналады—біздің ақылымыз өзіне дәлелденген деп саналатын ақиқаттан ажырамайды.

Таным үдерісі педагог үшін және студенттер үшін де қызықты, елеулі болу үшін білім беруді қалай орналастыруға болады? Біз интерактивті оқытуды ұсынамыз.

Көптеген басты әдістемелік жаңашылдықтар бүгінде оқытудың интерактивтік әдісімен байланысты. Түсінікке анықтама бере кетелік. «Интерактив» сөзі ағылшынның “interact” сөзінен шыққан. “Inter” – бұл «өзара», “act” – әрекет ету. Интерактивтік– әлденемен (мысалы, компьютер) немесе әлдекімен (адаммен) өзара әрекеттесу немесе әңгімелесу жүйесінде, диалогта болу қабілетін білдіреді. Демек, интерактивтік оқыту–бұл ең алдымен, барысында оқытушы мен студенттің өзара әрекеті орындалатын диалогтық оқыту. «Интерактивтің» негізі сипаттамалары қандай? Интерактивтік оқыту–танымдық әрекетті ұйымдастырудың арнайы формасы екенін мойындауымыз керек. Оның барынша нақты және болжалды мақсаттары бар. Сондай мақсаттардың бірі–студент өзінің жетістігін, өзінің зиякерлік толғандығын сезіне алатын оқытудың ыңғайлы шарттарын қалыптастырудан тұрады, бұл білім беру үдерісін өнімді ете түседі.

Интерактивтік оқытудың мәнін қарастырсақ, оқу үдерісі топтағы барлық студенттер толықтай таным әрекетіне тартылатындай етіп ұйымдастырылуы қажет, оларға олардың білетіндері мен ойлайтындары бойынша түсінуге және атсалысуға мүмкіндік беріледі. Студенттердің таным үдерісіндегі, оқу материалын игерудегі бірлескен әрекеттері әркімнің айрықша дербес үлес қосуын, білімдерімен, идеяларымен, әрекет тәсілдерімен алмасуын білдіреді. Оның үстіне бұл тілектестік және өзара қолдау жағдайында өтеді, бұл жаңа білім алуға ғана мүмкіндік беріп қоймай, сонымен бірге танымдық әрекеттің өзін де дамытады, оны бірігу мен ынтымақтастықтың жоғарғы формаларына көтереді. [2, 18-19 б].

Тарих бойынша дәрістерде интерактивтік іс-қимылдар диалогтық араласуды ұйымдастыруды және дамытуды көздейді, бұл өзара түсіністікке, өзара әрекеттестікке, жалпыға ортақ, бірақ әрбір қатысушыға елеулі міндеттерді бірлесіп шешуге алып келеді. Интерактив қатысушылардың біреуінің, сондай-ақ бір пікірдің басқалардан басымдық көрсетуіне жол бермейді. Диалогтық оқыту барысында студенттер сыни ойлана білуді, шарт-жағдайды және тиісті ақпаратты сараптау негізінде күрделі мәселелерді шешуді, балама пікірлерді салмақтай білуге, ойластырылған шешім қабылдауды, пікірталастарға қатысуды, өзге адамдармен араласуды үйренеді. Бұл үшін семинарларда жеке, жұптық және топтық жұмыс ұйымдастырылады, зерттеу жобалары, рөлдік ойындар қолданылады, құжаттармен және әртүрлі ақпарат көздерімен жұмыс жүргізіледі, шығармашылық жұмыстар пайдалынады.

Қазіргі уақытта әдіскерлер мен оқытушы-практиктер тарихты оқытудың топтық жұмысының көптеген формаларын дайындап ұсынады. Олардың ішіндегі ең белгілілері – «улкен шеңбер», «вертушка», «аквариум», «милық шабуыл», «дебаттар», «рөлдік және іскерлік ойындар», «дискуссия», «топтық немесе жұптық жұмыс», «оюлы ара», «позиция ұстан», «пікірлер шкаласы»,

«нақты жағдайлар», «әткеншек», «аяқталмаған сөйлем», «шешімдер ағашы», «метод пресс» және т.б. Бұл формалар семинар барысында студенттер алдыңғы сабақтарда алған алғашқы түсініктері бар қандай да бір проблема жалпы талқыланғанда ғана тиімді болады. Оның үстіне, талқыланатын тақырыптар жабық немесе өте тар болмауы керек. Талқыланатын мәселенің деңгейі ең қарапайым сұрақтардан мәселені кеңінен қоюға өтуге мүмкіндік бергені маңызды. Үнемі ізденісті талап ететін жұмыс қана қызықты болмақ. Жеңіл материалдар қызығушылық туғызбайды. Оқу материалы мен оқу тапсырмасының қиындығы осы қиындықты алу мүмкіндікті, қолжетімді болғанда ғана қызығушылыққа алып келеді, олай болмағанды қызығушылық тез азаяды [3, 217–233 б].

Танымдық үдеріс тек әрекеттің жүруі мен нәтижесіне ғана емес, сонымен қатар ойлау, елестету, жады, көңіл секілді психикалық үдерістердің де өтуіне жағымды ықпал етеді, олар танымдық қызығушылықтың әсерімен айрықша белсенділік мен бағдарлыққа ие болады.

Интерактивтік оқыту педагогтың жұмысына деген талапты да барынша өзгертеді. Педагог білім беру жүйесі дамуының өзекті сұраныстарын ескере отырып, келесі қабілеттерді меңгеруі тиіс:

- тапсырманы зерттеу үдерісін үйренуші өзінің бастамасы ретінде қабылдайтындай етіп ұйымдастыру қажет;

- студенттерді шамаларын біріктіруге итермелейтін дәрістік жағдайларды мақсатты түрде ұйымдастыру;

- дәрісханадағы дәріс атмосферасын жасау және студенттерге өз көмегін беріп тұру;

- педагогтық өзара әрекеттің студенттердің педагогтың басқарушы қимылына реакциясына ықпалын түйсіне отырып, стандартты емес оқу және тұлғааралық жағдайларды шеше білу;

- өз ғылыми беделін сақтай отырып студенттерге көмектесу, олардың тәуелділігіне ұшырамау, бұл олардың ойлау әрекетін шектейді, зияткерлік дербестік үлгісін көрсету.

Осылайша, интерактивтік оқытуды ұйымдастырудың әдістемелік негіздері келесі жағдайлардан тұрады:

- дәріс тақырыбының мәселелік жағын таба білу;

- диалогқа алып келетін оқу кеңістігін ұйымдастыра білу;

- таным үдерісіндегі студенттер мен оқытушының бірлескен әрекет етуге мотивациялық дайындығы;

- студенттердің қойылған міндетті шешу үшін шамаларын біріктіруге итермелейтін арнайы жағдайлар туғызу;

- студенттер мен оқытушының оқу ынтымақтастығының ережесін дайындау және қабылдау;

- қатынастың «қолдаушылық» тәсілдерін пайдалану: тілектес интонациялар, конструктивтік сұрақтар қоя білу және т.б.;

- өзара әрекеттестік үдерісін және нәтижесін бағалау жүйесін оңтайландыру;

-сараптау мен өзіндік саралаудың жалпы топтық және тұлғааралық қабілеттерін дамыту.

Интерактивті оқытуды осылай түсінгенде ол білім беру үдерісінің формасы ретінде іс жүзінде педагогикалық өзара әрекеттесудің мәні мен құрылымын оңтайландыратын факторға айнала алады.

Интерактивті оқыту – сөз жоқ біздің педагогикамыздың қызғылықты, шығармашылық бағыты болып табылады. Интерактивтік формалар мен тәсілдерді дәрістің барлық кезеңдерінде қолдануға болады. Олардың көпшілігі әмбебап, тарихтың көптеген тақырыптарына келе береді, тек оның мазмұны ғана өзгереді [4, 11-12 б].

Тарихты интерактивті оқыту барысында оқытудың мақсаты тек игерген білімнің, қабілет пен дағдылардың көлемін жинақтаудан ғана емес, сонымен бірге студентті өзінің білім алу әрекетінің субъектісі ретінде дайындаудан тұрады. Бірақ кейбір міндеттер ондаған жылдар бойы өзгеріссіз қалады: олар тұлғаны тәрбиелеу мен дамыту, бұл мәселелерді шешудің басты құралы болып танымдық белсенділік қала береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

- 1.Брэгдон А., Геймон Д. Бодибилдинг для ума: пер с англ. М., «Эксмо», 2015.
- 2.Быков А.К. «Методы активного социально-психологического обучения. Учебное пособие. М., 2006.
- 3.Бердникова Е. Л. Активные формы обучения. Северск, 2003.
- 4.Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Алматы, «Академия», 2005.

Резюме

В статье рассматриваются интерактивные формы и способы преподавания истории в вузах, вопросы решения познавательных задач предмета.

Summary

The article discusses interactive forms and methods of teaching history in universities, issues of solving cognitive problems of the subject.

УДК 37.03

Книсарина М.М.
PhD, доцент кафедры психологии,
Западно-Казахстанский медицинский университет
имени Марата Оспанова, Актөбе, Қазақстан

Гарбер А.И.
ассоциированный профессор, психолог,
Неталина Г.К.
преподаватель кафедры психологии,
Западно-Казахстанский медицинский университет
имени Марата Оспанова, Актобе, Казахстан

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ФЕНОМЕНА БЛАГОПОЛУЧИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: благополучие, интеллектуальный потенциал, личностные достижения, инновации, обучающаяся личность, современный университет.

В настоящее время во всем мире уделяется пристальное внимание к феномену благополучия современной личности, поскольку это понятие наиболее правильно и ярко характеризует суть и качество жизни человека.

Так, по данным ЮНИСЕФ Казахстан (<https://www.unicef.org/kazakhstan/media>) развитие самостоятельной, гражданской личности молодежи, формирование ее позитивного мировоззрения с сохранением национально-государственной идентичности и культурной самобытности признается самым слабым доменом в Оценке Казахстана по Индексу благополучия молодежи.

В связи с этим, в начале 2021 года Президентом Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаевым было дано поручение разработать Индекс развития молодежи для страны: «Согласно мировой практике, в Казахстане необходимо внедрить индекс развития молодежи. Работа 36 местных органов по реализации молодежной политики будет оцениваться на основе этого критерия», так как благополучие молодежи входит в систему государственных приоритетов, направленных на расширение возможностей молодого поколения в эффективной самореализации, успешной социализации, а также росте человеческого капитала, способствующих достижению устойчивого социально-экономического развития, конкурентоспособности и национальной безопасности страны.

Современным ученым интересны все составляющие благополучия человека: его субъективность, особенности выражения, влияние благополучия на личностные характеристики, взаимосвязь внутреннего ощущения счастья с уровнем удовлетворенности жизнью, а также факторы повышения уровня благополучности современного человека. Понимание факторов, влияющих на благополучие, способы проявления благополучия, а также взаимосвязь интеллектуального потенциала личности с его уровнем благополучия сегодня находится в рамках исследований многих ученых. Важно отметить, что субъективное благополучие человека непосредственно

связано с парадигмой позитивного психического здоровья личности, которая берет начало в гуманистическом направлении психологии.

Считается, что люди, обладающие более высоким коэффициентом и уровнем интеллектуального развития, обладают более высокой степенью благополучия. Поэтому для нас научным интересом явилась проблема определения взаимосвязи благополучия личности обучающегося университета с его интеллектуальным потенциалом.

Происходящие во всем мире трансформационные преобразования общества вызвали к жизни новые направления в области молодежных исследований, касающиеся проблем адаптации молодежи к новым социально-экономическим и политическим отношениям – проблем рынка труда, социальной защиты молодежи и т.п. Так, по мнению отечественного ученого А.С. Магауовой, «из всех проблем молодежи и студенчества исключительного внимания заслуживает формирование ее системы ценностных ориентаций, определяющих стержень личности и оказывающих влияние на содержание социальной активности, общий подход к миру и самому себе, придающих смысл и направление общественной позиции молодого человека» [1].

Научно-методологической базой данного исследования явились идеи о субъективности благополучия человека как одного из условий её полноценности и гармоничности (М.В. Бучацкая, Дж. Бьюдженталь, Л.В. Жуковская, О.А. Идобаева, Л.В. Куликов, А. Маслоу, Р. Мэй, К. Рифф, К. Роджерс и др.); идеи об интеллекте и его особенностях с точки зрения адаптации личности (С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, Б. Г. Ананьев, Г. Айзенк, Ф. Гальтон, Дж. Кеттелл, Ч. Спирман и др.).

Изучение взаимосвязи благополучия с интеллектуальным потенциалом обучающегося происходило в рамках НТП «Оценка социально-психологических возможностей интенсивного роста благополучия обучающейся молодежи в Западном Казахстане», № АР19678139, реализуемого на кафедре психологии ЗКМУ имени Марата Оспанова с 2023 года.

Научная новизна состоит в анализе специфики интеллектуального потенциала в контексте субъективного благополучия личности, являющееся образованием, характеризующего позитивное функционирование личности, а также субъективное ощущение удовлетворенности жизнью, чувство самореализации в обществе.

Практическая значимость заключена в том, что полученные в ходе исследования результаты могут применяться в разработке конкретных индивидуальных рекомендаций и программ оказания психолого-педагогической поддержки обучающейся молодежи с разными типами благополучия и разным уровнем интеллекта. Мы также считаем, что наши научные наработки могут внести свой вклад в содержание образовательных курсов таких как «Психология», «Медицинская психология», «Психология личности», «Психологическое консультирование и психотерапия» и другие.

Научно-теоретический анализ литературы по данной тематике показал среди имеющихся исследований недостаточно подробно рассмотрена связь субъективного благополучия с интеллектом. Так, большинство психологов рассматривают интеллект как способность адаптации окружающей действительности, а, например, классические и неклассические подходы описывают личность с разных сторон интеллекта и его структуру. Одни модели призваны обобщить и сделать более конкретной структуру интеллекта, когда другие же, наоборот, более подробно описывают интеллектуальную структуру.

Но на данный момент нет единого подхода, с которым согласны были бы все ученые, единой модели, описывающей структуру. Анализ подходов к определению субъективного благополучия зарубежных и отечественных школ показал, что благополучие скорее понимается как психологический ресурс, позволяющий более полно раскрыть и реализовать личностный потенциал. В связи с этим благополучие предстаёт обязательным условием самореализации и самоактуализации.

В процессе проводимой научно-исследовательской работы в Западно-Казахстанском медицинском университете имени Марата Оспанова нами были проанализированы образовательные программы основных специальностей бакалавриата: 6В10102 - «Общая медицина» (Военная медицина), 6В10102 - «Общая медицина», 6В10105 - «Стоматология» (Стоматология в военном деле), 6В10105 - «Стоматология», 6В10108 «Общественное здоровье», 6В10107 «Педиатрия», 6В10104 «Фармация».

Из всего представленного перечня дисциплин на всех курсах обучения специальностей мы акцентировали внимание на общеобразовательные дисциплины социально-гуманитарного цикла, направленные по своему содержанию и практикоориентированностью на повышение интеллектуального потенциала обучающихся.

В зависимости от того или иного уровня интеллекта отличается и уровень субъективного благополучия, включающий такие компоненты – компонент самопринятия, целей в жизни, положительное отношение, личностный рост имеют показатели выше у людей с более высоким коэффициентом и уровнем их интеллектуального развития.

Перед нами стоит задача подобрать и провести диагностику интеллектуального потенциала обучающихся и проследить взаимосвязь интеллектуального потенциала и благополучия.

Так изучение взаимосвязи уровня субъективной благополучия и его компонентов с интеллектуальными особенностями личности в перспективе расширяет предметную область исследования. Перед нами раскрываются перспективы изучения благополучия и интеллекта личности обучающегося в рамках исследования личности, также в области психологии различий (студентов разных специальностей и разных регионов).

Безусловно будут разработаны практические рекомендации в области организационной психологии (при устройстве на работу, повышении мотивации у работников, квалификационное требование и т.п.).

Таким образом, нами были определены специфика интеллекта в контексте субъективного благополучия, установлены значимые взаимосвязи различных компонентов субъективного благополучия и интеллекта, а также его взаимосвязи с возрастом и уровнем образования человека, специфики профессиональной деятельности.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP19678139).

Түйіндеме

Зерттеу қазіргі университетте оқитын адамның әл-ауқаты мен зияткерлік әлеуетінің өзара байланысын зерттеуге арналған. Қазіргі қоғам шексіз ақпарат ағынымен қаныққан, бұл адамның интеллектуалды іс-әрекетінің дәрежесіне әсер етеді, оған жеке адамның әл-ауқаты сезімі байланысты. Тұлғаның болашақ маман ретінде қалыптасуында білім беру жүйесі үлкен рөл атқаратынын ескере отырып, адамның интеллектуалды әлеуеті: білім мен ақпаратқа негізделеді. Біздің ойымызша, зияткерлік әлеуеттің білім алушы жастардың әл-ауқат сезімімен байланысын кеңірек түсіну ең перспективалы болып табылады.

Summary

The research is devoted to the study of the relationship between well-being and the intellectual potential of a student at a modern university. Modern society is saturated with an endless stream of information, which affects the degree of intellectual activity of a person, on which the sense of well-being of the individual depends. Considering that the education system plays an important role in the formation of a personality as a future specialist, it turns out that a person's intellectual potential is based on knowledge and information. The most promising, in our opinion, is a broader understanding of the relationship between intellectual potential and a sense of well-being of young people studying.

УДК 32

Қосдаулетова С.Қ.

Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті.

Гуман.ғыл.магистрі, аға оқытушы.

ЭТНО-ДІНИ ҚАҚТЫҒЫСТАРДЫҢ ҚОҒАМДА ПАЙДА БОЛУЫ, СЕБЕПТЕРІ ЖӘНЕ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ.

Түйін сөздер: этно-діни қақтығыстар, зорлық-зомбылық, толеранттылық, қоғам, мәдениетаралық диалог, саясат, әділеттілік.

Этно-діни қақтығыстарға қоғамдағы әртүрлі этникалық және діни топтар арасында туындайтын қақтығыстар негіз болады. Олар мәдениеттегі, тілдегі, конфессиядағы және жеке тұлғаның басқа аспектілеріндегі айырмашылықтарға негізделген. Мұндай қақтығыстар әртүрлі себептерге байланысты туындауы мүмкін, соның ішінде территориялық даулар, діни келіспеушіліктер, ұлттық көзқарастар және әлеуметтік-экономикалық теңсіздіктерді атап өту маңызды. Олар зорлық-зомбылық, кемсітушілік, қудалау және тіпті қарулы қақтығыстар түрінде көрінуі мүмкін. Этно-діни қақтығыстар қоғам үшін өте қауіпті бола отырып, оның салдары ауыр зардаптарға әкелуі мүмкін. Олар әлеуметтік құрылымның бұзылуына, этникалық және діни бөліністердің күшеюіне, экономикалық жағдайдың нашарлауына және адам өліміне де әкелуі мүмкін. Этно-діни қақтығыстардың алдын алу және шешу үшін толеранттылықты насихаттау, айырмашылықтарды құрметтеу және мәдениетаралық диалог бойынша жұмыстар жүргізілуі қажет. Қоғамдағы теңсіздіктер мен шиеленістерді азайту үшін әлеуметтік әділеттілікке, экономикалық дамуға және саяси тұрақтылыққа жағдай жасау өте маңызды. Этно-діни қақтығыстар қоғамдағы этникалық және діни топтар арасындағы күрделі өзара әрекеттесуден туындайды.

Олар бірнеше факторлардан туындауы мүмкін, соның ішінде біріншісі, этникалық және діни сәйкестілік-бұл жағдайда адамдар көбінесе белгілі бір этникалық топпен және діни сеніммен сәйкестендіріледі. Бұл олардың жеке басы мен құндылықтары бір-біріне қайшы келсе, топ ішінде тиесілілік пен ынтымақтастық сезімін тудырып, басқа топтармен қақтығыстарға әкелуі мүмкін. Екінші фактор территориялық даулар туралы айтар болсақ, этникалық және діни топтар арасындағы қақтығыстар аумақты иелену туралы дауларға байланысты туындауы мүмкін. Бұл белгілі бір жерлерге, діни ғибадатханаларға немесе топ үшін маңызды деп саналатын ресурстарға қатысты тарихи талаптарға байланысты туындауы мүмкін. Үшінші фактор ретінде экономикалық және әлеуметтік теңсіздіктерді жатқызуға болады. Ресурстарды бөлудегі, білімге қол жеткізудегі, денсаулық сақтаудағы және басқа да әлеуметтік игіліктердегі теңсіздіктер этникалық және діни топтар арасында шиеленіс тудыруы мүмкін. Егер бір топ осындай қатынастарды жүйелі түрде бұзылады немесе мүмкіндіктерінен айырылады деп ойласа, бұл басқа топтармен қақтығыстарға әкелуі мүмкін. Төртінші фактор саяси факторлардың әсері. Билік пен ресурстар үшін бәсекелестік, саяси көшбасшылардың айла-шарғы жасауы және этникалық және діни сәйкестікті саяси мақсатта пайдалану сияқты саяси факторлар этно-діни қақтығыстарға ықпал етуі мүмкін. Саяси әрекеттер мен шешімдер топтар арасындағы алауыздық пен араздықты күшейтуі мүмкін. Бесінші, тарихи және мәдени айырмашылықтар мен отаршылдық мұрасы, ұлттық және діни дәстүрлер мен мәдени айырмашылықтар этно-діни қақтығыстардың пайда болуына ықпал етуі мүмкін. Әр түрлі топтардың тарихқа, мәдениетке және дәстүрге деген

көзқарастары әртүрлі болуы мүмкін, бұл түсінбеушіліктер қақтығыстарға әкелуі мүмкін.

Осы факторлардың барлығы бір-бірімен өзара әрекеттесіп, күшейте алады, күрделі және ұзаққа созылатын этно-діни қақтығыстар тудырады. Осы себептерді түсіне отырып, оларды шешу үшін жұмыс істеу мұндай қақтығыстардың алдын алу мен шешудегі маңызды қадамдар болып табылады. Қазіргі қоғамда әлемнің әртүрлі бөліктерінде орын алатын этно-діни қақтығыстардың көптеген мысалдары бар екендігін көріп отырмыз.

Израиль мен Палестинадағы еврейлер мен палестиналықтар арасындағы қақтығыс әлемдегі ең танымал этно-діни қақтығыстардың бірі болып отыр. Бұл қақтығыс этно-діни және аумақтық сипатқа ие, себебі еврейлер мен палестиналықтар әртүрлі діни және этникалық ерекшеліктерге ие және белгілі бір аумақтарды бақылау үшін күреседі. Бұл қазіргі қоғамдағы этно-діни қақтығыстардың кейбір мысалдары ғана екенін атап кету керек. Бұл қақтығыстардың барлығы адамдарға, қоғамға және жалпы әлемге ауыр зардаптар әкеледі. Сондықтан бейбітшілік пен әділеттілікке жету үшін мұндай қақтығыстардың алдын алу және шешу үшін жұмыс істеу маңызды.

Үндістанда индустар мен мұсылмандар арасында ұзақ мерзімді қақтығыс бар. Бұл қақтығыс этно-діни сипатқа ие, себебі, индустар мен мұсылмандар әртүрлі діни топтарды білдіреді. Қақтығыс зорлық-зомбылық, діни төзімсіздік және саяси даулар түрінде көрінеді.

Этно-діни қақтығыстар қоғам мен адамдар үшін ауыр зардаптарға әкелуі мүмкін, бұндай зардаптарға адамдардың құрбан болуы мен шығындары, инфрақұрылым мен экономиканың бұзылуынан, босқындар мен мәжбүрлі қоныс аударушылар, жеккөрушілік пен радикалданудың болуына әкеліп соқтырады.

Этно-діни қақтығыстардың алдын алу және шешу жөніндегі шараларға келер болсақ, негізгі бірнеше жолдарын атап өтуге болады. Бірінші толеранттылықты және айырмашылықтарды құрметтеуді насихаттау арқылы этно-діни қақтығыстардың алдын алуға болатынын атап өтуге болады. Мұны білім беру бағдарламалары, медиа, мәдени іс-шаралар және басқа байланыс құралдары арқылы жүзеге асыруға болады. Адамдар, этникалық және діни айырмашылықтар, араздық пен жанжалдың себебі болмауы керек екенін, бірақ оларды қабылдау және құрметтеу керек екенін түсінуі қажет.

Этно-діни қақтығыстардың алдын алу және шешу жөніндегі шаралардың келесі жолы диалогтар мен мәдениетаралық алмасуды құру. Этно-діни қақтығыстарды шешу үшін әртүрлі этникалық және діни топтар арасында диалог пен мәдениетаралық алмасуды құру маңыздылығы жоғары. Бұған форумдар, конференциялар, семинарлар және басқа да іс-шараларды ұйымдастыру арқылы қол жеткізуге болады, онда адамдар өздерінің айырмашылықтарын талқылай алады, ортақ құндылықтарды таба алады және өзара түсіністік қалыптастыра алады.

Мәселені шешу барысындағы тағы бір әдісті заңнамалық шаралар және зорлық-зомбылықсыз саясат арқылы жасауға болатынын айта кету қажет.

Мемлекеттік органдар этно-діни қақтығыстардың алдын алу үшін заңнамалық шаралар мен зорлық-зомбылық саясатын қабылдауы керек. Бұған этникалық және діни негіздегі кемсітушілікке тыйым салатын заңдар, сондай-ақ экстремистік және террористік әрекеттердің жолын кесу шаралары кіруі мүмкін.

Экономикалық даму және әлеуметтік әділеттілік те этно-діни қақтығыстардың алдын алуда маңызды рөл атқарады. Теңсіздік, кедейлік және мүмкіндіктердің болмауы шиеленістер мен наразылықтарды тудыруы мүмкін, бұл қақтығыстарға әкелуі мүмкін. Сондықтан экономикалық өсу, ресурстарға тең қол жеткізу және халықтың барлық топтары үшін әлеуметтік әділеттілік үшін жағдай жасау маңызды.

Халықаралық ынтымақтастық және дипломатияның аталған мәселедегі яғни этно-діни қақтығыстарды шешуде маңызды рөл атқара алады. Мемлекеттер мен халықаралық ұйымдар қақтығыстарды бейбіт жолмен шешуге, медиацияға және қақтығысушы тараптар арасындағы диалогты ынталандыруға ықпал ете алады. Толықтай алғанда, этно-діни қақтығыстардың алдын алу және шешу білім беруді, диалогты, заңнаманы, экономикалық дамуды және халықаралық ынтымақтастықты қамтитын кешенді тәсілді талап етеді. Тек осы жолмен ғана әртүрлі этникалық және діни топтар арасында бейбітшілікке, әділеттілікке және келісімге қол жеткізуге болады. Этно-діни қақтығыстар қазіргі қоғамдағы маңызды мәселе болып табылады. Олар адамдардың этникалық және діни ерекшеліктеріндегі айырмашылықтардан, сондай-ақ әлеуметтік, экономикалық және саяси факторлардан туындайды. Бұл қақтығыстар зорлық-зомбылықты, жойылуды және қоғамды бөлуді қоса алғанда, ауыр зардаптарға әкелуі мүмкін. Этно-діни қақтығыстардың алдын алу және шешу үшін толеранттылықты насихаттау, әртүрлі топтар арасындағы диалог және әлеуметтік-экономикалық жағдайларды жақсарту сияқты шаралар қабылдау қажет. Тек бірлескен күш-жігер арқылы көпұлтты және көп конфессиялы қоғамдарда бейбітшілік пен келісімге қол жеткізуге болады.

Резюме

В данной статье речь идет об этнорелигиозных конфликтах, речь идет о влиянии конфликтов и конфликтов, возникающих между различными этническими и религиозными группами в обществе, на современную мировую социальную ситуацию. Такие конфликты могут иметь серьезные последствия и повлиять на стабильность и мир в обществе. В данной статье рассматриваются причины, примеры этнорелигиозных конфликтов в современном обществе, а также меры по их предупреждению и разрешению.

Summary

In this article we are talking about ethno-religious conflicts, we are talking about the impact of conflicts and conflicts arising between different ethnic and religious groups in society on the modern world social situation. Such conflicts can

have serious consequences and affect stability and peace in society. This article discusses the causes, examples of ethno-religious conflicts in modern society, as well as measures to prevent and resolve them.

УДК 327.5

Байлауов Р.Е.

Научный руководитель: М.М. Книсарина, PhD, доцент кафедры
психологии
г. Актобе, Западно-Казахстанский медицинский университет имени
Марата Оспанова

ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ДОСТИЖЕНИЯХ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, личностные достижения, интеллектуальная жизнь, инновации, современная личность, народы Центральной Азии.

Современное развитие общества невозможно представить без учета уровня осведомленности населения о ключевых аспектах интеллектуальной жизни. Так, по мнению отечественных ученых, «формирование интеллектуальной нации признано одной из стратегических целей развития Казахстана, при этом главными векторами являются качественное образование и поддержка подрастающего поколения» [1].

Определение осведомленности населения представляет собой оценку уровня знаний, информированности и понимания обществом ключевых аспектов современной интеллектуальной жизни. Это включает в себя осведомленность граждан о научных достижениях, образовательных исследованиях, инновационных технологиях и культурных вкладах. Центральная Азия с богатым историческим наследием и многообразными культурными традициями, становится объектом всё более значимого интереса в контексте интеллектуального развития. Насколько население региона информировано о современном состоянии и достижениях в области образования, науки и технологий, остаются открытыми и требуют глубокого анализа. XXI век свидетельствует о значительных изменениях в области образования, науки и технологий, которые оказывают влияние на интеллектуальное развитие этого географического пространства. С учетом динамичного социокультурного контекста, а также современных вызовов, таких как глобализация, трансформация образовательных систем и внедрение инноваций в научные исследования, изучение интеллектуальной жизни Центральной Азии становится более актуальным и необходимым.

Уровень осведомленности населения влияет на общественное восприятие важности интеллектуальных достижений. Степень информированности о научных исследованиях, образовательных и культурных инициативах формирует общественное мнение и определяет степень поддержки со стороны общества. Понимание этого аспекта может помочь разработке стратегий для улучшения общественного восприятия интеллектуальной деятельности. Осведомленность о современном состоянии интеллектуальной жизни связана с экономическим развитием региона. Инновационные технологии, научные исследования и высокий уровень образования являются ключевыми факторами, способствующими экономическому росту.

С целью выявить степень осведомленности населения мы провели опрос. В опросе приняло 36 человек, разного возраста и статуса. Опрос проводился в онлайн режиме, в удобном формате для респондентов методом рассылки через бесплатный и общедоступный сервис обмена мгновенными сообщениями и голосовой связи по IP-WhatsApp. В данной публикации мы представили анализ всех полученных ответов с приведением в пример некоторых интересных на наш взгляд ответов.

В рамках опроса производился сбор личных данных респондентов, и задавались 5 открытых вопроса. Вопросы: 1. По вашему мнению, какое влияние оказывают современные технологии на развитие образования в странах Центральной Азии, в частности в Казахстане? 2. О каких интеллектуальных достижениях в области науки или технологий из Центральной Азии или Казахстана вы слышали? 3. Какие исследовательские проекты или инновации вы считаете ключевыми для развития интеллектуальной сферы в данном регионе или в Казахстане? 4. Как студенты могут внести вклад в развитие интеллектуальной жизни своих стран? 5. Какие перспективы вы видите для интеллектуального развития Центральной Азии/Казахстана в ближайшие десятилетия? А также собирались личные данные респондентов: пол, возраст, место проживания, статус.

Приведем в пример ответы нескольких респондентов:

1) Респондент №1: 17 лет, женский пол, обучающийся вуза, Казахстан/Актобе.

На 1-й вопрос получены ответы: «Положительное, так как именно благодаря современным технологиям в системе образования нашей страны происходят улучшения/оптимизации».

На 2-й вопрос получены ответы: «Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, занимает 175 место в мировом рейтинге QS, является единственным казахстанским вузом, входящим в топ-200 лучших университетов мира».

На 3-й вопрос получены ответы: «Ключевым, конечно же, я считаю развитие и разработку новых методов образования и обучения в нашей стране, включая и онлайн-образования, создание наилучших условий для

получения знаний школьников и студентов, внедрение современных технологий и формы обучения/преподавания».

На 4-й вопрос получены ответы: «Я считаю, что будущее страны в руках молодёжи поколения Z, так как именно наши ровесники стремятся к чему-то новому, самореализации. Часто можно заметить, как студенты, даже нашего медицинского университета имени Марат Оспанова, принимают активное участие в образовательных и научных мероприятиях, показывая свои интеллектуальные способности, несут вклад в общественную жизнь университета и при этом работают над своими личными проектами. На 5-й вопрос получены ответы: В ближайшие десятилетия Центральная Азия, в том числе и Казахстан, имеет потенциал для значительного интеллектуального развития. Некоторые из перспектив: дальнейшее развитие системы образования, стимулирование научных исследований в разных областях науки, поддержка молодых и талантливых ученых/студентов/школьников, участие в международных проектах; обмен опытом, ну и конечно же внедрение последних современных технологий во все сферы жизни, улучшение условий, то есть создание специальных центров, современных библиотек, кружков для развития молодежи».

2) Респондент №2: 23 года, женский пол, взрослый человек, РФ/Москва.

1-й вопрос получены ответы: «Несмотря на сильное сокращение государственного бюджета, в регионе растет количество университетов. Вводимая за университетское образование плата, которой не существовало до получения независимости, ограничивает доступ к образованию бедным молодым людям, особенно девочкам. Быстро растет разрыв в образовании между обеспеченными и бедными семьями, а также между жителями больших городов и сельской местности. Несмотря на введение платы за обучение, реальные заработки преподавателей в нескольких странах Центральной Азии все еще очень низкие, что негативно отражается на качестве обучения. Учитывая слабость системы высшего образования, некоторые правительства стран Центральной Азии приняли программы по финансированию обучения студентов за рубежом. Специальные программы предоставления президентских стипендий были созданы в странах Азии».

2-й вопрос: «Дистилляция - В начале XI века Авиценна изобретает паровую дистилляцию для получения эфирных масел. В это же время на территории современного Таджикистана изобретают духи, которые потом увозят в Европу».

3-й вопрос получены ответы: «Реформирование высшего образования в соответствии с международными образовательными стандартами было ярким отражением либеральной политики страны с целью подготовки квалифицированных специалистов, отвечающих всем национальным и международным требованиям рынка труда».

4-й вопрос: «Путем изучения актуальных региональных проблем по разным направлениям, в особенности исследования текущих и будущих

последствий изменения климата и вопросов экологической и пищевой безопасности в регионе».

5-й вопрос: «Создание совместного фонда для финансирования проектов, которые требуют усилий ученых из более чем одной страны Центральной Азии. Очень важно финансировать сам процесс исследования, а не только проведение конференции и других мероприятия, где нужно презентовать результаты. У Казахстана, в частности в Государственном центре научно-технической экспертизы (ГЦНТЭ) уже есть опыт успешного проведения оценки проектов с привлечением международных экспертов, который может быть использован на региональном уровне. Требуется регулирования следующий шаг – принятия решения на основе экспертных заключений. Это возможно созданием комиссий из ученых стран Центральной Азии с большим опытом исследовательской деятельности и обеспечением прозрачности принятия решений».

3) Респондент №3: 36 лет, женский пол, Казахстан/Атырау.

На 1-й вопрос получены ответы: «Современные технологии содействуют развитию образования в странах Центральной Азии, включая Казахстан, улучшая доступность к знаниям, обеспечивая онлайн-образование и содействуя инновациям в учебном процессе».

На 2-й вопрос получены ответы: «Научные и технологические достижения из Центральной Азии, включая Казахстан, включают космические программы, такие как запуск космических аппаратов, а также инновации в области энергетики и информационных технологий».

На 3-й вопрос получены ответы: «Ключевые для развития интеллектуальной сферы в Казахстане могут быть проекты, направленные на расширение высокотехнологичных отраслей, внедрение искусственного интеллекта в образование и здравоохранение, а также поддержка стартапов, специализирующихся на инновационных технологиях».

4) Респондент №4: 19 лет, мужской пол, обучающийся вуза, Казахстан/Актобе.

На 1-й вопрос получены ответы: «Отрицательное, посредством использования современных технологий как смартфоны, и приложения для онлайн конференций как Zoom качество образования сильно ухудшилось, на один класс/группу приходится 70 процентов людей с плохой успеваемостью».

На 2-й вопрос получены ответы: «Никаких».

На 3-й вопрос получены ответы: «Изучение урановых технологий и развитие кинематографа».

На 4-й вопрос получены ответы: Усердно учиться по призванию, заниматься научной и просветительской деятельностью.

На 5-й вопрос получены ответы: «Никаких».

Стало очевидным, что лишь малая часть респондентов знакома с достижениями Казахстана, не говоря уже обо всей Центральной Азии. В ходе опроса доводилось часто наблюдать, как большинство респондентов даже не

знают, что ответить, а некоторые вообще считают, что у Казахстана нет будущего. Как бы прискорбно это не было, но среди молодёжи, а в частности среди студентов и школьников очень мало тех, кто знаком с интеллектуальными достижениями сограждан.

Однако, отрадно, что многие опрашиваемые знакомы с такими явлениями, как искусственный интеллект (ИИ), как одно из ключевых направлений всего развития современного общества и цивилизации в целом. Поскольку проекты, связанные с исследованиями и внедрением искусственного интеллекта, могут повысить эффективность различных сфер, таких как образование, здравоохранение, экономика и технологии. Проекты, направленные на развитие информационных технологий, цифровую инфраструктуру, а также поддержку стартапов в сфере высоких технологий, встречают понимание и поддержку со стороны государства и населения. А также развивается интерес к исследованиям и инновациям в области образования, включая онлайн-образование. Проекты, направленные на разработку новых методов обучения, создание условий для доступа к образованию и внедрение современных технологий в учебный процесс, рассматриваются как важные.

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби отмечен своим мировым рейтингом QS, подчеркивая важность высшего образования и научных исследований в интеллектуальном развитии Казахстана, так и Центральной Азии. Важным элементом стало участие в космической отрасли через космодром Байконур, который играет ключевую роль в международных космических миссиях. Область информационных технологий также активно развивается, с банком "Каспи", известным своими онлайн-платформами и мобильными приложениями. Успехи в научных исследованиях включают проект "Хабаровский лазерный плазменный акселератор", предоставляющий новые возможности в физике и медицине. В сфере здравоохранения и медицины произошли значительные события, такие как разработка казахстанской вакцины QazCovid-in и проекты, направленные на улучшение диагностики и лечения, такие как Cerebra, Aident и Smart ECG.

Исследовательские проекты, связанные с разработкой альтернативных источников энергии и устойчивыми технологиями, выделяются как ключевые для устойчивого развития региона и про это должны знать молодое поколение. Проекты, направленные на реформирование высшего образования в соответствии с международными стандартами и создание условий для подготовки квалифицированных специалистов, рассматриваются как ключевые для интеллектуального роста личности обучающихся. Исследования, направленные на улучшение здравоохранения, медицинские технологии и диагностику, также считаются важными для развития интеллектуальной сферы населения. Это подчеркивает многообразие исследовательских направлений и инноваций, которые считаем важными для интеллектуального развития в Центральной Азии и Казахстане и про них необходимо говорить всем.

Таким образом, необходимо повышать степень осведомленности наших граждан об интеллектуальных достижениях наших сограждан. Мы считаем, что наши студенты могут внести вклад в развитие интеллектуальной жизни страны через активное участие в образовательных процессах, научных исследованиях, инновационных проектах, общественной деятельности и других формах саморазвития. Поэтому важными аспектами их жизнедеятельности должны явиться стремление к самореализации, обмен опытом, создание и поддержка стартапов, участие в образовательных инициативах, волонтерство, развитие навыков программирования и технологий, а также активное взаимодействие в международных сообществах.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP19678139).

Список использованной литературы

1. Интеллектуальная нация в фокусе гуманитарных технологий: монография / Г.С. Султанбаева, С.Н. Велитченко, О.П. Ложникова; под общей редакцией д.п.н., проф. Г.С. Султанбаевой. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 160 стр., вкл. 9 стр.

Түйіндеме

Зерттеу бүкіл ұлт пен елдің әлеуметтік-мәдени тұрақтылығының маңызды факторы болып табылатын зияткерлік өмірдің қазіргі жағдайы туралы халықтың хабардарлығын зерттеуге арналған. Бұл білім алушы жастар мен мамандардың зияткерлік әлеуетін қолдау және ынталандыру үшін күш-жігерді қажет ететін салаларды анықтауға көмектеседі. Ұлттың білімі мен мәдениетінің дамуы біздің қоғамның құндылықтары мен бірегейлігінің қалыптасуына тікелей әсер ететіндіктен, азаматтардың отандастардың болып жатқан зияткерлік жетістіктері мен отандық ғылымның дамуы туралы хабардар болу дәрежесін арттыру қажет, бұл қазіргі әлемдегі қоғамдық және саяси өмірге сындарлы қатысуға қабілетті білімді және ақпараттандырылған қоғамның қалыптасуына ықпал етеді.

Summary

The study is devoted to the study of public awareness of the current state of intellectual life, which is an important factor in the socio-cultural stability of the entire nation and country. This will help to identify those areas where efforts are required to support and stimulate the intellectual potential of young people and specialists studying. Since the development of education and culture of the nation directly affects the formation of values and identity of our society, it is necessary to increase the awareness of citizens about the ongoing intellectual achievements of fellow citizens and the development of domestic science, which contributes to the formation of an educated and informed society capable of constructive participation in public and political life in the modern world.

Berkimbaeva S. K.,
International Educational Cooperation KazGASA, Associate Professor K
Zhortushinova A. K.,
senior teacher, master of pedagogy Kazutb (Kazakh University of Technology
and Business)

FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECTS OF INTENSIFIERS IN MODERN ENGLISH PHRASEOLOGY

Keywords: intensifiers, modern English, phraseology, functionality, pragmatics, communication, linguistic context.

Introduction

In English literature, language serves a crucial role in conveying meaning and emotion. Extensive research has been conducted on the functional pragmatic aspects of intensifiers in modern English phraseology. One significant aspect is their use to convey emphasis and intensity, as well as establishing rapport with the listener. The diachronic study of intensifiers has revealed their evolution over time and varying constraints relative to each other. Moreover, it has been highlighted that these linguistic elements can serve multiple communicative functions depending on the context [Campbell et al., 2020].

The study of intensifiers in modern English phraseology is a captivating area that explores the overlap between functional and pragmatic aspects of language. Intensifiers are essential in shaping the meaning and impact of expressions, contributing to the subtle communication that characterizes contemporary English discourse [Stratton, 2020]. Scholars have found that these linguistic tools not only enrich the depth and emphasis of the text but also contribute to representing emotions and attitudes of characters. Intensifiers are essential in heightening the attributes, actions, and conditions conveyed by lexical elements. They enable writers to effectively express intense emotions and create a more engaging reading experience for audiences. Furthermore, intensifiers indicate the force of speech acts, allowing speakers to maximize dramatic impact in communication and captivate listeners' attention. The examination of intensifiers in English literature has also illuminated their historical development, highlighting how specific intensifiers have evolved or become obsolete over time. Numerous research works have delved into the role and importance of intensifiers in English literature with particular emphasis on their significance and meaning.

Lebedeva and Pavlova state that intensifiers “are used to emphasize or weaken propositions and express the speaker’s stance, their individual connotation depends on the quality and type of the linguistic item that is being modified” [Lebedeva, I. S., & Pavlova, E. B. 2016]. Consequently, intensifying means have an expressed pragmatic purpose, since the communicative-pragmatic goal of

intensification is also the speaker's desire to make the statement more convincing for the interlocutor, to enhance its impact on the addressee [Reig Alamillo, 2018].

Professor A.V. Kunin defines phraseological intensifiers as units with altered meanings of their components, leading to an intensified meaning for the entire phraseological unit. In his works, Kunin examines these intensifiers in terms of their origin, formation methods, and contemporary usage in modern English. He analyzes them from structural-semantic and grammatical perspectives and classifies them as nominative adverbial phraseological units within his idiomatic classification system [A.V. Kunin, 1972]. Intensifiers can be classified into three groups based on their structure: single-vertex, double-vertex word combinations with variable structure, and two-vertex and three-vertex intensifiers in the form of subordinate clauses. These intensifiers consistently include conjunctions such as "as" or "like" [Lebedeva E.A, 2018].

Most phraseological intensifiers of this type contain one independent unit (i.e., independent units, consisting of one significant, one subordinate and two or three subordinate lexemes). Intensifiers have a syntactic connection, so they are attached to certain parts of speech, and can be regarded as peculiar semicomparative units. A.V. Kunin divides them into two types: intensifiers of adjectives and adverbs and verbs intensifiers [A.V. Kunin, 1972]. To the first type, he includes such phraseological intensifiers as: as anything, as blazes, as hell, as the devil, as old boots, as all get-out - hellish, devilishly, damn [Cacchiani, 2016].

The second type, according to A.V. Kunin, is the most a large phraseological intensifiers group and includes the following units: like one o'clock - accurately, punctually; like billy-o, like blazes - strongly, extremely, awful; like fun - vigorously, swiftly, very quickly; like hell, like mad, like the devil - like hell, damn, devilish; like a bat out of hell - at full speed, at full power; like nobody's business - without end, fucking deftly; like old boots - with all his might, etc.

In modern English there are several intensifiers with more complex structure, based on completely rethought combination of words with the structure of the subordinate clause: as they come, as you please - extremely, exceptionally; as they make them, as the day is long - extremely, exceptionally, terribly. Full expressive rethinking overcomes the partially predicative structure of these turns and their significance is integral, intensifying.

This article concentrates on the operational aspects of intensifiers, investigating how these language components function to amplify or reinforce the meaning of words or phrases in different situations. Furthermore, comprehending the pragmatic aspect of intensifiers is equally crucial as it entails grasping the social and communicative roles they fulfill in actual interactions. Intensifiers are linguistic elements employed to bolster or highlight the significance of other words. Intensifiers in English, such as "very," "extremely," and "totally," play a significant role in shaping the meaning and tone of a sentence or phrase. Studying intensifiers involves grasping their contribution to overall expression. The study of modern English phraseology delves into contemporary usage, emphasizing current linguistic expressions rather than historical forms of language. It is essential to

comprehend the utilization of intensifiers in present-day language to capture its dynamic nature effectively.

This article explores the study of phraseological intensifiers in linguistic analysis, a method used to systematically examine and understand language structure, function, and meaning within a given text or discourse. This approach can be applied to different aspects of language such as syntax, semantics, phonetics, and pragmatics. In modern English phraseology, there is an examination of how these linguistic elements operate within the context of communication and expression.

As mentioned previously, A.V. Kunin categorizes them into two groups: intensifiers that modify adjectives and adverbs, and those that modify verbs. The first group encompasses phraseological intensifiers such as "as anything," "as blazes," "as hell," "as the devil," "as old boots," and "as all get-out" - which can also be expressed as "hellish", "devilishly", or "damn" [A.V. Kunin, 1984]. We will now delve into the significance of these phraseological intensifiers.

A.V. Kunin categorizes phraseological intensifiers into two distinct types:

intensifiers of adjectives and adverbs		verbs intensifiers	
as anything		like one	accurately,
as blazes		o'clock	punctually;
as hell		like billy-o,	strongly,
as the devil		like blazes	extremely;
as old boots		like fun	vigorously,
as all get-out			swiftly, very quickly;
		like hell,	like hell,
		like mad, like the devil	damn, devilish;
		like a bat	at full speed,
		out of hell	at full power;
		like nobody's business	without end, fucking deftly;
		like old boots	with all his might.

Figure 1. Phraseological intensifiers according to A.V. Kunin

“As anything”.

3. Definition and Classification:

The expression “as anything” is commonly used idiomatically to emphasize a specific quality or characteristic. When an individual describes someone or something as “as anything,” it indicates that the person or thing possesses the mentioned quality to an extraordinary or remarkable extent.

For example:

1. “She’s as smart as anything” means that she is exceptionally intelligent.
2. “It’s as hot as anything outside” indicates that the weather is extremely hot.
3. “He’s as stubborn as anything” suggests that he is very stubborn.

The use of “as anything” in these phrases serves to emphasize the intensity or extent of the quality being described, lending a colloquial and informal tone to the statement.

2. Semantic Functions:

The phrase “as anything” is frequently utilized in English to emphasize or compare. It’s an informal expression that enhances the adjective or adverb it modifies. Here are some common uses and examples of how “as anything” is typically employed:

Intensification/Emphasis:

She’s as stubborn as anything.

He’s as smart as anything.

1. Comparison:

This car is as fast as anything on the market.

The restaurant is as busy as anything on weekends.

2. Surprise/Exclamation:

That joke was as funny as anything!

She can dance as well as anything.

3. Negative Comparison:

He’s not as reliable as anything.

The weather is not as nice as anything today.

4. Questioning Intensity:

Did you see her reaction? She was shocked as anything!

Why are you working so hard, as anything?

In these examples, “as anything” is used to intensify the quality being described or to compare it to a significant degree. It’s a flexible expression that can be employed in various contexts for emphasis or to add a degree of vividness to the statement. Keep in mind that the use of such phrases can vary based on regional dialects and personal communication styles.

4. Contextual Variation of “as anything”

The phrase “as anything” is often used in English to convey emphasis or comparison. It is a colloquial expression that is typically added to an adjective or adverb to intensify its meaning. The contextual variation of “as anything” can change depending on the adjective or adverb it is modifying. Here are a few examples to illustrate the point:

1.Hungry as anything:

Context 1: “After the long hike, I was hungry as anything.”

Context 2: “He worked through lunch and by mid-afternoon, he was hungry as anything.”

2.Happy as anything:

Context 1: “She was happy as anything when she got the news.”

Context 2: “The children were happy as anything playing in the park.”

3.Tired as anything:

Context 1: “After the marathon, I was tired as anything.”

Context 2: “Having worked overtime for several days, she felt tired as anything.”

4.Fast as anything:

Context 1: “The car sped away from the traffic light, fast as anything.”

Context 2: “He ran fast as anything to catch the bus.”

In each of these examples, “as anything” serves to intensify the adjective or adverb that precedes it. It’s a way of emphasizing the degree or extent of the quality being described. The specific context will dictate the meaning and nuance of the expression.

5. Syntactic structures of “as anything”.

The phrase “as anything” is a common idiomatic expression in English. It is often used to emphasize a particular quality or characteristic to an extreme degree. Here are some examples of how “as anything” can be used in syntactic structures:

1.Adjective + as anything:

- She was happy as anything when she heard the news.
- He’s stubborn as anything.

2.Adverb + as anything:

- He ran as fast as anything to catch the bus.
- She sings beautifully, as anything.

3.Comparative + than anything:

- This cake is sweeter than anything I’ve ever tasted.
- She’s taller than anything.

4.Noun + as anything:

- That child is curious as anything.
- The car is expensive as anything.

5.verb + as anything:

- She laughed as loudly as anything.
- He works as hard as anything.

“Like one o’clock”

1. Definition and Classification:

The phrase “as anything” intensifies the quality or action being described, lending flexibility across different parts of speech and contexts. Similarly, “like one o’clock” is informally used to convey similarity or approximation rather than a specific time, indicating a flexible agreement instead of an exact commitment.

This expression can be categorized as colloquial or informal language. It is frequently used in casual conversations with friends, family, or acquaintances. The use of “like” in this context suggests a level of flexibility or approximation, allowing for some leeway in the specified time.

It is essential to acknowledge that this phrase may not be appropriate for formal or professional environments where precise scheduling is usually anticipated. In these instances, it is generally more fitting to specify an exact and accurate time rather than using informal expressions such as “like one o’clock.”

2. Semantic Functions:

The expression “like one o’clock” can serve various semantic purposes depending on the context in which it appears. Here are several potential interpretations:

Time Expression:

This expression is commonly used to indicate an estimated time. For instance, when someone says, “I’ll meet you at around one o’clock,” they are implying that the meeting will take place approximately near one o’clock, but not necessarily precisely at that time.

Comparison or Similarity:

In certain instances, “like” is employed to express similarity in a comparative manner. For example, when someone states, “It’s like one o’clock,” they might be implying that the time is near or resembles one o’clock.

Informal Expression:

The utilization of “like” in this situation could also add to an informal or conversational style. It may serve as a means of conveying an estimation without being overly exact or strict.

Hedging or Uncertainty:

Using “like” in a time expression can also imply a degree of uncertainty or flexibility. It could suggest that the speaker is not providing an exact time and is leaving some room for adjustment.

The specific meaning will depend on the broader context of the conversation or statement in which the phrase is used.

3. Contextual Variation of “like one o’clock”

The expression “like one o’clock” is frequently utilized to indicate a high level of precision or exactness in time. Nonetheless, its interpretation may differ depending on the specific context in which it is employed. Here are several potential understandings:

Literal Time Precision:

Example: “I’ll meet you at the café at one o’clock.”

Interpretation: In this case, “like one o’clock” is a way of emphasizing the precision of the meeting time. It suggests that the person plans to meet exactly at one o’clock.

Approximate Time:

Example: “The event will start around one o’clock.”

Interpretation: In this context, “like one o’clock” indicates an approximate time. The event may not start precisely at one o’clock but around that time.

Simile for Punctuality:

Example: “She arrives at work every day at one o’clock, like clockwork.”

Interpretation: Here, the phrase is used as a simile to highlight the person’s punctuality. It suggests that the individual consistently arrives at one o’clock without fail.

Expression of Certainty:

Example: “His response was swift, like one o’clock.”

Interpretation: In this case, the phrase is used metaphorically to convey the certainty and promptness of the person’s response, rather than referring to a specific time.

Comparison for Regularity:

Example: “The train departs every day at one o’clock, like clockwork.”

Interpretation: In this context, “like one o’clock” is used to convey the regular and predictable schedule of the train departure.

The exact meaning can depend on the surrounding context of the statement. It’s a versatile phrase that can be applied in various situations to emphasize precision, regularity, approximation, or other aspects related to time or promptness.

4. Syntactic structures of “like one o’clock”.

The expression “such as one o’clock” is a prepositional phrase that acts as a single unit within a sentence. Now, let’s analyze its grammatical structure:

Preposition: “like”

Object of the preposition: “one o’clock”

In this structure, “like” is the preposition, and “one o’clock” is the object of the preposition. “One o’clock” is a noun phrase acting as a unit. The entire prepositional phrase functions as an adverbial phrase, providing information about the time.

Here’s a breakdown:

Preposition: “like”

Object of the preposition (Noun phrase): “one o’clock”

Noun: “o’clock”

Modifier: “one”

Together, they form the prepositional phrase “like one o’clock,” indicating a similarity or approximation to the time of one o’clock.

Conclusion

In conclusion, the investigation of the practical and contextual elements of intensifiers in contemporary English terminology offers significant insights into the evolving use of language. Intensifiers have a vital function in communication by adjusting the level of emphasis, certainty, or emotional expression within a particular statement. From a functional perspective, intensifiers enrich and refine language, enabling speakers to communicate nuanced meanings and emphasize specific aspects of their message.

Intensifiers are utilized by speakers to convey confidence, enthusiasm, empathy, or to soften a statement based on the social context and interpersonal dynamics. Understanding their pragmatic functions illuminates how language is used in diverse communicative situations and enhances our comprehension of its social dimensions.

The examination of intensifiers highlights the significance of context in understanding linguistic expressions. The interpretation of an intensifier often relies on context, affected by elements like intonation, nonverbal cues, and the connection between speakers. This contextual responsiveness emphasizes the complexities of language usage and underscores the necessity for a comprehensive method to linguistic assessment.

The examination of intensifiers in present-day English language usage reflects the dynamic relationship between language and society, shedding light on linguistic trends and communication patterns. This investigation enhances our comprehension of how language serves as a medium for effective and meaningful interaction within modern English discourse.

The study of intensifiers in English phraseology is valuable for multiple reasons. First, intensifiers are crucial for conveying emphasis and amplifying the impact of statements. They contribute depth and intensity to language, allowing speakers to express emotions, attitudes, and emphasize various contexts. Additionally, they are prevalent in everyday communication, making them an excellent area for investigating linguistic innovation and language variation. Moreover, studying intensifiers can provide insights into the factors influencing language variation—including the speaker's age, gender, and social class. Lastly, analyzing intensifiers in English phraseology has potential to enhance understanding of their structural and functional features within linguistics [Campbell et al., 2020].

References

1. Campbell, Y M., Beon, J., & Ting, S. (2020, June 29). Intensifiers in Bidayuh Bau-Jagoi. <https://doi.org/10.33736/ils.2292.2020>
2. Cacchiani, S. (2016, June 12). Cognitive motivation in English complex intensifying adjectives. <https://doi.org/10.4000/lexis.1079>
3. Campbell, Y M., Beon, J., & Ting, S. (2020, June 29). Intensifiers in Bidayuh Bau-Jagoi. <https://scite.ai/reports/10.33736/ils.2292.2020>
4. Kunin A.V. (1972). *Frazeologiya anglijskogo yazyka*. Moskva. Mezhdunarodnye otnosheniya. ISBN 046894. 288. (In Russ.).
5. Kunin A.V. (1984). *English-Russian Phraseological Dictionary*. 20,000 idioms approx. 4th edition, revised and enlarged, with bookmarks. — Moscow: Russkiy Yazyk.
6. Stratton, J M. (2020, March 2). ‘That's proper cool’. <https://doi.org/10.1017/s0266078420000036>

Түйіндеме

Бұл мақалада интенсификаторлардың функционалдық және прагматикалық аспектілері қазіргі заманғы ағылшын фразеологизмдері контекстінде қарастырылады. Интенсификаторлар, сөздің немесе сөз тіркесінің дәрежесін немесе күшін арттыратын тілдік элементтер тілдің мағынасы мен екпінін қалыптастыруда қарым-қатынаста шешуші рөл атқарады. Бұл зерттеу ағылшын тіліндегі қазіргі сөз тіркестеріндегі интенсификаторлардың қызмет ету ренктеріне тереңірек үніліп, олардың прагматикалық мағынасы мен әртүрлі лингвистикалық контексттерде атқаратын функционалдық рөлдерін ашады.

Резюме

В этой статье исследуются функциональные и прагматические аспекты усилителей в контексте современной английской фразеологии. Усилители, лингвистические элементы, которые увеличивают степень или силу слова или выражения, играют решающую роль в общении, формируя значение и акцент языка. Это исследование углубляется в нюансы функционирования усилителей в современных английских фразах, проливая свет на их прагматическое значение и функциональные роли, которые они берут на себя в различных лингвистических контекстах.

УДК 81-139

Berkimbaeva S.K.,
International Educational Cooperation KazGASA,
Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor

CONTRASTIVE ANALYSIS OF LANGUAGE AND CULTURE IN TRANSLATION OF SOCIO-POLITICAL SPEECHES FROM ENGLISH INTO KAZAKH

Key words: socio-political, translation, English, Kazakh, traditions, affect, society, contrastive analysis, text, speech.

The political sphere has appeared with occurrence of a human society and will in this or that form always accompany its development. The study of political science provides the key to understanding political institutions and movements, as well as politics itself. The political sphere is very important for understanding the nature of politics and the state. Playing an important role in the life of society, the political sphere attracts the attention of representatives of various social sciences - economic theory, law, sociology, psychology, as well as linguists, in particular – translators [1].

In modern conditions, the translation of social and political texts becomes particularly important, acting as a means of propaganda and a tool for political struggle. The volume of public and political texts published annually, oriented to

the English-speaking audience, is quite large and continues to increase as international relations grow [2]. These include speeches by state, party and public figures; publications of international, governmental and public organizations; articles devoted to the struggle for peace, defusing international conflicts, arms reduction, national liberation movement and economic relations.

The object of social and political translation are social, political and journalistic texts, for which is characterized by propaganda or agitation, and therefore, vivid emotional coloration along with a lot of different in terms of terminology.

Social and political materials are very diverse in stylistic and genre relations. In general, they can be divided into three groups:

1. Documentary and business materials (constitutions and legislative acts);
2. Information and descriptive materials (information notes, reference materials, historical descriptions and reviews, etc.);
3. Publicity materials in a narrow sense (speeches, articles, etc.) [3].

Each of these groups of materials has its own special vocabulary, so the documentary and business materials are characterized by a large number of clichés, special terminology, realities; information and writing materials are associated with messages about current events, respectively, they contain many terms, historical realities, their own names, etc., for journalism is characterized by an abundance of emotionally colored elements, figurative expressions, syntactic figures, quotes, etc..

The official business documentation includes declarations, conventions, agreements, treaties, resolutions and summaries. It is necessary to remember that the international political and diplomatic terminology fixed in translation practice did not appear in one day, that behind this terminology sometimes there are years, and even tens of years of persistent struggle of diplomats who spent a lot of time and efforts on coordination of these or those disputable terms. Therefore, the corresponding social and political assessment of events is fixed in the terminology of official business documents. Hence the social significance of such terminology. Culture is what enables people to build a society, that is, to define the conditions of their willingness to live together, the codes to recognize and distinguish themselves from others, as well as the way to organize their relations with other people.

In the general sense, and in order to introduce elements of society and culture into linguistic systems, it is necessary to refer to the ethnography of communication and culture, disciplines which, based on cultural anthropology, interrelate with linguistics to highlight something which is commonplace in the development of language: the pragmatic dimension of language, which is its cultural dimension. Both the functional and the communicational rehabilitate the culture embedded in the notion of communication competence, means in fact having an empirical knowledge of linguistic, psychological and socio-cultural rules that command the production and interpretation of speech within a given

communication. This concept applies to both written and spoken language, to production and interpretation.

How is the transfer from the semiotic space of one language to that of the other language into which it is translated? In reality, it is a profound semiosemanic process, an analysis of recognition and encoding that requires a reference system. For every translator, this reference system is a metalanguage in which the knowledge of the natural source language and the knowledge of the natural target language must be encoded, as well as the knowledge of the reality reflected by the two languages, which means the meeting, at the border, of different semiotic spaces and through a contact that generates meaning, of two texts that are two cultures, to produce a new text by means of this metalanguage that is a meta-text, an interlinguistic reading that takes into account the constraints of the target language. It is, at its translanguistic level, what the communication situation or enunciation is at the linguistic level, i.e. an operator of transference. In Kazakhstan's socio-cultural space there are two mentalities: western and eastern, which have their own peculiarities. The western type of mentality is considered as the carrier of the culture of dynamic, activist origin, oriented to the transformation of the external reality (extraverted form); the eastern type of mentality has more traditionalist type of culture, aimed at the contemplative, adaptive attitude to the world, nature, man (introverted form). Reproducing traditions, political culture is a form of positive heritage that man has learned from previous generations. It is a gradual and, most importantly, selective process, governed by the preferences of each person individually. Kazakhs have "*national identity*", "*national mentality*" and "*national character*" which are elements of political culture. It is difficult to overestimate the role of mentality in political culture. The mentality, both individual and collective, is a set of thoughts, beliefs, skills, ways to feel and perceive the world around in a certain way. As a rule, the political culture of a certain country is formed in the process of intertwining various value orientations and ways of political participation of citizens, national traditions, customs, ways of public recognition of a person, dominant forms of communication between elite and electorate, as well as other circumstances that express stable features of civilizational development of society and state [4].

The English political culture is distinguished by the same universality of basic political values, high level of legitimacy of the authorities and responsibility of the elites for their actions, special respect of citizens for the symbols of statehood, tendency to minimize conflicts and search for harmony between political forces. In order to further develop political culture, citizens need to fully implement the values of democracy, the principles of non-violence and humanism. Our country in this matter should be guided not only by the available Western models, but also proceed from the peculiarities of national reality (Eurasian type) [5]. At comparison of grammatical categories and forms of English and Kazakh languages usually the following phenomena are found out:

1. Absence of this or that category in one of languages;
2. Partial coincidence;

3. Full coincidence.

The need for grammatical transformations naturally arises only in the first and second cases. The Kazakh language, in comparison with English, lacks such grammatical categories as article or gerund, as well as infinitive and participative complexes and absolute nominal construction. Partial coincidence or mismatch in meaning and use of corresponding forms and constructions also requires grammatical transformations. This may include such phenomena as partial mismatch of the number category, partial mismatch in the forms of the passive construction, partial match of the forms of the infinitive and participle, some differences in the expression of modality, etc. [6].

Grammatical transformations can be divided into two types: permutations and replacements.

Permutation as a type of translation transformation is a change in the arrangement (order) of language elements in the translation text compared to the original text. The elements that can be rearranged are usually words, word combinations, parts of a complex sentence (clauses) and independent sentences within the text. In the process of the work, the means and methods of information transfer, which the translator uses when working with the socio-political text, were identified. It is worth pointing out that according to the analysis of the properties of English and Kazakh languages the national features and the mentality, the contrast of language patterns of the world revealed more differences than common features.

References

1. Longman Dictionary of Contemporary English. - Harlow: Pearson Education Limited, 2009-96p.
2. Alekseeva T.K., Darskaya V.G., Lyasetskaya L.A., Shilkova T.G. Business English 1,2. Moscow, "Veche", 2010-146 p.
3. Golinova J.A. Translation from English into Russian: Textbook/ Z.A. Golinova. - Moscow: "New Knowledge" LLC, 2003. - 286 p.
4. Guskova T.N., Zibrova G.M. . Difficulties of Translation of Social and Political Text from English into Russian: Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Language - Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2000. - 228 p.
5. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/probscmu41&div=32&id=&page=>
6. Kunanbaeva, Salima Sagievna. Modern foreign language education: methodology and theories [Text] / C. C. Kunanbaeva. - Almaty : [b. and.], 2005. - 262 p.

THE ROLE OF GLOBALIZATION IN THE FORMATION OF CULTURAL IDENTITY: THE EXAMPLE OF SOUTHERN EUROPE

Key words: cultural identity, globalization, family values, anti-globalism, countries of southern Europe, Italy, international cooperation, self-identification, citizens, migrants

Cultural identity is an integral part of the life of every individual and civil society, which allows one to differentiate and define oneself among neighbors, the entire region and the increasing number of migrants around the world. It is shaped by various factors such as language, tradition, religion and history and defines who we are and where we belong as individuals, activists, society members. However, with the advent of the era of globalization, the world has witnessed a rapid reduction in geographical and cultural barriers, which has affected cultural identity in many aspects.

Globalization as a phenomenon involves the spread and integration of economics, culture and information throughout the world. In the context of cultural identity, globalization can have a dual effect. On the one hand, it can facilitate the exchange of cultural values and ideas, which can be a beneficial phenomenon. However, on the other hand, globalization can also raise concerns about the loss of cultural uniqueness and the blurring of boundaries between different cultures.

The impact of sustainable globalization on cultural identity is manifested in various areas. For example, global media and the Internet provide platforms for the exchange of cultural products and ideas, which can promote greater understanding and interaction between different cultures. Economic processes also influence cultural identity, as international trade and migration can lead to a mixture of cultural practices [1].

Preserving cultural identity remains an important task in the context of globalization. Initially, it enriches the cultural diversity of the world and promotes understanding of the differences between peoples. Each culture carries unique values, ideas and traditions that can inspire other cultures and contribute to cultural enrichment.

Southern Europe is a unique sub-region of the world, rich in a variety of cultural elements, historical roots and traditions. This region represents a wealth of cultures that have been formed over thousands of years. One of the main cultural elements is language. There are many different languages spoken in this region, including Italian, Spanish, Portuguese, Greek and others. Each of them has its own unique history and linguistic characteristics, which makes southern Europe multilingual and polyphonic.

Customs and traditions also play an important role in the cultural identity of southern Europe. In different parts of this region there are unique rituals, holidays and religious traditions. For example, in Spain the holidays of Holy Week are known, in Greece - Easter, and in Italy – Carnival with masks, special closes. These traditions are ingrained in the culture and have become symbols of national identity. Family values play an integral role in shaping cultural identity and social structure. They represent values, traditions and norms that are passed down from generation to generation. Family values help strengthen bonds between family members by providing emotional support, moral guidance, and structure for personal development. They also serve as the foundation for the socialization of children, helping them to perceive and understand the values and traditions of their culture [2].

The cultural identity of the southern regions of Europe has its own unique visible and spiritual features. They may differ from each other, but at the same time they have common features that unite them into a single cultural family and oppose globalization, since the people of southern Europe love a measured, quiet life, and globalization, in turn, personifies the fast and busy rhythm of life.

Religion also plays an important role in the cultural identity of the southern regions as an integral part of self-identity. Catholicism is the dominant religion in most southern countries, and the church plays an important role in public life and celebrations. Another important feature of southern European cultural identity is the emphasis on social relationships and communication. People often spend a lot of time in cafes, on the streets and in social events; communication with family and friends is of high importance.

The historical and cultural roots of southern Europe are rich and varied. The region was the cradle of ancient civilizations such as the Greek and Roman, and this has left a deep imprint on the cultural identity of the region. The rise of the Italian Renaissance also had a profound impact on the cultural identity of southern Europe. Italian artists like Leonardo da Vinci and Michelangelo created works of art that are still considered the greatest in human history. This period also influenced the architecture and literature of other southern European countries.

Globalization has brought with it many benefits, but it also poses a threat to the traditional cultural characteristics of the southern regions. Popular culture and the Internet allow new ideas and ways of life to spread quickly, which can lead to the gradual disappearance or change of traditions and customs. In this regard, anti-globalists oppose globalization, as they fear that this global trend may threaten family values and traditions. They believe that globalization can lead to cultural homogeneity, unification and erosion of the unique historical values of nations. Anti-globalists argue that increased world integration can lead to the loss of cultural values and negatively affect the structure of families and society. In this context, they actively advocate the preservation and strengthening of family values and a measured lifestyle as one of the ways to resist the impact of globalization on culture and society.

Despite the challenges of globalization, there are successful examples of maintaining cultural identity in southern Europe. These examples highlight the importance of efforts and initiatives aimed at preserving traditions and customs. For example, in the Basque country in Spain and France, the traditions and cultural characteristics of the Basques are successfully preserved. Festivals and events are organized here where generations pass on dances, songs and the Basque language. At the same time, in Italy, the Sardinia region is known for its unique rituals and festivals, such as the Feast of St. John and the La Cavalcade festival. These events help maintain the cultural identity of Sardinians and attract the attention of tourists [3].

Preserving the cultural identity of the southern regions also requires international cooperation and support as political, ideological power. The European Union plays an important role in protecting and promoting the cultural heritage of its members. This includes funding restoration and preservation projects, as well as support for cultural arts and education. There is also active cooperation in the field of culture between the countries of southern Europe. This includes exchanging art, music, literature and organizing joint events and festivals. Such initiatives help strengthen cultural ties and maintain traditions.

An important element of supporting cultural identity is the economic part of the question as financing of cultural projects. Government and non-governmental organizations provide grants and subsidies for projects aimed at preserving and promoting cultural property. These funds can be used to hold cultural festivals, restore monuments, organize master classes and educational programs.

International cooperation and support also play an important role in preserving cultural identity. Programs and initiatives funded by international organizations and governments can help regions of southern Europe strengthen their cultural roots and richness. Italy is one of the most amazing and culturally rich countries in the world. Her cultural identity is closely tied to historical events and the influence she had on world history. During the Middle Ages, Italy was the cradle of the Renaissance, a period of cultural flourishing that brought the world such great artists and thinkers as Leonardo da Vinci, Michelangelo, Dante Alighieri and Niccolò Machiavelli. This period had a huge impact on art, science and philosophy in world history [4].

Italian culture has always been one of the most influential and recognizable in the world. She gave the world opera, ballet, Renaissance art and many other cultural achievements. Italian cuisine, with its pasta, pizza, wine and cheeses, has also become an integral part of the world's cultural palette. Italy is also known for its rich cultural heritage and architectural wonders such as the Colosseum, St. Peter's Basilica and St. Mark's Basilica. These architectural and artistic monuments attract millions of tourists every year and serve as evidence of the country's rich history [5].

In a globalized world where information technology and mass culture penetrate every corner of the planet, Italy's cultural identity faces various challenges. One of them is the threat of assimilation and loss of traditional and

family values. Younger generations may be more influenced by Western culture and the American way of life, which may threaten the uniqueness of Italian culture.

Italy takes measures to protect and preserve its cultural identity. This includes supporting and promoting Italian art and culture through festivals, exhibitions and events. In addition, the state supports education and research in the field of Italian culture and language. Italy also works actively to protect its historical heritage and natural resources. The introduction of restrictions on tourism in some vulnerable regions and the implementation of eco-projects help preserve the cultural and natural wealth of the country. In addition, organizations and communities in Italy are actively working to preserve and pass on traditions and crafts to future generations.

Italian culture and identity remain important parts of the world's cultural mosaic. Preserving and promoting this unique identity is an important task that Italy is actively pursuing. Italy continues to fight to preserve and strengthen its cultural identity in a globalized world, and this effort will continue to serve as an example of how a country can preserve its uniqueness and cultural heritage while it opens up to peace and cooperation. Italy's cultural identity remains one of this amazing country's most valuable assets and is a source of inspiration to many around the world.

Education is a key factor in maintaining cultural identity in southern Europe. School and university programs include the study of the history, languages, arts and traditions of the region. This helps students learn about their heritage and develop pride in their cultural identity.

Language plays an important role in maintaining cultural identity. In regions where minority languages exist, there are efforts to preserve and promote them through educational programs and cultural events.

Young people have a huge say in the future preservation of cultural identity. The development of special programs and initiatives aimed at young people promotes their involvement and active participation in the preservation of traditions and customs. Exchange and internship programs allow young people from different countries of southern Europe to get acquainted with the diversity of cultural heritage and exchange experiences. These initiatives help expand their cultural horizons and increase interest in national identity. Youth forums and festivals also provide opportunities for young people to express their creativity and share their vision of cultural heritage.

In southern Europe there are a number of successful educational projects aimed at preserving cultural identity. For example, in Spain, Cultural Heritage Education programs include studying the history and art of regions, as well as organizing excursions to local monuments. In Greece, the Young Heritage Experts project allows young people to study the history and architecture of ancient monuments and actively participate in their conservation and restoration. Italy conducts exchange programs for students from different regions, which contributes to enriching their cultural experience and understanding of the diversity of cultural traditions. And also in Italy, an anti-globalization movement arose, thus, in recent

years, various movements and protests against globalization and free trade have taken place in Italy. One of the most notable was the "No Global" movement in response to the negative impacts of globalization on workers, the environment and people's social lives [6].

The "No Global" movement was characterized by opposition to international organizations such as the World Trade Organization (WTO) and the International Monetary Fund (IMF), which were seen as promoting neoliberal economic policies that favored multinational corporations over local companies. In addition to the No Global movement, there have been other anti-globalization movements in Italy, such as the Five Star Movement, which emerged in the late 2000s and has since become a major political force in the country. The Five Star Movement is characterized by its opposition to globalization, free trade and the European Union and advocates policies such as protectionism, nationalization of key industries and direct democracy [7].

Overall, the anti-globalization movement in Italy reflects opposition to globalization and free trade, which has emerged in many countries in recent years. Although globalization has brought many benefits, such as rapid economic growth and poverty reduction, it has also created winners and losers on the world stage, and contributed to social inequality, political instability, environmental degradation, and the gradual disappearance of cultural identities of peoples. Thus, it is important for heads of state to address these issues and ensure a fairer and more sustainable globalization [8].

In conclusion, it is important to note that preserving cultural identity in southern Europe is important, both for preserving the wealth of this region and for the local residents of these countries. Education plays an important role in this process by providing the younger generation with knowledge about their culture and traditions. Youth-oriented programs and initiatives encourage the active participation and involvement of young people in the conservation of cultural heritage.

The importance of preserving cultural identity in southern Europe is not limited to this region. The cultural diversity and richness of this region contribute to the world's cultural heritage. Preserving the traditions, family values, arts and cultural characteristics of southern Europe contributes to the diversity of world culture and allows future generations to enjoy and learn from this rich cultural heritage.

Future prospects include continued cooperation between countries in the region and support for educational programs and initiatives for youth. They could also promote cultural heritage and traditions by investing in museums, cultural events and historical sites. This would help preserve a rich cultural history and promote a sense of national identity. The government could also support local businesses and artisans who play an important role in preserving traditional cultural practices. This will allow southern Europe to preserve and strengthen its cultural identity and share it with the world.

Indeed, using the example of Italy, we can see positive results in preserving and promoting its cultural identity in the context of globalization. The country actively supports education, arts, crafts, cultural tourism, language and gastronomy, as well as socio-cultural initiatives. These efforts contribute to maintaining the authenticity and attractiveness of Italian culture, allowing it to successfully resist the influence of globalization and maintain its uniqueness on the world stage.

References

1. Bearce D., McLeer A., Stallman K. “Globalization and social identities at the individual level: populism from shifting at the top?” // *Global studies quarterly*. – 2023. – Volume 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1093/isagsq/ksad038> (access date 05.10.2023)
2. Замараева Е.И. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации // *Гуманитарные науки*. -2013. -№3(11). -С.129-136.
3. Герасимова И.А. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // *Сервис plus*. -2017. -№11(2). -С.66-76.
4. Каткова М.А. Социально-экономические факторы формирования национальной идентичности в условиях глобализации // *Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право*. -2016. -№16(3). -С.281-287.
5. Kostopoulos G. Cultural identity and globalization in Southern Europe: The case of Italy // *Journal of Modern Italian Studies*. – 2016.- 21(5). -P.684-698.
6. Castells M. Globalisation and identity: A comparative perspective // *Transfer. European review of labour and research*. – 2006. -12(4). – P.549-563.
7. Саакян А.Г. Национальные культуры и проблемы национальной идентичности в эпоху глобализма // *Terra Linguistica*. -2018. -№9(1). -С.72-79.
8. Vecchetti L. Il nostro posto nel tempo 4.0. Italia e paradossi della globalizzazione [Электронный ресурс]. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/il-nostro-posto> (access date 05.10.2023).

Түйіндеме

Мақала жаһандану дәуіріндегі мәдени бірегейлікті және оның сақталуын талдауға арналған. Жаһандану өзінің жылдам өзгеруімен, ақпарат алмасуымен және технологиялық серпілістерімен халықтар мен мәдениеттер арасындағы өзара әрекеттесудің артуына алып келеді. Дегенмен, жаһандану бүкіл әлем халықтарының бірегей мәдени дәстүрлері мен құндылықтарына үлкен қысым жасайды. Осы тұрғыда мәдени бірегейлікті сақтау, Оңтүстік Еуропаның көптеген елдері үшін ажырамас міндетке айналады.

Резюме

Статья посвящена анализу культурной идентичности и ее сохранения в эпоху глобализации. Глобализация, с ее быстрыми изменениями, обменом

информацией и технологическими прорывами, приводит к усилению взаимодействия между народами и культурами. Однако, глобализация оказывает сильное давление на уникальные культурные традиции и ценности народов по всему миру. В этом контексте сохранение культурной идентичности становится неотъемлемой задачей для многих стран южной Европы.

УДК 37.03

Жұмалиева Г.С.

Марат Оспанов атындағы Батыс Қазақстан медицина университеті, аға оқытушы, п.ғ.м.

Бекешова Г.У.

Марат Оспанов атындағы Батыс Қазақстан медицина университеті, аға оқытушы, п.ғ.м.

БІЛІМ АЛУШЫЛАРДЫҢ ЗИЯТКЕРЛІК ӘЛЕУЕТІН АРТТЫРУДА ИННОВАЦИЯЛЫҚ БІЛІМ БЕРУ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНУ

Кілт сөздер: интеллектуалдық әлеует, жеке жетістіктер, инновация, заманауи тұлға, инновациялық технологиялар, интерактивті әдістер.

XXI ғасыр осы географиялық кеңістіктің зияткерлік дамуына әсер ететін білім, ғылым және технология салаларындағы елеулі өзгерістердің куәгері. Динамикалық әлеуметтік-мәдени контексті, сондай-ақ жаһандану, білім беру жүйесін трансформациялау және ғылыми зерттеулерге инновацияларды енгізу сияқты заманауи сын-қатерлерді ескере отырып, Орталық Азияның зияткерлік өмірін зерттеу өзекті әрі қажетті бола түсуде.

Қазіргі таңда заманауи оқытушының алдында білім алушының жан-жақты дамыған жеке тұлғасын қалыптастыру және тәрбиелеу міндеті тұр. Аудиториядағы оқыту оқытушы мен білім алушының арасындағы қарым-қатынастың негізгі түрі болды және болып қала береді. Сабақты қызықты өткізу, білім алушыларды одан әрі танымдық іс-әрекетке ынталандыру, жұмысқа барынша көп студенттерді қатыстыру, оқиғалардың себеп-салдарлық байланыстарын талдап, көре білуге үйрету, шығармашылық ойлауын дамыту – осы және басқа да көптеген тапсырмалар әрқашан мұғалімнің алдында болды.

Қазіргі таңда әрбір оқытушы/педагог дерлік өз іс-әрекетінде білім алушыларды оқыту үшін интерактивті технологияларды пайдаланады. Қазіргі заманауи оқытушының сабақ формаларының жиынтығы бірінші кезекте студент тұлғасының оқудағы рөлінің артуы әсерінен жаңарып қана қоймайды, сонымен қатар материалды берудің әдеттен тыс ойындық формаларына ауысады. Ұзақ уақытын кітап оқумен, кітапханада емес,

компьютер алдында өткізетін студентті педагог өз мүмкіндігіне қарай сабақта таң қалдыруға тырысады.

Марат Оспанов атындағы Батыс Қазақстан медицина университетінде білім алушыларының зияткерлік әлеуетін арттыруда психология кафедрасында инновациялық білім беру технологияларын белсенді түрде пайдаланып келеді және бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетімен қаржыландырады (Грант № АР19678139).

Профессор-оқытушылық құрамының «Психология», «Коммуникативті дағдылар» пәндері бойынша білім беру барысында қолданатын интерактивті әдістерін белсенді қолдануда болашақ дәрігерлер – білім алушылардың шығармашылық ойлау қабілетін, белсенді әрекетке келуіне, өзара қарқынды диалог құрылуына себепші болары анық. Қарым-қатынастың шеберлік деңгейде өрбуі қазіргі өмірдің ең маңызды факторына және өскелең ұрпақтың болашақ қызметінде табысқа жетуінің кепіліне айналуға [1]. Бұл жағдайды шешудің бір жолы – интерактивті оқыту технологияларын қолдану.

«Интерактивті» ұғымы – inter (өзара), act (әрекет), яғни бірге, бірлесе әрекет ету деген мағынаны білдіреді. Оқыту процесі барлық студенттердің тұрақты, белсенді әрекеттестігі жағдайында жүзеге асырылады. Сонымен, интерактивті оқыту кезінде білім алушы мен оқытушы оқытудың тең субъектісі болып табылады [2]. Басқаша айтқанда, интерактивті оқыту – бұл оқу субъектілері мен объектілері арасында дұрыс ұйымдастырылған кері байланыс арқылы, олардың арасында екі жақты ақпарат алмасу арқылы оқыту. «Интерактивті оқыту – танымдық іс-әрекетті ұйымдастырудың ерекше түрі, білім беру процесі білім алушылардың барлығы дерлік таным процесіне қатысатындай, олар білетін және ойлайтын нәрселерді түсінуге және ой елегінен өткізуге мүмкіндік алатындай жағдайда жүреді. Оқу материалын меңгеру және оқу процесінде студенттердің бірлескен іс-әрекеті әркімнің өзіндік жеке үлесін қосуын, біліммен, идеялармен, іс-әрекет әдістерімен алмасуды білдіреді. Дегенмен, бұл үдеріс тек қарым-қатынас пен өзара іс-қимыл ізгі ниет пен өзара қолдау атмосферасында өткенде ғана тиімді болады деп ойлаймыз. Мұндай өзара әрекеттестік студенттерге жаңа білім алуға ғана емес, сонымен қатар олардың коммуникативті дағдыларын дамытуға мүмкіндік береді: басқалардың пікірін тыңдау, әртүрлі көзқарастарды таразылау және бағалау, пікірталасқа қатысу және бірлескен шешім қабылдау қабілеттері» [3].

Сондай-ақ интерактивті жұмыс түрлерінің тәрбиелік мүмкіндіктері айтарлықтай. Олар студенттер арасында эмоционалды байланыс орнатуға көмектеседі, оларды топта жұмыс істеуге үйретеді, өзара түсіністік пен жеке табыс сезімін сезінуге көмектеседі.

Интерактивті технологиялар студенттер мен оқу ортасының тікелей әрекеттестігіне негізделген. Оқу ортасы студент өзі үшін игерілген тәжірибе аймағын табатын шындық ретінде әрекет етеді. Сондай-ақ студент тәжірибесі

тәрбиелік танымның орталық белсендірушісі болып табылады[4]. Егер дәстүрлі оқытуда оқытушы білім беру ақпаратын өзі арқылы өткізетін «сүзгі» деп аталатын рөл атқарса, интерактивті оқытуда ол өзара бағытталған ақпарат ағындарын белсендіретін факторлардың бірі – жұмыста көмекші рөлін атқарады.

Оқытушы бірнеше негізгі рөлдерде ойнай алады. Олардың әрқайсысында ол қатысушылардың ақпараттық ортаның сол немесе басқа саласымен өзара әрекеттесуін ұйымдастырады. Сарапшы-информатор рөлінде мұғалім мәтіндік материалды ұсынады, бейнеролик реттілігін көрсетеді, қатысушылардың сұрақтарына жауап береді, процестің нәтижелерін бақылайды және т.б. Ұйымдастырушы-делдал рөлінде ол студенттердің әлеуметтік және физикалық ортамен өзара әрекеттесуін белгілейді (оларды кіші топтарға бөледі, өз бетінше мәліметтер жинауға ынталандырады, тапсырмаларды орындауды үйлестіреді, шағын презентациялар дайындау және т.б.). Кеңесші рөлінде педагог қатысушылардың тәжірибесіне сүйенеді, оларға бар проблемалардың шешімін табуға көмектеседі, өз бетінше жаңаларын қояды және т.б. Көріп отырғанымыздай, дәстүрлі оқытумен салыстырғанда, интерактивті оқытуда оқытушы мен студенттің өзара әрекеттестігі өзгереді: оқытушының әрекеті студенттердің белсенділігіне орын береді, ал оқытушының міндеті – бастамаға жағдай туғызады [5].

Шағын топтық оқыту немесе бірлескен оқыту әртүрлі елдерде кеңінен қолданылады. Бұл технологияның негізгі идеясы – әр түрлі оқу жағдаяттарында оқушылардың бірлескен белсенді оқу әрекетіне жағдай жасау болып табылады. Топтық жұмыстың мақсаты – оқушылардың ойлауын дамыту»[6]. Бұл технология белгілі бір мәселелерді бірлесіп шешу үшін топты уақытша шағын топтарға бөлуді талап етеді. Студенттер мәселені талқылауға, оны шешу жолдарын көрсетуге, оларды тәжірибеде жүзеге асыруға және бірге тапқан нәтижені ұсынуға шақырылады. Жұмыстың бұл түрі студенттер арасында ұжымдық танымдық іс-әрекеттің пайда болуы үшін ынтымақтастыққа үлкен мүмкіндіктер ашады.

Марат Оспанов атындағы Батыс Қазақстан медицина университетінде білім алушылардың зияткерлік әлеуетін арттыру жолында 6B10102 - «Жалпы медицина» (Әскери медицина), 6B10102 - «Жалпы медицина», 6B10105 - «Стоматология» (Әскери ісіндегі стоматология), 6B10105 - «Стоматология», 6B10108 «Қоғамдық денсаулық», 6B10107 «Педиатрия», 6B10104 «Фармация» Білім беру бағдарламалары бойынша психология кафедрасының профессор-оқытушылық құрамының «Психология», «Коммуникативті дағдылар» пәндері бойынша білім беру барысында инновациялық білім беру технологияларын, интерактивті әдістерін белсенді қолданады. Болашақ дәрігерлердің кәсіби білім алып қана қоймай, шығармашылық ойлау, сыни (критикалық) ойлау, шұғыл жағдайда шешім қабылдай білу қабілеттерін, пациенттің ішкі жан-дүниесін түсіне білуіне, эмпатия танытуын дамыту жолында студентке бағдарланған оқыту технологиясын пайдаланудамыз.

1 – сурет

2 – сурет

1 және 2 суреттерде «Клиникалық психология» мамандығының 3 курс студенттерінің кіші топқа бөлініп, тақырып бойынша тапсырмаларды орындауда және сарапшы (эксперт) ретінде әрбір қатысушының жұмысын жазып, басқа топтардың жұмысын талдауда болашақ клиникалық психолог мамандарының шығармашылық, сыни тұрғыдан ойлау қабілетін дамыту бағытында кіші топтарға берілген тапсырмалардың орындау нәтижесін объективті бағалау, ойлау жүйесін дамытуға бағытталған интерактивті әдіс болып табылады.

Топтық жұмыс формасы барлық студенттерді жұмысқа белгілі бір дәрежеде қосуға мүмкіндік береді. Аудиториядағы топтық жұмыс формасымен әр студентке оқытушы тарапынан да, курстастары тарапынан да жеке көмек артады. Оның үстіне көмектескен адам әлсіз студенттен кем түспейді, өйткені оның білімі болашақ әріптесіне түсіндіргенде бекітіледі. Осылайша, шағын топтарда жұмыс істеу барлық студенттерге жұмысқа қатысуға, ынтымақтастық пен тұлғааралық қарым-қатынас дағдыларын жаттықтыруға мүмкіндік беретінін көреміз [8].

Топтық жұмыспен қатар сабақты іскерлік ойын, рөлдік ойын түрінде немесе тренинг түрінде өткізуге болады. Ойындардың көмегімен жеке дағдыны немесе дағдылар жиынтығын ұйымдастыруға (жаттығуға), бақылау

мен түсініктеме беруге жаттықтыруға, дағдыны және типтік қателерді көрсетуге болады [9].

1 – сурет

2 – сурет

1-сурет – «Жалпы медицина» және 2-сурет «Педиатрия» мамандықтарының 1 курс студенттері «дәрігер-пациент» рөлдік ойын интерактивті әдісі арқылы клиникалық жағдаятты ойнай отырып, болашақ дәрігерлердің пациенттермен дұрыс, оңтайлы қарым-қатынас орнату барысында коммуникативті дағдыларын дамытуға арналған әдіс ретінде белсенді қолданылады.

Қорытындылай келе, сабақтағы интерактивті іс-әрекеттер диалогтық қарым-қатынасты ұйымдастыру мен дамытуды көздейтінін атап өткіміз келеді, бұл өзара түсіністікке, өзара әрекеттесуге және әрбір қатысушы үшін ортақ, бірақ маңызды міндеттерді бірлесіп шешуге әкеледі. Ол үшін сабақтарда клиникалық жағдаяттарды талдау үшін жеке, жұптық, топтық жұмыстар ұйымдастырылады, шағын жобаларды жасау үшін рөлдік ойындардың элементтері қолданылады. Сонымен, оқытудың интерактивті әдістері барлық мәселелерді шешуге қабілетті:

- білім беру процесін белсендіру, оны студенттер үшін қызықты және тартымды ету;
- білімді меңгеру тұлғалық мағыналы және түсінікті болады.
- сабақта алған дағдылары мен дағдыларын іс жүзінде қолдану.
- мәселелерді бірлесіп шешу, пікір алмасу, болашақ әріптестерінің пікірімен санасу.
- ойын барысында ортақ эмоционалды тәжірибелер кезінде тұлғааралық қарым-қатынасты нығайту, эмпатияны көрсете білу.
- өзінің білімінің, дағдысының, мінез-құлқының, күшті ерік-жігерінің, іс-әрекетке және адамдарға деген көзқарасының көрінісі.

Марат Оспанов атындағы БҚМУ білім алушыларының зияткерлік әлеуетін арттыруда психология кафедрасында инновациялық білім беру технологияларын белсенді түрде пайдаланып келеді және бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетімен қаржыландырады (Грант № AP19678139).

Пайдаланылган әдебиеттер тізімі

1. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. - М.:Нии школьных технологий.,2006.- 816 с.
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогические технологии - М.:Педагогика.,1989.- 190 с.
3. Толыпина Ю. А. Использование интерактивных технологий в образовательном процессе // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. Конф.- М.:БукиВеди., 2012.- 301с.
4. Мухина С.А., Соловьева А.А. Нетрадиционные педагогические технологии в обучении-Ростов-на-Дону.:Феникс.,2011.- .384 с.
5. Короткова М.В. Методика проведения игр и дискуссий на уроках истории. - М.:Владос.,2001. - .252с.
6. Левитес Д.Г. Практика обучения: современные образовательные технологииВоронеж.:МОДЭК.,1998. -288 с.
7. Галицких Е.О. От сердца к сердцу. Мастерские ценностных ориентаций для педагогов и школьников-СПб.:Паритет.,2003. - 160с.
8. Слостенин В.А. Педагогика: инновационная деятельность- М.:Академия.,2007. - 566с. 10. Альтшуллер Г.С. Найти идею. Введение в теорию решения изобретательских задач. - Петразоводск.:Скандинавия.,2003. -185с.

Резюме

В данной статье рассмотрены интерактивные методы обучения, их влияние на образовательный процесс. Один из рациональных методов - ролевая игра, работа в младшей группе. В статье отражена эффективность методов, применяемых на уроках психологии, коммуникативных навыков. Раскрывается важность развития интеллектуального потенциала будущих врачей для эффективной работы с пациентами. В заключение статьи определена всесторонняя значимость интерактивных методов развития интеллектуального потенциала обучающихся.

Summary

This article deals with interactive teaching methods and their impact on the educational process. One of the rational methods is role-playing game, work in small groups. The article describes the effectiveness of methods used in psychology and communication skills classes. The importance of developing the intellectual potential of future doctors for optimal work with patients has been revealed. In conclusion, the article defines the complex significance of interactive methods in the development of students' intellectual potential.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: интеллектуальное развитие, обучающиеся университета, образовательный процесс, цифровое пространство, онлайн обучение, технологии

В настоящее время высшее образование становится основным ресурсом развития как экономики, так и общества, поскольку в основе лежит человеческий фактор – больше всего ценится личность, которая может открыть, создать что-то новое в производстве, науке, культуре и т.д. И потому важнейшая миссия высшего образования в Казахстане – подготовка интеллектуально развитых, творчески работающих профессионалов-граждан Республики Казахстан.

Перед системой высшего образования сегодня встают принципиально новые задачи, главную из которых обозначил Президент РК Н.А. Назарбаев в инициированном им национальном проекте «Интеллектуальная нация – 2020: «воспитание казахстанцев новой формации, превращение Казахстана в страну с конкурентоспособным человеческим капиталом» [1].

Общеизвестно, что человеческий интеллект представляет собой стратегически важный ресурс любого государства, поскольку именно интеллект в большинстве случаев определяет развитие производства, науки, экономики и страны в целом.

Из курса психологии нам известно, что основу интеллектуального развития составляют познавательные процессы (ощущение, восприятие, память, воображение, мышление), выступающие в качестве важнейших компонентов любой деятельности. Если интеллектуальное развитие личности начинается еще в младшем школьном возрасте, то, по мнению А.А. Венгер, 80% интеллектуальной базы формируется до 10 лет, В. Штерн же интеллект связывает с адаптацией к новым жизненным обстоятельствам. Мы согласны с мнением А. Полани о том, что интеллект – способность приобретать новые знания [2].

Безусловно, развитие интеллектуального потенциала происходит во взаимодействии ребенка с окружающей средой и в учебной деятельности.

Что же относится к особенностям интеллектуального развития? Это объем памяти, концентрация внимания, способность к прогнозированию, воображение, сознание.

Поскольку мы живем в эпоху цифрового развития, то необходимо адаптироваться в условиях цифрового пространства. Для нас онлайн-обучение стал уже привычным условием жизнедеятельности.

Цифровые сервисы – это информационные ресурсы, обеспечивающие возможность обучаться удаленно [3]. Так, цифровое пространство – это пространство, интегрирующее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур, на основе норм регулирования, механизмов организации, управления и использования [4].

И, безусловно, для полноценной жизнедеятельности современной личности необходимо уметь развиваться в «цифровом пространстве», формируя в себе такие качества, как эрудированность, коммуникабельность, умение логически мыслить, социальная ответственность, организованность, креативность, самокритичность, умение анализировать информацию, цифровая грамотность, правила деловой переписки в мессенджерах и соцсетях и т.д.

Таким образом, цифровое пространство предъявляет высокие требования к уровню интеллектуального потенциала обучающихся и их креативности, критичности в информации, самостоятельности в действиях и т.д.

Наблюдаются и отрицательные эффекты цифрового пространства, например, снижается социальное общение, творческие игры и взаимодействие с реальным миром, что приводит к задержке развития личности, их речи, познавательных способностей и т.п.

Необходимо, чтобы обучающиеся видели свою роль не только в получении качественного образования, но и в активном участии в формировании интеллектуального потенциала общества, применяя свои знания и идеи для решения различных проблем и способствуя развитию нации и страны.

С недавнего времени мы начали задумываться о реальном состоянии интеллектуального развития нашей страны, о том, какие же достижения имеются в Центральной Азии, что в ее интеллектуальной жизни может привлечь внимание мирового сообщества?

Согласимся со словами Джона Ф. Кеннеди о том, что «страна процветает, когда ее люди интеллектуально образованы и вдохновлены творческими идеями», поскольку действительно интеллектуальное образование и творческие идеи играют ключевую роль в процветании страны и цивилизации. Интеллектуально образованные люди способны привносить инновации, развивать экономику и создавать условия для устойчивого социального прогресса. Также инвестиции в образование и поощрение творческих идей создают благоприятную почву для успешного развития и процветания страны в долгосрочной перспективе. Поэтому крайне важно задумываться о состоянии своей нации в интеллектуальной жизни.

Общеизвестно, что современное состояние интеллектуальной жизни народов Центральной Азии отражает богатство культурного наследия и стремление к развитию. В последние десятилетия регион вложил значительные средства в сферу образования, расширил доступ к высшему образованию и укрепил научную сферу. В сфере образования регион добился значительных успехов, расширив доступ к высшим учебным заведениям и развивая научные исследования.

Формирование интеллектуальной нации признано одной из стратегических целей развития Казахстана, при этом главными векторами являются качественное образование и поддержка подрастающего поколения. Казахстан встал на путь создания интеллектуального общества, которым должен управлять именно человек с высоким интеллектом.

В целом, интеллектуальная жизнь в нашей стране находится на достаточном уровне. Признано, что образование становится главным условием и средством инновационного развития.

Поэтому нам стало интересно, какое же мнение имеется у казахстанцев по этому поводу. Мы решили провести опрос у обучающихся НАО «Западно Казахстанский медицинский университет им. Марата Оспанова» об осведомленности о состоянии и достижениях в интеллектуальной жизни нашей страны. В частности, мы хотели выяснить – что делают для собственного интеллектуального развития наша молодежь? С этой целью нами были составлены пять вопроса:

1. Какие интеллектуальные телепередачи, каналы на ютубе и др. вы смотрите?
2. Как часто вы посещаете культурно-образовательные мероприятия (конференции, форумы, выставки, встречи и т.п.)
3. Какую художественную литературу вы в последний раз прочитали (напишите название)
4. Сколько часов в день вы тратите на свое интеллектуальное развитие?
5. Какие вы посещаете дополнительные обучающие курсы?

Опрос проводился в онлайн формате в Google Forms через рассылку по ватсапу, собирались личные данные респондентов: возраст, пол, факультет.

В данном опросе участвовало 75 респондентов (16-18 лет), 60% - представители женского пола и 40% мужского пола. Приняло участие всего 97% обучающихся факультета стоматологии ЗКМУ имени Марата Оспанова (Актобе, РК).

По результатам опроса мы выяснили, что обучающаяся наша молодежь недостаточно уделяет времени на личностное интеллектуальное развитие, ссылаясь на отсутствие свободного времени, либо финансовых средств и т.п. среди перечисленных информационных каналов было названо очень мало образовательных каналов, передач и т.п.

Разберем несколько ответов респондентов (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты опроса респондентов

Вопросы	1-ый вопрос	2-ой вопрос	3-ий вопрос	4-ый вопрос	5-ый вопрос
№ 1: 16-18 лет, мужчина, факультет Стоматология	«Куаньши ты медицина, Официальный сайт в ютубе ЗКГМУ другие каналы и передачи»	«По-разному, стараюсь 2 раза в месяц»	«Искусство самопознания», Патрик Кинг»	«Больше 1 часа»	«Нету, так как нету времени»
№ 2: 19 лет, женщина, факультет Общая медицина	«разные виды каналов, смотря какая мне информация нужна, основном это медицинские телепередачи»	«час, то, так как считаю, что это важно»	«Эффект Люцифера», Филип Зимбардо»	«Больше 1 часа»	«Курсы по английскому»
№ 3: 19 лет, женщина, факультет Фармация	«квантовая механика, физика, история медицины, мифология, астрономия»	«нечасто, так как нету времени»	«Флатландия» Эдвин Эбботт Эбботт»	«Больше 1 часа»	«обучающие видео в Ютубе, английские источники»

Поскольку цифровое пространство открывает новые возможности для обучающейся личности. Интеллектуальное развитие нашей обучающейся молодежи должно происходить в максимально благоприятных условиях с использованием имеющихся ресурсов цифрового мира (мессенджеры, приложения, гаджеты и т.п.), но с разумным подходом, конечно же. Только при таком условии интеллектуально развитая личность будет обладать цифровыми компетенциями, дающих возможность реализовать современные цифровые проекты, а также быть в будущем востребованным на рынке труда и социализированным в обществе в новых цифровых условиях.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP19678139).

Список использованной литературы

1. Интеллектуальная нация в фокусе гуманитарных технологий: монография / Г.С. Султанбаева, С.Н. Велитченко, О.П. Ложникова; под

общей редакцией д.п.н., проф. Г.С. Султанбаевой. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 160 стр.

2. Интеллектуальный капитал – основа развития общества знания / Г.С. Султанбаева, С.Н. Велитченко, О.П. Ложникова; под общ. ред. д.полит.н., проф. Г.С. Султанбаевой. – Алматы: Қазақ университеті, 2013. – 227 стр

3. Генезис сенсорных способностей М.: Педагогика, 1976. – 256 с. / Под редакцией Л.А. Венгера.

4. Яхьяева А.Х. Педагогические условия развития интеллектуальных способностей младших школьников в этнокультурной образовательной среде (на материале этнопедагогике чеченского народа): дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01. – Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, 2018 – 180 с.

5. Spante, M., Sofkova Hashemi, S., Lundin, M., & Algers, A. (2018). Digital competence and digital literacy in higher education research: Systematic review of concept use. *Cogent Education*. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2018.1519143>.

Түйіндеме

Бұл жұмыс цифрлық әлемде білім алушылардың зияткерлік даму ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Қазіргі заманғы университеттің білім алушысы тұлғасының интеллектуалдық аспектіде дамуы, атап айтқанда, отандық жастардың интеллектуалдық даму қажеттілігін қаншалықты түсінетіндігі, жеке басының ақыл-ой дамуы үшін цифрлық мүмкіндіктерді қолдана алатындығы талданады. Қорытындылар мен қорытынды онлайн-сауалнамаға қатысқан респонденттердің алған жауаптарын талдау және қорытындылау нәтижелері бойынша тұжырымдалды.

Summary

This paper is devoted to the study of the peculiarities of intellectual development of students in the digital world. It analyzes the personality development of a modern university student in the intellectual aspect, in particular, how much domestic youth is aware of the need for intellectual development, knows how to apply digital opportunities for personal mental development. Conclusions and conclusion were formulated based on the results of analysis and inference of the received answers of the respondents who participated in the online survey.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Неотъемлемой частью культуры каждой страны является ее язык. В свою очередь, язык является инструментом культуры, который формирует личность человека, его видение мира, менталитет, отношение к людям. Русский язык не является исключением. Во второй половине XX века русским языком как родным, неродным или иностранным, владело более 300 млн человек (по некоторым подсчетам - до 500 млн человек) [1, 23]. На русском как основном государственном языке разговаривали 286 млн человек, его изучали в более чем 100 государствах мира. Русский язык был и продолжает оставаться одним из ведущих мировых языков. Сейчас русский язык занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд) и английского (750 млн). Русский язык - это один из 6 официальных языков ООН, официальный или рабочий язык в большинстве авторитетных международных организаций, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО [2]. В мире на русском языке говорят более 300 млн человек, в том числе более 140 млн считают его своим родным языком. Русский язык является языком общения более 160 народов и национальностей [3].

Период становления новых независимых государств оказался для русского языка периодом испытания его витальности (жизнеспособности). Сегодня в государствах Центрально-азиатского региона довольно большое число людей не знают русского языка или знают его лишь немного. Экспертные данные позволяют утверждать, что почти 44 млн человек, т. е. 70 % населения стран постсоветской Центральной Азии, не владеют русским языком [4].

В Казахстане, где сложилась более или менее позитивная ситуация, только около 6 % населения входит в категорию не владеющих русским языком, в Кыргызстане — уже 32 %, т. е. почти треть населения. Конечно, Кыргызстан не может сравниться с Таджикистаном (55 %) или тем более с Туркменистаном (80 %), но языковая ситуация в Кыргызстане, безусловно, довольно заметно ухудшилась.

Что касается официально-правового статуса русского языка в новых независимых государствах Центральной Азии, то ситуация следующая: Казахстан и Кыргызстан определили его уровень как официальный, в Таджикистане русский провозглашен языком межнационального общения, а в Туркменистане и Узбекистане его статус вообще не определен [5].

Русский язык новым независимым государствам достался не как русский, а как советский; язык СССР и язык советского народа. В этой своей функции русский язык проявляет себя в двух основных качествах.

Во-первых, «советский язык» [6] взял на себя роль языка межнационального общения в пределах новых самостоятельных государств. Во-вторых, он выступает в качестве возрастного (поколенческого) средства коммуникации. Таким образом, потребность в русском языке естественным образом будет сокращаться по мере уменьшения «советских» поколений.

Сегодня русский язык пока еще играет роль языка межнационального общения. Русским языком в ряде стран СНГ продолжают пользоваться в деловых кругах, финансовой и банковской системах, в некоторых госструктурах. Большинство населения этих стран (около 70 %) еще достаточно свободно им владеет.

Распространение русского языка в Центрально-азиатском регионе имеет давнюю историческую традицию и остается важным элементом социально-политической сферы. Его статус в Казахстане законодательно закреплён в статье 7 Конституции рассматриваемого Центрально-азиатского государства [7]. В данном законе установлено, что «в государственных учреждениях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Необходимо отметить, что в настоящее время реализуется проект «Триединство языков» (казахский, русский, английский), в рамках которого русский язык представляет собой неотъемлемую часть всего образовательного процесса [8].

Русский язык в Казахстане наряду с государственным языком сохраняет весь объём функций. Ведение документации осуществляется на государственном и русском языках; не допускается ущемление прав граждан по языковому признаку; в учебных заведениях русский язык является обязательным учебным предметом и входит в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании.

Более того, русский язык является крайне востребованным и престижным в казахстанском информационно-культурном пространстве, обеспечивая всестороннюю коммуникацию во всех сферах общественной жизни. Он успешно выполняет функцию языка «межкультурного общения». Высокая социальная значимость владения русским языком определяет интерес к его изучению среди жителей Казахстана.

Республика Казахстан традиционно является поликультурной страной. Однако культура использования русского языка более устойчива по сравнению с другими языками, поскольку он функционировал и в советские времена в качестве основного языка межэтнического общения в Казахстане. С обретением Казахстаном независимости казахский язык получил статус государственного, а русский язык сохранил свой официальный статус [9].

Хотя в современном Казахстане казахский язык укрепил свои позиции в нескольких сферах общества, таких как СМИ, образование, торговля, а также в сфере культуры (музыка, литература, изобразительное искусство и т. д.),

однако он имеет значительный дефицит функциональной области по сравнению с русским языком. Русский язык по-прежнему доминирует как язык межнационального общения в ряде областей, таких как неформальное, научное и деловое общение. После обретения независимости страна также поддержала введение английского языка в свою систему образования. Помимо двух официальных языков, а именно казахского и русского, английский как глобальный язык также вошел в лингвокультурный дискурс Казахстана.

Список использованной литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык в современном мире / В. В. Виноградов. - М., 1968. - С. 23.
2. Доклад МИД РФ. Роль русского языка в мире: новые вызовы и решения // <http://www.mid.ru/ns-vnpop>
3. Богачев, И. И. Продвижение русского языка / И. И. Богачев // <http://diplomatica.ru/?pl=page&id=67&lng=ru>
4. Электронный ресурс. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly> (дата обращения: 05.02.2014).
5. скринник в.м. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008.
6. Яценко, Е. Русский язык - советский язык? / Е. Яценко // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema05.php> Электронная версия бюллетеня Население и общество (Демоскоп WEEKLY №329-330).
7. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. - М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 450 с.
8. Демографический ежегодник Казахстана: статистический сборник / под ред. Смаилова А.А. Астана, 2015. С. 223.
9. Law on Languages of the Republic of Kazakhstan (from July 11, 1997, № 151-1/ Main Legislative Documents on Languages). Almaty, 2005. P. 5-12.

Түйіндеме

Жаңа тәуелсіз мемлекеттердің қалыптасу кезеңі орыс тілінің өміршеңдігін (өміршеңдігін) сынау кезеңі болды. Бүгінгі таңда Орталық Азия аймағындағы мемлекеттерде орыс тілін білмейтіндер немесе аз ғана білетіндер көп.

Summary

The period of formation of new independent states turned out to be a period for the Russian language to test its vitality (viability). Today in the states of the Central Asian region, a fairly large number of people do not know the Russian language or know it only a little.

Жұмаш А. Д.,
магистрант специальности
«Международные отношения»,
Университет «Туран»
(научный руководитель – проф. Камалов А.К.)

РЕАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА «ПОЯС И ПУТЬ» В КАЗАХСТАНЕ

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Один пояс, один путь, политика, международные отношения.

Проект "Один пояс, один путь" (ОПОП), представляющий собой глобальную инициативу, запущенную Китаем в 2013 году, стал одним из ключевых факторов в мировой экономике, оказывая значительное влияние на развитие торговых и экономических связей между странами Азии, Европы и Африки. В контексте этой инициативы центральная роль отводится странам Центральной Азии, в частности Казахстану, который занимает особое положение как важный транзитный узел, играющий ключевую роль в реализации проекта и в укреплении своего экономического партнерства с другими участниками инициативы.

Сама по себе идея углубления торгово-экономического сотрудничества в регионе не является новой. Аналогичные проекты с разной степенью успеха продвигают и Соединенные Штаты Америки, Европейский союз и Россия.

Появление и ускоренная реализация интеграционных инициатив, предлагаемых различными центрами силы, поднимает новые вопросы и обостряет конкуренцию в регионе Центральной Азии. В этом отношении китайская инициатива «Один пояс, один путь», несомненно, способствует усилению конкуренции. Год за годом ее реализация проливает свет на дополнительные вопросы, требующие решения. В этом контексте Казахстану и другим республикам Центральной Азии становится все труднее поддерживать хрупкий баланс сил.

С 1997 года сотрудничество Казахстана и Китая ограничивалось сырьевой сферой, а основными пунктами двусторонней торговли были экспорт нефти, газа и минералов. Однако инициатива «Пояс и путь», представленная председателем КНР Си Цзиньпином в Назарбаевском университете в 2013 году 7 сентября, придала новый импульс казахстанско-китайскому сотрудничеству[1].

В настоящее время Китай является крупнейшим инвестором и главным торговым партнером для стран региона Центральной Азии. С каждым годом увеличивается количество проектов между Китаем и странами Центральной Азии, включая открытое движение поездов из Китая в Европу, создание китайско-казахстанской базы логистического сотрудничества, развитие

строительства автомагистрали «Западная Европа - Западный Китай» и открытие авиасообщения между Китаем и всеми странами Центральной Азии. Также функционируют три ветки газопровода «Центральная Азия – Китай». Тем не менее реализация проекта "Один пояс, один путь" в Казахстане и других стран ЦА сталкиваются с геополитическими проблемами, такими как опасения относительно возможной зависимости от Китая и геополитическое соперничество между крупными державами (Россия, США), что может повлиять на ход реализации проекта [1].

8 июня 2017 года на выставке «ЭКСПО-2017» Н. Назарбаев и Си Цзиньпин приняли участие в телемосте «Казахстан и Китай — транзитный мост Евразии». Нурсултан Назарбаев отметил важность запуска нового транспортного коридора Хоргос — Ляньюньган, а также для открытия контейнерного сообщения между "сухим портом" Хоргос, который входит в состав Свободной экономической зоны «Хоргос - Восточные ворота», и китайским городом Чэнду. Назарбаев назвал проект ярким примером такого эффективного сотрудничества двух стран, объединивших программы «Экономический пояс Шелкового пути» и Государственную программу инфраструктурного развития Казахстана под названием «Нурлы жол» [2].

Согласно предоставленным данным, с 2013 по 2020 годы Китай инвестировал в экономику Казахстана около 18,5 млрд долл. США, из которых 3,8 млрд долл. США были направлены в сферу транспорта. Это свидетельствует о значительной финансовой поддержке Китая в развитии транспортной инфраструктуры Казахстана [3]. В 2022 году объем транзитных грузоперевозок по железной дороге Казахстана в рамках Транскаспийского международного транспортного маршрута увеличился на 1,1 млн тонн и достиг 9,4 млн тонн. Также значительно увеличились транзитные грузоперевозки автомобильным транспортом из Китая и составили 980,6 тысяч тонн. Это свидетельствует о росте транспортной активности и увеличении объемов грузоперевозок между двумя странами. На данный момент, в рамках согласования казахстанской программы «Нурлы Жол» и китайской инициативы "Один пояс, один путь", реализуется ряд крупных совместных проектов на общую сумму более 21 млрд. долл.[3]

Наргис Касенова отмечает, что казахстанский «Нурлы Жол» и китайский «Новый Шелковый путь» - это взаимодополняющие проекты, которые основаны на рамках сотрудничества в области энергетики и инфраструктуры, существовавших еще до «Пояса и пути». Оба проекта имеют схожее название («Светлый путь»-«Один пояс, один путь»), что указывает на глубокую связь между ними [4]. Однако, проект «Нурлы жол» может привести к истощению финансовых ресурсов страны. Кроме того, проект подчеркивает приверженность Казахстана к китайскому партнеру, что может ослабить традиционную многовекторность Казахстана. В дополнение к тому, что проект «Нурлы Жол» был разработан в сотрудничестве с китайской инициативой «Новый Шелковый путь», сотрудничество между этими двумя планами значительно подчеркивается обеими сторонами, что

указывает на преобладание восточного направления во внешней политике Казахстана [5].

Китай предоставляет значительные кредиты и финансирует не только проекты, связанные с инициативой «Один пояс, один путь», но и те, которые запланированы в рамках программы «Нурлы Жол». Важно учитывать, что, как и любой другой проект, китайская инициатива «Пояс и путь» несет в себе не только преимущества, но и определенные риски и вызовы. Инвестиции Китая в инфраструктуру и проекты развития в других странах усиливают его экономическое и политическое влияние в Центральной Азии и за ее пределами. Ведущий казахстанский китаевед К.Л. Сыроежкин призывает к осторожности в оценке сотрудничества с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и рекомендует придерживаться национальных интересов, тщательно анализируя угрозы и вызовы практической реализации инициативы в Казахстане [6].

Проблему восприятия и отношений Китая и Центральной Азии также рассматривает Сафовудин Джаборов. Он выделяет ряд проблем, таких как возможная зависимость региона от китайских инвестиций для поддержания и развития инфраструктуры, созданной в рамках «ОПОП». Также отмечается, что упрощенная торговля может привести к разрушению конкурентоспособности местных компаний и увеличению спроса на китайский импорт в Центральной Азии. Дополнительно проводит параллели между современными отношениями Китая и Центральной Азии и экономической системой бывшего Советского Союза, где республики поставляли энергоресурсы и сырье в более промышленно развитые регионы. Сегодня Китай, как и Советский Союз, в первую очередь заинтересован в импорте сырья, энергии и полезных ископаемых из региона, а также в экспорте своей готовой продукции в Центральную Азию [7]. Таким образом, можно сказать, что кредитная политика Китая может быть охарактеризована как «хищническая помощь».

Некоторые ученые считают, что Казахстан находится в «долговой ловушке» с Китаем, что означает, страна обременена высоким уровнем долга и зависит от Китая для удовлетворения своих финансовых потребностей. Хотя и китайские кредиты имели значение для развития проектов в Казахстане, они не являются единственным или самым значительным источником финансирования в стране. Связи между Казахстаном и Китаем в области финансирования более сложны и разнообразны, чем просто «дипломатия долговой ловушки».

Согласно данным, Национального банка в середине месяца лета 2023 года, Казахстан задолжал Китаю 9 млрд долл. США. Утверждение, что Казахстан целиком и полностью в долгу относительно. Учитывая другие страны Казахстан задолжал больше денег в первую очередь Нидерландам (41 млрд долл. США), затем России (13,7 млрд долл.), США (12,4 млрд долл.), Франции (11,3 млрд долл.) [8].

Открытие внутреннего рынка Казахстана в рамках торгово-экономической интеграции сопряжено с значительными рисками. Хотя перенос производства в Казахстан может привести к созданию новых рабочих мест, предприятия, полностью зависящие от китайской технологической цепочки, фактически станут китайскими филиалами, где все технологические разработки будут осуществляться в Китае. То есть, вместе с развитием промышленности будут приходить и китайские технологии, требующие освоения и наличия инженерных кадров для их применения. Еще одной проблемой является стремление китайских компаний полностью контролировать осуществление проектов, в которых они участвуют, и требование использования китайских технологий и материалов, что увеличит нашу зависимость от них. Более того, в будущем планируется экспортировать китайские стандарты, технологии и бренды, помимо экспорта избыточных мощностей за рубеж. Уже сегодня наша зависимость от Китая непропорционально велика.

Следует отметить, что строительство железнодорожной линии в целом не очень выгодно для Казахстана, поскольку отвлечет на себя часть грузопотока, который сейчас проходит через территорию страны. Но, с другой стороны, реализация этого проекта создаст условия для здоровой конкуренции и будет способствовать улучшению железнодорожных пограничных переходов между Казахстаном и КНР. Следует также отметить, что не только среди простых граждан, но и среди экспертного сообщества существует определенная обеспокоенность в связи с расширением китайского влияния, в данном случае в контексте создания предприятий. Жители Казахстана наблюдают постоянное расширение китайского присутствия в экономике с конца 1990-х годов. Увеличение числа китайских компаний, работающих в Казахстане, в сочетании с превращением КНР в глобальную экономическую державу и ростом военной мощи Пекина вызвали настороженное отношение. Цели и задачи проекта заключаются в открытии границ для свободного перемещения товаров и людей между Китаем и Центральной Азией. Именно с этим связаны определенные риски, так как возникает перспектива оказаться втянутым в торгово-экономическую и миграционную экспансию Китая. В этом контексте «ОПОП» тесно связан с другим китайским проектом - зоной свободной торговли в рамках ШОС. Это предложение Пекина было заблокировано Москвой, после чего появились новые измерения Большого евразийского проекта. Национальные перспективы Китайские власти, возможно, изменили свою тактику, основываясь, прежде всего, на двустороннем сотрудничестве с каждой из Центрально Азиатских республик. На мероприятиях ШОС китайские власти в очередной раз заявили о своей заинтересованности в создании зоны свободной торговли в рамках ШОС [9]. Несмотря на официальные заявления китайских властей о том, что КНР не стремится к мировому господству, Пекин, судя по всему, всерьез намерен сформировать альтернативу существующему мировому порядку.

В целом, обобщая можно утвердить, что помимо всех потенциальных рисков и угроз, страны Центральной Азии активно включены в реализацию инициативы "Один пояс, один путь", осознавая значимость проекта для развития своих национальных экономик.

Реализация китайского проекта «Пояс и путь» в Казахстане имеет значительные последствия как для Китая, так и для Казахстана. Для Китая этот проект позволяет диверсифицировать торговые маршруты, снижая зависимость от традиционных каналов. Он также укрепляет геополитическое влияние Китая в регионе, поскольку устанавливает более тесные связи с Казахстаном, одной из ключевых стран Центральной Азии. Кроме того, проект предоставляет китайскому бизнесу возможность инвестировать в развитие инфраструктуры и получить доступ к новым рынкам в Казахстане.

Для Казахстана проект «Пояс и путь» несет в себе такие экономические выгоды, как рост торговли и прямых иностранных инвестиций и т.д. Однако с проектом связаны и проблемы и риски, такие как потенциальное долговое бремя и экологические проблемы. В целом, реализация проекта "Пояс и путь" в Казахстане создает как возможности, так и проблемы для двух стран, оказывая влияние на их экономику, политику и двусторонние отношения в целом.

При совершенствовании проекта «Один пояс, один путь» национальным государствам необходимо уделять особое внимание аспектам безопасности и не оставлять их на второстепенном плане в погоне за экономической выгодой и политическим влиянием. Важно стремиться к достижению баланса между развитием и безопасностью, учитывая потенциальные риски и угрозы, связанные с геополитическими интересами и воздействием иных сил. Только таким образом можно обеспечить стабильность и устойчивое развитие в рамках данного проекта, с учетом интересов всех участников и обеспечивая долгосрочные результаты и благосостояние региона.

Список использованной литературы

1. Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы - Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. С. 6 – 7.

2. Кагазбаева Э. Проблемы и перспективы сопряжения «Один пояс — один путь» с казахстанским проектом «Нұрлы жол» // Материалы Первой Международной научно-практической конференции «Китаеведение в Казахстане и за рубежом», 2018. С. 195—203.

3. Еркинкызы Н. «Один пояс – один путь»: перспективы и риски для Казахстана [Электронный ресурс]. – М. : Exclusive.kz, 2023 URL: <https://exclusive.kz/odin-poyas-odin-put-perspektivy-i-riski-dlya-kazahstana/>(дата обращения 06.12.2023);

4. Kassenova, N. (2017). "China's Silk Road and Kazakhstan's Bright Path: Linking Dreams of Prosperity". *Asia Policy*, 24, 110-16. URL: <https://doi.org/10.1353/asp.2017.0028>. (дата обращения 06.12.2023)
5. Xinhua (2018). "哈萨克斯坦驻华大使：中国已为其他国家做出了开放的榜样 (Kazakhstan's Ambassador to China: China Has Set an Example of Openness for Other Countries)". Xinhua News Agency, 12 March 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-03/12/c_129826453.html (дата обращения 06.12.2023)
6. Сыроежкин К. Казахстан и геополитические проекты США и Китая в Центральной Азии, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://365info.kz/2016/04/kazahstan-i-geopoliticheskie-proekty-ssha-i-kitaya-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения 06.12.2023)
7. Jaborov S. (2017) Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or 'Predatory Lending?' in China's Belt and Road
8. Национальный Банк Казахстана, [Электронный ресурс]. - Nationalbank.kz, 2023 URL: <https://nationalbank.kz/ru> (дата обращения 07.12.2023)
- Shtukina E. (2015) China Proposes to Establish a Free Trade Area Within the SCO. 15 December. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2527761> (дата обращения 06.12.2023)

Түйіндеме

Мақалада Қазақстанда қытайлық жобасын іске асыру қарастырылады. Қытайдың осы бастамаға қатысты сыртқы саяси стратегиясы оның Орталық Азиядағы негізгі компоненттері тұрғысынан баяндалады. «Нұрлы жол» және «Бір белдеу, бір жол» мемлекеттік инфрақұрылымдық даму бағдарламасын байланыстыру тұжырымдамасы шеңберінде Қазақстан мен Қытайдың ынтымақтастығы жеке қарастырылады. Қазақстанға осы геосаяси жобаны іске асыруда Қытайдың ықтимал тәуекелдерін және кемшіліктерін зерттеуге ерекше назар аударылады.

Abstract

This article examines the implementation of China's "Belt and Road" project in Kazakhstan. China's foreign policy strategy in relation to this initiative from the point of view of its main components in Central Asia is outlined. Kazakhstan and China's cooperation within the framework of the concept of linking the state infrastructure development programme "Nurly Zhol" and "Belt and Road" is considered separately. Special attention is paid to the study of possible risks of China, in the implementation of this geopolitical project on Kazakhstan.

Юсимова Лиана
Студентка 4 курса ОП
«Международные отношения»
Университета «Туран»
Научный рук-ль: Оржанова У.К.

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ключевые слова: трансформация, протест, архитектура, терроризм, демография, акторы, трансформация.

«Арабская весна» беспрецедентное по своим масштабам и последствиям событие после развала социалистического лагеря и распада Советского Союза, оказавшее огромное влияние на всю систему международных отношений. Она запустила глубокие процессы трансформации мирового порядка.

Они продемонстрировали развитие следующих тенденций. Во-первых, это углубление социальных противоречий в региональном и глобальном контексте. Что и показали арабские события, в которых недовольство населения условиями жизни явилось основным фактором и причиной протестов.

Во-вторых, они явились ярким подтверждением нестабильности возникшей после краха СССР биполярного мироустройства однополюсного мира, где единоличным лидером выступает Америка.

В-третьих, происходит реформативное изменение архитектуры международных отношений, в которой появляются новые игроки, претендующие на роль центров силы.

В-четвертых, «Арабская весна» четко разделила внешних акторов на несколько лагерей. Основными из них являются два. Первый блок западных государств во главе США. Второй состоит из ситуативных и компромиссных союзников, каждый из которых преследует собственные интересы. К ним можно отнести Россию, Китай и Иран.

Отрицательными последствиями постбиполярного мира, которые наглядно проявились в арабских протестах, можно назвать:

- неспособность международных институтов к решению современных проблем и конфликтов;
- разрушение системы глобальной безопасности, основанной на результатах Второй мировой войны;
- появление новых мировых вызовов и угроз;
- изменение баланса сил мировых игроков и их иерархии [1].

Среди глобальных рисков особое беспокойство вызывают активизация террористических и экстремистских группировок, усиление их влияния в мусульманском мире, обострение этнорелигиозных и межцивилизационных

противоречий, рост транснациональной преступности и наркотрафика. Наиболее опасным фактором, влияющим на всю международную стабильность и безопасность, представляющим угрозу миру, является бесконтрольное распространение оружия массового уничтожения, попытки неядерных государств получить или разработать атомную бомбу. Абсолютно противоречащим международному праву стали неадекватные заявления политиков из Северной Кореи и России о применении ядерного оружия.

Мировой экономический кризис и события «Арабской весны» продемонстрировали уязвимость международной экономики, усилившейся после пандемии и приведшей к сокращению товарооборота, стагнации и даже падению темпов развития.

Социально-демографические аспекты стали одними из главных потрясений для арабского мира. В сочетании с внутренними причинами внешнее воздействие не только разрушило относительную региональную стабильность, но и ускорило глобальные процессы трансформации.

При этом в каждой из стран Ближнего Востока роль триггера протестов сыграл комплекс факторов, имеющий как общие характеристики, так и свою специфику. Можно наблюдать ее с точки зрения исторической ретроспективы.

Речь идет об определенной периодичности в смене политических режимов в государствах региона. Так, время от времени автократичная власть, ориентированная на Запад, или же дружественная по отношению к Советскому Союзу, сменяется правлением националистических правительств, основанных на исламском праве.

На протяжении XX века такие изменения коснулись целого ряда стран – Египта, Туниса, Ливии.

Вероятно, дело в том, что попытки модернизации политического и экономического устройства имели незавершенный характер и ложились более тяжким бременем на население. Правительства же спешили разрешить самые насущные потребности народа в продуктах питания, обеспечении рабочими местами и достойным уровнем заработной платы. Поэтому финансовый кризис тяжело отразился на самых уязвимых слоях населения, что конечно привело к взрыву их недовольства. Тем более, что современные средства информации позволяют быть в курсе того, как живут в других развитых государствах. Народ начинает понимать, что причиной его бедственного положения, является коррупция, повально охватившая правительственную верхушку и их приближенных.

Конечно, только один этот фактор не смог бы сыграть роль запала в Арабской весне», тем более, что в некоторых странах социально-экономическое положение было относительно благополучным.

Так, в Египте наблюдались довольно высокие темпы роста экономики.

Не столь высоким был уровень безработицы, который был ниже чем среднемировой. Аналогичные позиции имелись и в Алжире и Марокко.

На наш взгляд, «Арабская весна» имела комплекс причин внутреннего и внешнего порядка. Системная трансформация международных отношений привела в действие силы, связанные с падением не оправдавшей надежд социалистической и глубинными изъянами капиталистической экономики. Мир находится в поиске новых форм общественного развития, который бы смог обеспечить достойный уровень материального благосостояния. Эти изменения усугубились борьбой внешнеполитических игроков за усиление своего влияния. Сегодня наблюдается новый раскол мира, который остро нуждается в международном порядке, направленном на обеспечение равных прав и соблюдения интересов всех членов ООН.

Демографический вопрос затрагивает все государства на планете. В одних происходит старение населения, смертность начинает превышать рождаемость, в других – увеличивается численность молодежи. Ко второй группе относится арабский мир, в котором демографический возраст очень молод.

Сравним средние возрастные показатели по регионам.

Таблица 4 – Сравнительные показатели демографического возраста по странам мира [2].

Страна	Численность населения (чел.)	Средний возраст (лет)
Алжир	43 940 000	27,5
Египет	111 390 203	24,1
Ирак	41 310 000	19,4
Иран	88 778 234	29,5
Ливия	6 835 422	27,2
Сирия	15 792 000	20,2
Саудовская Аравия	40 218 169	29,8
США	331 449 281	38,5
Китай	1 411 750 000	38,8
Россия	146 425 000	40,4
Турция	85 279 553	30,4
Франция	67 750 000	42,1
Германия	83 200 000	44,0

Население стран Ближнего Востока по среднему возрасту намного моложе, нежели США, Китая, России, Франции и Германии. Он колеблется в диапазоне от 19,4 до 29,8 лет. Наиболее молодым является население Ирака и Сирии (19,4 и 20,2). В самой возрастной группе находятся Ливия (27,2), Алжир (27,5) и Саудовская Аравия (29,2).

Соседи по региону Турция и Иран обладают населением со средним возрастом 30,4 и 29,8 лет, соответственно.

В США этот показатель составляет 38,5, в Китае – 38,8, в России – 40,4, во Франции – 42,1 и в Германии – 44 года.

Это говорит о том, что более молодые по возрасту страны имеют большой взрывной потенциал молодежи, что безусловно оказывает серьезное влияние на стабильность. Америка, КНР, Россия и государства ЕС идут в направлении демографического старения, что отрицательно сказывается на трудовых ресурсах и угрожают падением темпов экономического роста. А, следовательно, снижают их геополитический вес и военную мощь.

Хотя Ближний Восток занимает лишь небольшую долю в мировом населении, она составляет немногим более 3 %. Однако, он обладает значительным демографическим потенциалом, который растет с каждым годом.

Это утверждение можно проиллюстрировать данными по Египту, самому крупному по численности населению государству в регионе. Его население Египта растет быстрыми темпами. С 80 443 тыс. в 2010 году оно увеличилось до 111 390 тыс. в 2022 г. По прогнозам до 2050 года оно достигнет 165 млн.

Ежегодный прирост превышает два с половиной млн. чел., а его темпы варьируются в рамках 1,9-2,5 %. При этом доля лиц в возрасте до 15 лет составляет почти 34 %.

Итогом демографических процессов на Ближнем Востоке является факт доминирования молодежной группы, выдвигающейся на передовые рубежи изменений. Молодые люди остро чувствуют неудовлетворенность своим положением, отсутствием достойной работы и заработной платы, не имеют возможности улучшения своего социального статуса. Они считают, что коррумпированная власть несет вину за такое состояние страны, наблюдая при этом как живут люди в развитых государствах.

Наиболее характерны такие ощущения для образованной части молодежи, у которой больше запросов и потребностей в самореализации. Поэтому они полагают, что необходимы перемены, могущие дать им свободу и благосостояние. Благодаря социальным сетям они получают информацию и расширяют свои представления о лучшей жизни, и стремятся реализовать свои надежды, включаясь в политическую борьбу.

«Мягкая сила» Запада эффективно работает в этом направлении, используя различные инструменты.

«Арабская весна» принесла больше позитивных результатов там, где выдвигались политические лозунги. Так, были отстранены от власти одиозные политики в Египте, Тунисе. В странах, где митингующие требовали повышения лишь социальных выплат и заработных плат, правительствам относительно легко удалось справиться с протестами, не нанеся ущерба политическому устройству.

Говоря о ее результатах многие специалисты, в основном западные, считают их провальными, похоронившими надежды на развитие демократических процессов. Они обозначают ситуацию, сложившуюся после арабских волнений, словом «Фитна». В переводе с арабского – хаос.

Политолог из США С. Кук утверждает, что Ближний Восток превратился в антиутопию и демонстрирует безнадежность положения. По его мнению, в регионе царит насилие, террор, экономический упадок, происходит укрепление авторитарных режимов, эскалация конфликтов [3].

Негативными последствиями «Арабской весны» явились:

- усиление авторитаризма и диктаторских режимов;
- продолжающиеся гражданские войны в Ливии и Сирии;
- замораживание народных вступлений в монархических государствах;
- новые всплески антиправительственных протестов в Судане, Алжире,

Тунисе, Ливане и Ираке;

- расширение и укрепление радикальных и экстремистских группировок.

Требования политических перемен не исключали и материальных потребностей. Народу нужно было добиться улучшения своей жизни и обеспеченности, социального статуса и избавиться от страха перед репрессиями и беззаконием.

Однако, атмосфера хаоса привела к потребности крепкого и стабильного государственного устройства. Правительства арабских стран напротив ужесточили режим контроля, ограничили права граждан и предоставили свободу действий полицейским и органам безопасности.

Вероятно, отдаленным следствием арабских событий можно читать нападение ХАМАС на Израиль и начавшуюся между ними войну.

В социально-экономическом плане последствия волнений носят негативный характер, выражающийся в усилении коррупции, увеличении разрыва между богатыми и бедными; безработице и массовой эмиграции населения.

К 2020 году Валовой Внутренний продукт в регионе снизился на пять и более процентов. Число мигрантов из Сирии и Ливии превысило несколько миллионов.

Произошло резкое сужение рынка труда при постоянном увеличении человеческих ресурсов. Только в Египте требуется ежегодное трудоустройство семисот тысяч человек. А к 2030 году потребуются занять от шестидесяти до ста млн. рабочих рук.

Влияние «Арабской весны» на политику США можно определить, как двоякое. Вашингтон понимал, что странам Ближнего Востока нужны реформы, идущие сверху, то есть постепенно проводимые их правительствами.

В то же время он стремился как можно быстрее получить необходимый результат и поэтому посчитал более эффективным начать реформирование и модернизацию по западному образцу через давление снизу. Тем более, что предпосылки для массовых протестов имелись, поскольку население выражало сильное недовольство существующим политическим режимом. В связи с этим не считаем верной позицию многих российских исследователей,

считающих, что волны арабских волнений были инспирированы внешними силами, в частности Соединенными Штатами Америки.

Но, нельзя не учитывать и их участие, а также предательство своих союзников. К примеру, лидеры Туниса и Египта считались дружественными для американцев, но, когда начались протесты и народ потребовал их отставки, то США с легкостью отказались их поддерживать.

Что касается Сирии, то Белый Дом изначально был настроен против Б. Асада и хотел его свергнуть руками умеренной оппозиции. Однако, участие в антиасадовском лагере террористов ИГИЛ и Аль-Каиды, заставил их переключиться на их уничтожение. После этого, Вашингтон вновь вернулся к поддержке оппозиционных сил.

Россия же пытается представить себя в роли защитника угнетенных и поборника справедливости и установления безопасности регионе. На деле она стремится укрепить свое влияние на Ближнем Востоке, противопоставляя себя США. Таким образом, она хочет увеличить свой геополитический вес и преследует собственные корыстные интересы, направленные на дестабилизацию региональной ситуации, раскол в арабском мире.

Германия и Франция руководствуясь соображениями энергетической безопасности одновременно пытаются укрепиться в политическом пространстве региона и в рамках этого подхода иницируют совместными со странами Магриба проекты и программы.

Последствия «Арабской весны» оказывают влияние на локальном и глобальном уровнях. Имеется высокая вероятность трансформации всей архитектуры международного порядка. Или, по меньшей мере, на некоторые его составляющие. В частности обострились дискуссии о Совете Безопасности ООН – его составе, численности участников, непосредственной деятельности и эффективности. Также ведется разговор о роли НАТО и изменении регионального и мирового расклада сил.

Дальнейшее развитие событий на Ближнем Востоке привело к разрастанию конфликтов, формированию компромиссных группировок государств, усилению террористической активности, закончившейся нападением бежиков ХАМАС на Израиль. В ближайшей и среднесрочной перспективе прогноз для региона неблагоприятный. Главное сегодня, прекратить оккупацию сектора Газа и начать реальный переговорный процесс по созданию двух самостоятельных государств – Израиля и Палестины. Иначе, произойдет эскалация напряженности, в конфликт втянутся не только региональные игроки, но и международные акторы.

Список использованной литературы

1. Аватков В.А. Арабские волнения и трансформация международных отношений: "окно возможностей" для России / В.А. Аватков, Н.В. Соколова // Право и Управление XXI век. - 2012. - № 4(25). - С. 80-86.
2. Сост. По данным <https://countrysimeters.info>

3. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Интернет-революции или просто фитнес: к десятилетию «арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 529—542.

Түйіндеме

Араб көктемiнiң салдары жергiлiктi және жаһандық деңгейде өз әсерiн тигiзуде. Халықаралық тәрiптiң бүкiл архитектурасын өзгерту ықтималдығы жоғары. Немесе кем дегенде оның кейбiр компоненттерi. Атап айтқанда, БҰҰ Қауiпсiздiк Кеңесi – оның құрамы, қатысушылар саны, тiкелей қызметi мен тиiмдiлiгi туралы пiкiрталастар күшейдi.

Abstract

The consequences of the Arab Spring have an impact at the local and global levels. There is a high probability of transformation of the entire architecture of the international order. Or at least some of its components. In particular, discussions about the UN Security Council - its composition, number of participants, direct activities and effectiveness - have intensified.

Давыденко Н.
Студентка 4 курса ОП
«Международные отношения»
Университета «Туран»
Научный рук-ль: Оржанова У.К.

СУЩНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Ключевые слова: терроризм, страх, репрессии, устрашение, криминал, преступление.

Терроризм как понятие происходит от латинского слова «terror», что в переводе означает «ужас, страх». Как форма насилия он имеет истоки со времен Великой Французской революции. Однако, на сегодняшний день термин не получил общепринятого толкования.

Более или менее достигнут консенсус в его понимании, как насильственное достижение целей различного характера, прежде всего политических.

Отсутствие единства в определении дефиниции объясняется наличием разных подходов к его сущности и значимости.

Тем более, что на современном этапе происходит трансформация и рост разнообразия применяемых им методов и форм.

В связи с этим зачастую под определение попадают другие деструктивные проявления, как:

- мятежи;
- репрессии;

- криминальные преступления;
- киберугрозы и т.п.

Имея в основе признаки политического устрашения, по своей природе они не могут причисляться к террористическим действиям. Они могут использоваться в качестве инструментов терроризма, по сути своей к нему не относясь.

Серьезной проблемой для определения дефиниции «терроризм» является отсутствие четкого разграничения с другими понятиями, такими, как «радикализм», «экстремизм», «сепаратизм» и «борьба за самоопределение».

Поэтому в научном обществе продолжается поиск определений, могущих наиболее точно охарактеризовать его как социально-политическое явление. Хочется подчеркнуть, что исследователи сходятся во мнении, что в его основе лежит нелегитимное насилие [1, с. 22].

Соответственно, и борьба с терроризмом должна вестись не только в рамках международного и национального законодательства, но и силовыми методами.

С.М. Ермаков подчеркивает это обстоятельство и настаивает на том, что он представляет собой «сверхпреступление», которое требует тождественного ответа.

Непременным фактом является непрерывная трансформация значения термина «терроризм», видоизменившегося от радикальной государственной политики до борьбы за власть против существующего государственного или конфессионального устройства.

Сегодня террористическая деятельность имеет значительные отличия как по признакам, так и по форме, от существовавших ранее.

В настоящее время на передний план выдвинулся международный терроризм, представляющий наибольшую угрозу для мира и стабильности.

Существует несколько классификаций терроризма, которые разделяют его на несколько видов, исходя из целенаправленности или же характера субъекта террористической деятельности. Имеются и иные типологии, определения в которых формируются в зависимости от социально-политической значимости.

В таблице 1 проведена систематизация видов терроризма.

Таблица 1 – Виды терроризма [2].

По целенаправленности	По характеру субъекта	По иным чертам
Национальный	Индивидуальный	Оппозиционный
Религиозный	Коллективный	Единоличный
Идеологический		Уголовный
Социальный		

Перейдем к рассмотрению содержания типологий терроризма.

Целью национального терроризма является борьба за освобождение от гнета другого государства или народа или же требование сепаратизма.

Религиозный терроризм гораздо обширнее и среди его целей присутствует большее разнообразие.

Так, ключевой задачей может являться свержение светской власти и замена ее на конфессиональную.

Другой вариант предполагает межрелигиозную борьбу, например, мусульман и иудаистов.

И, наконец, возможная цель религиозного терроризма, когда противостояние происходит среды разных направлений одной веры – суннитов и шиитов, католиков и православных.

Изменение политической или экономической системы лежит в основе идеологического и социального видов терроризма. Наиболее характерными примерами можно назвать красный и белый террор, фашистский, европейский левацкий и экологический.

Существует также другая типология. В ней разделение на виды происходит по степени участия количества людей и организованности.

К первому разряду относят индивидуальный терроризм, который совершается одиночками и имеет признаков организации. Из наиболее свежих примеров можно привести расстрел 70 человек Брейвиком. Причиной скорее всего явилась ксенофобия и расизм.

Коллективный терроризм осуществляется несколькими лицами, состоящих в организованной группировке и заранее планирующих насильственную операцию. К ним относятся Красные бригады, Ирландская республиканская армия (ИРА), «Страна басков и Свобода» (ЭТА), Аль-Каида, Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ).

Также терроризм может проявляться в форме экстремизма оппозиции, индивидуальном радикализме, когда теракты проводятся против конкретных лиц и уголовном преступлении.

В отдельную категорию нужно выделить политический терроризм, который представлен такими видами, как:

- террор;
- левый терроризм;
- правый терроризм.

В первом случае осуществляется запугивание политических противников, который осуществляется методами физического насилия.

Ультралевая идеология является базой второго вида политического терроризма. При этом идейные лозунги формируются на основе маоизма, троцкизма, анархизма. Довольно широко такого рода левацкие группировки распространены в Азии, Африке и Латинской Америке.

Правый терроризм основан на ультраправой националистической идеологии. Представителями можно назвать американский «Ку-клукс-клан», турецких «Серых волков».

К ультраправым относятся и Аль-Каида и ИГИЛ, руководствующиеся религиозно-политической идеологией.

Различают государственный терроризм, который имеет несколько разновидностей.

Наиболее часто этот термин употребляется для обозначения насилия со стороны государства против граждан. Под ним понимают:

- убийства;
- похищения;
- пытки;
- задержания;
- казни.

Эти террористические действия совершаются сотрудниками силовых ведомств и покрываются государственными органами.

Вторая разновидность – это акты насилия, которые совершают представители специальных органов страны.

И, еще одна форма, когда государство финансирует и вооружает преступные сообщества.

В государственном терроризме обвиняется Беларусь, Иран, Китай, Ливия, Северная Корея. После вторжения России в Украину, целый ряд стран обвинил РФ в терроризме, спонсорстве терроризма, военных преступлениях и геноциде украинцев. Такие решения приняли Литва, Латвия, Нидерланды, Эстония, Чехия, Польша, Словакия, Украина, Парламентские ассамблеи НАТО, ОБСЕ и Совета Европы, Европарламент и Сенат США.

В списке государств-спонсоров терроризма, составляемым Американским Госдепом, находятся в настоящее время Куба, Иран, Северная Корея и Сирия. Ирак, Ливия, Судан и Южный Йемен были исключены. Неоднократно и разными силами предпринимались попытки внести Российскую Федерацию в этот перечень. Пока резолюцию по этому вопросу приняли сенаторы.

На волне Революции 4.0. особую остроту приобрел технологический терроризм, для которого характерна угроза применения оружия массового уничтожения. В арсенале террористов находятся и средства энергоинформационного вооружения, наркотические, химические и бактериологические средства.

Они угрожают захватом и уничтожением транспортных средств, атомных станций, гидросооружений, которые могут нанести огромный ущерб не только экономике и экологии, но и жизням сотен тысяч людей.

Список использованной литературы

1. Пинчук Ю.А. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политологический анализ. Автореф. Дис..д.п.н. – М., 2019 – 47 с.

2. Королёв А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. М.: Московский гуманитарный университет, 2008 – 234 с.

Түйіндеме

Терроризм – қоғам дамуының белгілі бір кезеңінде тудыратын және тудыратын әлеуметтік мәселе. Қазіргі терроризмнің қыры көп және көп өлшемді. Біздің заманымызда терроризм феномені жер шарындағы адамдардың санасы мен жүрегіне терең еніп үлгерді.

Abstract

Terrorism is a social problem generated and generated by society itself at a certain stage of its development. Modern terrorism has many faces and is multidimensional. The phenomenon of terrorism in our time has managed to deeply penetrate the minds and hearts of people all over the planet.

УДК 327

Оржанова У.К., Есеркемисова Б.А.,
ассоциированные профессора
Университета «Туран»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ФОРМЫ ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: демократия, власть, государство, устройство, институт, политическая система.

После распада Советского Союза новые независимые государства приступили к реформированию своих политических систем. В самом начале их институциональная архитектура имела много общего, что было обусловлено необходимостью слома старого советского порядка и трансформацией для формирования демократических основ государственного устройства и построения рыночного общества.

Постепенно становились более ярко выраженные присущие каждой стране особенности и характерные черты. Тем не менее, общие принципы до последних лет позволяли рассматривать их в едином постсоветском пространстве.

Кроме государств Балтии все из них избрали систему государственного устройства, в которой главенствующая роль отводилась институту президентства. Но, уже в начале XXI века события в Грузии и Кыргызстане показали недостатки сильной президентской власти и начался постепенный разлом пространства постсоветских государств. Окончательно общие

характеристики нивелировались в связи с украинским майданом и стремлением Украины присоединиться к Европейскому Союзу.

При президентстве М. Саакашвили Грузия также намеревалась вступить в ЕС и НАТО.

Азербайджан начал тесное сближение с Турцией, которая сильно помогла ему в последнем конфликте с Арменией из-за Нагорного Карабаха.

Окончательно постсоветское пространство распалось после войны, начатой Россией против Украины. Членство центрально-азиатских республик в Евразийском экономическом союзе и ОДКБ стало обременять их в связи с агрессивными амбициями и претензиями РФ.

На повестке дня остро стоит вопрос о выходе из этих объединений, поскольку из-за введенных против Москвы санкций, Казахстан и Кыргызстан могут также попасть под вторичные санкции.

Тем не менее, условно специалисты продолжают рассматривать бывшие советские республики как государства со схожими политическими институтами.

В связи с необходимостью классификации моделей института президентства требуется определение культурно-исторических ареалов, сформировавшихся на распадающемся постсоветском пространстве. Х.А. Гаджиев предложил выделение четырех таких зон: страны Балтии и Молдова; государства Закавказья; Россия, Украина, Беларусь; Центрально-Азиатские республики [1].

По мнению автора первая группа, в которую входят страны Балтии и Молдова, стремятся к европейскому политическому устройству. Государства этого блока формировали политическую систему, базирующуюся на сильной представительной власти. Президент при таком порядке не играл роли политического лидера и воспринимался как лицо, выполняющее второстепенные функции.

Три остальных ареала – Восточно-славянские страны, Республики Закавказья и Центральной Азии избрали модель, в которой главенствующим является институт президентской власти.

Как уже было выяснено, институт президента представляет собой сложную политическую структуру, состоящую из множества элементов, предназначенных для эффективного функционирования государственной власти.

Отметим, что более многообразной и разнородной политической системе соответствует такой сложный институт президента. А он, как глава государства и политический лидер занимает высшую ступень во властной вертикали.

В ряде постсоветских государств существенной особенностью президентской власти является представление о нем, как о символе единства народа и гаранта политической стабильности. Типология систем государственного управления постсоветских республик требует дополнительного выделения моделей института президента, действующих в

них. Специалисты считают, что к признанным в мире системам правления – президентской, смешанной и парламентской, следует добавить такие критерии, как:

- степень влияния президента на исполнительную власть;
- воздействие его на законодательные органы;
- возможность оказывать действие на судебную систему;
- функционал президента в отношении изменения своего места и роли в государственном управлении.

Применение этих конструкторов позволяет определить четыре модели института президента: сверхсильная власть; сильная, умеренная и слабая [2].

Таким образом, существуют такие типы власти политического лидера, как сверхсильная, сильная, умеренная и слабая.

Трансформация политических систем в постсоветских республиках в качестве успеха требовала сохранения стабильности и социального единства. Это можно было обеспечить через соблюдение следующих условий:

- соответствия историческому и культурному своеобразие;
- воспроизводство главных черт и принципов социального порядка;
- обеспечение преемственности в политической сфере;
- эффективность деятельности институтов;
- сохранения равновесия между президентской властью и другими государственными структурами.

Проведем сравнительный анализ как происходило становление института президентства на примере Азербайджана, Кыргызстана и России. Во всех трех государствах этот процесс протекал под влиянием событий политического, экономического и социального кризиса. Поначалу формирование моделей в них было похожим и шло в направлении создания сверхсильной президентской власти.

Однако, затем интенсивность и продолжительность изменений стала различаться. Если Баку и Москва показывали движение в сторону укрепления власти президента, то Бишкек после 2010 года вектор сместился к парламентской форме правления.

На сегодняшний день в Азербайджане установилась модель сверхсильной президентской власти, что предполагает укрепление политического лидерства И. Алиева. Что касается России, то произошла чрезмерная концентрация всех рычагов управления в руках В.В. Путина и как полагают исследователи, произошел переход к диктатуре.

В Кыргызстане сформировалась модель слабой президентской власти и в настоящее время можно говорить о ее движении к парламентской или по меньшей мере смешанной форме политического устройства. За суверенный период в стране сменилось шесть президентов, что является рекордом не только для Центральной Азии, но и для других постсоветских государств, исключая Украину.

На наш взгляд, парламентская форма правления является более демократичной и сегодня она более приемлема, чем опасные к перерастанию в диктатуру суперпрезидентские республики.

Список использованной литературы

1. Гаджиев Х.А. Институт президентства на постсоветском пространстве как фактор политической стабильности. Автореф. дисс. к. п.н. – М., 20188. – 25 с.

2. Шкель С.И. Авторитаризм в постсоветских государствах Центральной Азии и Кавказа: факторы устойчивости и режимной динамики. Автореф. Дис... д-ра полит. наук. Уфа, 2015 – 54 с.

Түйіндеме

Бірқатар посткеңестік мемлекеттерде президенттік биліктің маңызды белгісі оның халық бірлігінің символы және саяси тұрақтылықтың кепілі ретіндегі идеясы болып табылады.

Abstract

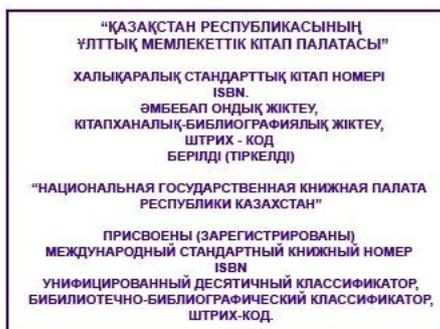
In a number of post-Soviet states, an essential feature of presidential power is the idea of it as a symbol of the unity of the people and a guarantor of political stability.

УДК 327 (5)
ББК 66.4 (5)
ЦЗ8

коллектив авторов

Центральная Азия в контексте глобальных геополитических изменений»
Материалы
международной научно-практической конференции – Алматы, 8 декабря
2023 г., Университет «Туран». 257 с.

ISBN 978-601-214-633-2

ISBN 978-601-214-633-2

Алматы, 2024